Николай Ватанов

МЕТЕЛИЦА

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

1962

Николай Ватанов: МЕТЕЛИЦА

Николай Ватанов

МЕТЕЛИЦА

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

1962

BLIZZARD

COMIC STORIES

by

Nicholas Vatanov

Светлой памяти моей матери Марии

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

МЕТЕЛИЦА

I

Очень важно при всяких жизненных огорчениях уметь находить подходящее утешение. В данном случае таким утешением, очевидно, мог быть лишь дикий грэйпфрут. Но когда мой сосед, томно прошептав: — Господи, за что?, — стремительно склонился долу, — грэйпфрут перестал действовать. Я быстро оделся и по раскачивающимся, железным трапам вывинтился на палубу. Наверху бесновались стихии: дико завывал ветер, со всех сторон хлестало водой. Наш корабль храбрых «генерал Мюр», по непонятным для меня причинам, еще держался на волнах и даже пытался двигаться вперед. Судорожно уцепившись за протянутый канат, я стал пробираться по скользкой, вздымающейся палубе. В это время меня из темноты окликнул простуженный бас:

— Зайдите сюда, господин. Сохранитесь немного.

В затишке примостился на спасательных кругах большой, бородатый мужчина. Когда я присел рядом и мы закурили, незнакомец печально проговорил:

— Плывем! Зачем и куда неизвестно!

— Гм... надеюсь, что в Америку!

— А для чего ? ?

— На это трудней ответить. Повидимому, чтобы там, в Америке, начать новую, более счастливую, жизнь.

Незнакомец вздохнул и сильно задымил трубкой. После длительной паузы он заговорил снова: — Вспом-

нил я сейчас тоже о новой, счастливой жизни, недавнюю быль . . . Если угодно перескажу, все равно в каюте спать невозможно.

— Сделайте одолжение.

— Было это еще «там», в тридцатых годах — начал незнакомец свою быль. — Похоронил я тогда свою жену и вскоре выдал замуж единственную дочку Наташку. Зятёк попался с положением — помощник начальника станции Нахичевань-Донская. И мне вышла невдалеке от них позиция, при разъезде 2-Бис. Полотно пробегало здесь по высокому холму. От города нас отделяли непролазные овраги и буераки. По другую сторону холма протекала болотистая реченка, за ней лежал поселок, извините, Непечатный (названный так начальством взамен неприличного местного названьица). Место пустынное и с непривычки немного страшное. На самом же деле самое безопасное. Своя босота нас не трогала и стеной стояла против городской. Сослуживцы попались мирные, особенно сдружился я с ночным сторожем отцом Феофилом, из расклобученных монахов. Любили мы с ним пройтись вечерком по путям. Ветерок с Дона свежий дует, солнышко красное закатывается.

— Хорошо, говорю, у нас. От людей далеко, к Богу близко.

— Да, — отвечает отец Феофил, — очень хорошо. Мы здесь вроде заживо погребенные.

Завели мы огород, птицу разную, даже поросенка совместно приобрели. Ну, думаю, спасибо, здесь мне на покое и доживать. Но не та была, видно, воля Божья. Приходит однажды отец Феофил, или в миру Федор Павлович, рассказывает, что только-что слыхал по радио, что Сталин объявил о наступлении счастливой жизни. Помните: «жить стало лучше, жить стало веселей». Напрасно, говорю, Федор Павлович, себя расстраиваете, нас на полустанке счастливая жизнь может

и не коснется. Нет, отвечает, не судите, милчеловек, столь легкомысленно: если из Кремля воспоследовало такое вещание, то всем к беде. Не поверил я тогда, но вскоре убедился, что он был совершенно прав. Приезжает дня через три на дрезине зятек Теодор, или попросту, Тодька. В фуражке с красным околышком — значит по должности. Вначале то да се, как поживаете, мол, папаша и тому подобное. Потом началась критика. На таком-то километре надо столбики подбелить, там-то канавку почистить.

— Воронежский скорый мимо пробегает, а у вас, папаша, в окнах по фронту канареечная птица и герань стоит, что царское мещанство. Читали, небось, газеты, что теперь красивая, зажиточная жизнь на первом плане, значит всякое обилие.

— Какое же, говорю, я тебе еще обилие выставлю ? ! Разве поросенка за ножку в окне привяжу ? !

Поморщился. — Опять, папаша, отвечает, совсем не то. Экий вы, извините, политически неграмотный. Поймите, у вас полустанок, значит красный транспорт, а не сельская выставка. Герань и клетку немедленно уберите, в следующий раз я что-нибудь созвучное вам на витрину привезу. Потом при клубе кружок по изучению европейских танцев организовался.

— Ну и пляшите, говорю, вы люди молодые.

— Да нет же, отвечает, мы и вас, папаша, втянуть намерены. Хотим из вас выковать всесторонне-развитую социалистическую личность.

— Ты что, одурел что-ли ? ! рассердился я. — Я за тебя, паршивца, дочку свою выдал, а ты ковать меня собрался! Иди с развитой социалистической личностью знаешь куда . . .

— Ну ладно, ладно, говорит, — зазвонил и укатил на своей дрезине.

Дешево, думаю, отделался. Попутный ветер! Но не тут-то было. Вскоре опять заявился, теперь с Наташкой. С первых слов на меня напустился:

— Папаша, говорит, открылась политмассовая кампания в полном объеме. Сам товарищ Зорев приезжал. Ростов, Батайск, Новочеркасск уже танцуют. 100 процентов охват! Допрофсож нам инструктора выделил. Теперь я вас освобождать больше не могу — скажут, покрываю как родственника. Беспрекословно добровольно записывайтесь!

— Папочка, — просит Наташка, — не подводите Тодю. Вы еще не старик, ну что вам стоит! Ваш Федор Павлович и тот записался.

Насели, как клопы из старого дивана, не отпускают! Тут я смалодушничал, чего для своего дитяти не сделаешь! Схожу, думаю, раза два, а там кампания, есть надея, и сжухнет. Кроме того, если такой человек как отец Феофил записался, значит так и надо. И записался себе на погибель!

В субботу побрились мы не в зачет, почистились насколько возможно и поехали с вечерним дачным на урок. Настроение хоть вешайся, Федор Павлович же сбоку печально так скулит:

— Люди в храм на вечерню направились, а мы черта тешить спешим, — и прочее подобное. Не выдержал я наконец, говорю:

— Первым записались!

До станции доехали мы молча, вылезли и по грязи потащились в клуб, на собачью свадьбу.

Там, в зале, уже полный подвижной состав пригнан, все свои: машинист Петров, смазчик Иванов и Сырочкин, кондуктор Авдеев и прочие линейные. В ряд с дамами выстроились. На них со стены папаша-усач вызверился и на полотнище его последняя заповедь воспроизведена: «Жить, мол, стало слаще, жить стало веселей!» Отметились по списку и тоже стали. Наряди-

ли мне парой нарпитовскую кухарку, прозванную Лилипутой по причине ее толщины и малого роста. Инструктор говорит:

— Я сейчас дам музыку и показательно пройдусь перед вами. Оркестр, прошу фокс-трот, в медленном темпе ! . .

Подхватил нашу Наташку и перед нами майским жуком просучил.

— Поняли, спрашивает? Дальше мы первой парой пойдем, а вы вслед продвигайтесь, нас копируйте. Да не стойте так без всякого понятия, словно мешки с отрубями. Улыбайтесь, с вашими дамами говорите бальный разговор. Алло, оркестр, приготовиться!

Я говорю:

— Что-то у меня голова разболелась, здесь вроде угарно.

— Это наверно от меня отражает, — отвечает Лилипута, — весь день картофельные котлеты пекла. Наш завхоз целый пуд рыбьего жира где-то стрельнул!

Подбегает тут к нам инструктор.

— Почему, кричит, вы с вашей дамой в такой дистанции ? ! Возьмитесь левыми руками, а правой обоймите ее за талию.

Я рассердился:

— Неужели, говорю, товарищ инструктор, не видите нашего несходства в ранжире ? ! Еще за ухи я ее, изловчившись, поймаю, а чтобы как иначе схватить- — невозможно!

В перерыве вышли мы на улицу воздуху заглотнуть. Бредем, словно побитые. Дела, думаю, хуже, чем можно было предположить.

Отец Феофил тот совсем нос повесил, из Апокалипсиса замогильные тексты приводит: — Затрубят роги и воцарится, говорит, разноглавый, вонючий зверь и предаст души на посрамление. Подождите, еще не то бу-

дет! Побросают нас нагишем в бассейны с проточной водой, прикажут: учись-ка плавать!

Я рассердился, говорю:

— Падать духом все же не следует. Надо думать, как нам выкрутиться! Конечно, это не по вашей специальности, не поклоны бить!

Кондуктор Авдеев вслух рассуждает:

— Может руку или ногу себе повредить, новобранцы прибегают. Или в следующий раз каким крепким навозом вымазаться ? !

— Не подойдет, отвечаю, 58-ю статью безусловно схватишь!

Идем дальше, тоскуем и вдруг видим в окне светится: «вина стаканами».

— Эх, друзья, говорю, зайдем, стукнем с горя по 100 граммов, может что и прояснится!

— Я хоть и не пьющий, возражает отец Феофил, — но в нашем положении другого выхода не вижу.

После зарядки мне показалось, что в клубе вовсе не так все паскудно, занижено выглядит. Снова вернулось нормальное дыхание, гибкость в членах появилась. Инструктор мои старания заметил:

— Смотрите, смотрите, говорит, этот бородатый дядя стал что-то соображать, начал двигаться!

В перерыве мы снова во двор поспешили, не сговариваясь курс на чудесный светофор взяли. Авдеев команду подает: набрать паров; сейчас, товарищи, подъемы брать!

Бежим обратно, а ноги кадрили выделывают, к танцам рвутся. У дверей столкнулся я с Тодькой, тот испуганно на меня посмотрел. Тут впервые у меня мысль мелькнула, что политику лишь политикой вышибать можно.

В теплом зальце меня развезло. Стали люди собираться, на меня зубоскалить.

— Граждане, говорю, чего смеетесь, тут не смеяться, а тут . . . радоваться нужно! Я думал, что жизнь моя закончена, глянь, она только в разворот пошла ! . . Спасибо товарищу Сталину, ура!

Произношу, одним же глазом кошу на партийный состав. Вижу партком в растерянности, не знает на какую ногу стать. Тут я уже смелей, требую: музыка жарь «наш паровоз». Потом рассказывали, что очень оживился. Один пошел трепака отплясывать. Мне кричат: — Василий Тимофеевич, вы из пары незаметно для себя выпряглись!

Другие тревожатся:

— Заткните чем нибудь оркестр, разве не видите, что человек под музыку остановиться не может!

Все как в тумане поплыло. Домой, спасибо, отец Феофил доставил.

— Здорово вы, папаша, вчера пьяный были, — на следующий день говорит мне Тодька.

— Кто пьяный ? ! Да ты что ? ! Наверно никогда пьяного не видал! — удивился я. — Просто весел был по случаю счастливой жизни.

Покачал Тодька головой и нерешительно предложил:

— Может быть вы в следующую субботу дома отдохнете, поскольку вас танцы так расстраивают?

— Не пойдет, отвечаю. Прогульщиком никогда не был. Записался, значит всю балетную курсу выдержу.

Походил, походил по двору Тодька, махнул рукой и уехал.

— Подожди, думаю, я тебя, стервеца, поучу!

II

К субботе мы загодя подготовились: подговорили двух знакомых баянистов и некоторых танцоров из Непечатного, собственного горючего запасли и к сроку двинули.

С нашим приходом стало в танцклассе шумно. Первоначально все выстроились в ряд парами: инструктор с Наташкой, Тодька с парткомшей, вслед пары помоложе и поприличней, а затем уже мы, хвостовым опахалом.

— Эй вы там позади, потише, — кричит инструктор. — Такту соблюдайте!

— Делай свое дело, отвечаем. — Мы свое, ты свое.

Два круга прошли фокс-тротой.

— Перерыв, кричит инструктор. — Что то с вами неладное сегодня происходит. Отдохните.

После отдыха мы перешли в прямое наступление, шумим:

— Не хотим больше дымных стряпух, подавай нам первейших балерин из Ростов-Узел!

Поменяли нам баб. Мне выделили официантку Маньку, из недавно перековавшихся.

— Не унывай, папашка! — говорит. — Со мной не пропадешь!

— Вижу, детка, отвечаю, и радуюсь!

Дальше все веселей пошло у нас, из задних рядов в передние переключились. Ввиду успешных наших действий и прочий народ к нам постепенно пристал.

— Давай, папашка, учешем качучу! — внесла предложение Манька. — Ну их, с салонными, к свиньям собачьим!

— Подожди, говорю, не вдруг завинчивай! Здесь все же тебе не вечерний пансион, а профкурсы.

Но удержать народ было уже невозможно. Начался всеобщий шум и разворот. Ко мне отец Феофил приблизился, испуганно шепчет:

— Началось стрекотание! Как бы, Василий Тимофеевич, чего не получилось ? !

— Все в порядке, отвечаю. Ваши обязанности, отец Феофил, остаются ангельские: потом нас живыми домой доставить.

Откуда то выскочил Тодька, бледен лицом, возмущается:

— Это, товарищи, уже Бог знает что такое! У меня из сигнального фонаря наполовину керосин отлили, в коридоре поставил.

— Еще раз проверь, — хором ему отвечаем. — Не может того быть, наверно у тебя по дороге утечка случилась. Мы, члены профсоюза, себе не позволим!

— Нет, возражает, в ваши ряды шпана просочилась. Некоторых личностей из Непечатного я определенно различаю.

— Насчет шпаны полегче на поворотах! Тут не уголовный розыск, а бальный вечер.

Так Тодька ни с чем в толпе и скрылся. Вскоре я говорю:

— Товарищ Авдеев, перенимай команду, я уже голос сорвал.

Тот вдруг как возопит:

— Гран-рон без различия пола и возраста!

Взялись мы за руки, два круга, один в другом образовали.

Выбежал инструктор.

— Безобразие, говорит, я решительно запрещаю. Оркестр немедленно прекратить!

Не тут то было! Наши баянисты из Непечатного вперед вышли, да как хватят, с переливами!

— Предъявите ваши билетики, — командует дальше Авдеев. — Которые зайцами, по закону штрафуются!

— Вот заяц, вот шлюха бывших императорских подмостков! — кричим. Схватили инструктора, впихнули в середину и пошли крутить, один круг в одну сторону, другой в противную. Только хлопья летят и возгласы раздаются! Словом — метелица ! ! !

Через некоторое время Тодька, надев красную фуражку, инструктора из двойного круга вырвал, от смерти спас.

Три дня Тодька у нас не появлялся. Я уже тревожиться начал. В четверг, однако, наконец заявился с Наташкой, мрачнее тучи.

— Что вы, папаша, говорит, задумали? Банду сколотили, политкампанию решили сорвать? Не советовал бы ! !

— Прежде всего не угрожай! — отвечаю. — Мы сами с усами, газеты читаем и генеральной точно придерживаемся. Кампания сейчас веселия и всякого обилия в полном разгаре, и никаких еще сигналов обратного действия пока не воспоследовало. «Головокружения от успехов» еще не замечено.

— Мы вас, за ваше поведение решили из кружка исключить, — продолжает свое Тодька. — Можете дома теперь сидеть, носки штопать.

— И не подумаю, говорю, а выключить попробуйте! Я всю вашу братию к черту через прессу взорву! Зажимщики, срыватели центральных директив, мол, выискались! Не поздоровится ! ! !

Походил, походил Тодька по двору и говорит:

— Давайте, папаша, по хорошему. Не думал я, что вы такой политик!

И Наташка просит:

— Папочка, не позорьте нас! Тодя по ночам спать перестал: опасается, что спьяна что нибудь на путях перепутают, стрелки там или что. Выключайтесь, ну что вам стоит!

— Это другое дело, говорю. По хорошему я обсудить всегда готов. Разрыв состава или, не дай Господь, — крушение, при оживленном балете всегда возможны.

— Так по рукам, папаша, — обрадовался Тодька. — Добровольно сегодня выписывайтесь!

— Постой, не спеши, говорю. Мы к субботе новые номера уже подготовили!

— Я вам чижа во вторую клетку куплю, хотите?

— Чижом отделаться хочешь? Не пройдет! У меня другие условия выработаны. Прежде всего отдай гнездо цесарок. — А надо сказать, что эти цесарки были главной имущественной собственностью в приданом.

Побледнел Тодька, говорит:

— Берите!

— Во-вторых, продолжаю я, убери статуй, что мне на окно поставил.

— Хорошо. Ставьте опять вашу канареечную птицу!

— И, наконец, выдай мне, Федору Павловичу и кондуктору Авдееву справку за печатью об успешном окончании курсов западных танцев . . . Вот, теперь везу эту справку в Америку, может пригодиться, — шуткой закончил мой новый знакомый свое повествование.

ПОСТАВЩИК ДВОРА

I

В кабинете управляющего конторой «Паросила» Машкина сидел директор местной табачной фабрики Термассов и вкрадчивым голосом просил:

— На тебя, Ваня, одна надежда. Наш заграничный станок по безмундштучным вчера отказал. Выручай голубчик!

— Мы ведь только по паромашинам, Федя!

— Знаю, но позволь . . . — вдруг всем корпусом нырнул под стол к своему портфелю Термассов. — Я здесь привез тебе на пробу несколько коробок экспортных: «Машук», «Бештау», «Гурзуф», словом весь наш кавказский ассортиментик!

— Алла-Верды, за это спасибо! — обрадовался Машкин и поспешно спрятал папиросы в ящик. — Гурзуф то, кажется, в Крыму, впрочем неважно, ну и . . ?

— Сделай одолжение, командируй к нам на пару дней мастера Кузьму Овечкина, того самого, что вы в прошлом году переманили. Он один разбирается в нашем дерьме. Очень тебя прошу!

Через час Термассов увез Овечкина на табачную фабрику, а утром на следующий день последний докладывал Машкину, что задание им успешно выполнено.

— Станок уже работает ? ! Молодец! — похвалил Машкин, и тут-же приказал главному бухгалтеру выписать табачной фабрике счетик:

— Так рубликов на тридцать-сорок скалькулируйте, Николай Николаевич, и из них Овечкину не менее десятки. Кстати, не угодно ли вам папироску. Экспортная!

В полдень Машкина вызвал по телефону Термассов и невесело сообщил:

— Проклятый станок опять сломался!

— Гм . . . , ну и . . ?

— Пришли снова своего мастера. Что он на самом деле ? !

Вызванный в кабинет для объяснений Овечкин ехать на фабрику отказался.

— Зряшное это дело, Иван Григорьевич, — почтительно, но твердо говорил мастер. — В станке действует двойной шатун, или по нашему цапка-храпок с каталучкой, она нагрузки не выдерживает. Сталь специальная нужна, марки МБ-20, из засекреченных.

— Что ж ты раньше молчал ? !

— Достать ее, Иван Григорьевич, очень затруднительно. Может быть на паровозостроительном, в порядке техпомощи, попросите?

Машкин морщась, — он не любил за острый язык директора завода Пятакова, — стал накручивать номер.

Пятаков, выслушав просьбу, поинтересовался:

— Много тебе этой стали нужно?

— Какое, с килограмм может.

— С килограмм? очень хорошо. А теперь и у меня к тебе просьба.

— Пожалуйста.

— Посмотри, милый, поскорей в левый угол.

— Это еще зачем ? !

— Ну посмотри, тебя просят!

Машкин покосился в темный угол и недовольно сказал:

— Посмотрел. Ну и . ? !

— Ну и дурак! — уверенно сказал Пятаков.

У Машкина вспыхнула лысина.

— Это мы обсудим в Обкоме, кто из нас дурак, — отгрызнулся он. — Там тебе посмотрят в угол!

— Чего, чудак, обижаешься! — удивился Пятаков. — Пойми, ослиная голова, что сталь МБ нами получается по разнарядке самого наркома, и я за каждый грамм персонально несу ответственность.

— Ладно, в Обкоме тебе посмотрят мордой в угол, — уже невнятно повторил Машкин, вешая трубку.

Непосредственно после этого разговора Машкин соединился с табачной фабрикой и сообщил Термассову, что от ремонта станка контора отказывается.

— Извини пожалуйста, Федя. Дело оказалось сложней, чем мы думали. Нужна специальная сталь, а у нас ее нету.

— Ты это серьезно ? !

— Вполне. Очень сожалеем, но взяться за это дело мы не можем.

— Как взяться ? ! Овечкин станок уже располосовал как хотел, а ты говоришь «взяться не можем»! !

— Не ожидал что ты так, в такой плоскости, — обиделся Машкин. Термассов несколько снизил тон:

— Ваня, пойми, в какое ты меня поставил положение! — примирительно сказал он. — Фабрика имеет срочное задание Центра представить экспонаты безмундштучных папирос на сельско-хозяйственную выставку. Сам Микоян в этом заинтересован. И вдруг из-за проклятого станка все срывается!

— Не можем, или достань стали!

— Да где же я ее достану! У нас табачная фабрика. Нет, вы взялись, должны и кончить. Если к пятнице станок не будет пущен, то пеняй на себя.

В субботу Машкина вызвали в Обком. Вернулся он оттуда задумчив и как-бы не в себе.

— Старика нашего видно здорово прочесали! — выходя из кабинета, поделился впечатлениями с нами Николай Николаевич. Замечание главбуха по отношению к нашему совершенно лысому начальнику имело особенно зловещий характер!

II

На следующий день вернулся из командировки главный инженер конторы товарищ Дрянников. Машкин повеселел и немедленно пригласил его к себе.

— Наконец то пожаловали, — приветствовал он инженера. — Мы здесь без вас делов наделали. Влипли, можно сказать, по самый пупок!

— Овечкин мне уже доложил, — сказал Дрянников, усаживаясь в кресло. — Не надо было, Иван Григорьевич, с этим станком связываться.

— Посмотрите, Петр Харлампиевич, поскорей в левый угол, — сердито сказал Машкин. — Я от вас помощи ожидал, а вы говорите пошлости! Посоветуйте лучше, каким порядком можно правомерно достать килограмм МБ-20?

— Сложнейшая процедура: надо затребовать через наркомат, последний, если захочет, снесется с Комитетом Обороны . . . , словом канитель на пол года!

— Через пол года сталь все же получим?

— Нет, откажут!

Наступила пауза, слышно было только как про себя что-то шептал наш незадачливый начальник.

— Что же делать ? ! — поднял он снова голову. — Обком дал две недели срока, после же . . .

Машкин сделал рукой неопределенный жест, скорей всего обозначающий полет в тартары.

Дрянников сочувственно вздохнул.

— Есть и другой путь, так сказать внеплановый, — осторожно начал он. — Вы наверно уже слыхали об инженере Суходол-Бычкове?

— Нет, слышу впервые!

— Так вот, сей Суходол все может достать. За особую плату, конечно.

— Откуда же он берет, — удивился Машкин. — Я надеюсь, законно ? !

— Каким образом при социализме действует подобная личность — судить не берусь, — уклонился от прямого ответа Дрянников. — Но факт остается фактом: существует и не дурно!

— К черту, с этим Суходолом под суд пойдешь!

— Советовать вам, Иван Григорьевич, не могу, сами решайте. Скажу только, что в затруднительных случаях все используют.

— Где же можно найти вашего Суходола ? !

— Он не мой, избави Бог! — отрекся Дрянников. — Сей делец все курсирует по Союзу. Но нам везет: я узнал, что он сейчас случайно в нашем городе задержался. Что то Обкому поставляет.

— Обкому ? ! Гм . . . поговорить с ним все же, пожалуй следует. Как вы думаете?

Свидание вскоре состоялось. Мы все были уверены, что увидим персону хрупкую, пугливо озирающуюся по сторонам, возможно даже — в веснушках и рыжую, и были не мало удивлены, когда к крыльцу конторы подкатил интуристский лимузин и из него вылез крупный, представительный господин, по виду не инженер, а инженерище.

— Моя фамилия Суходол-Бычков, — нисколько не таясь, отрекомендовался он швейцару. — Доложите управляющему.

Но докладывать было нечего: в кабинете уже с утра поджидал его Машкин со своей лейбгвардией — глав-

инжем, главбухом, главпланом, завмастерской, парткомом и прочими завами и главами.

Столь блестящее общество не смутило Суходола, он внимательно рассмотрел чертеж и, задав несколько весьма дельных вопросов, резюмировал так:

— Что-ж если угодно, могу обеспечить.

— А сколько примерно это будет стоить? — поинтересовался Машкин.

Суходол быстро набросал на листке колонку цифр, подбил итог и сказал небрежно:

— От полторы до двух тысяч, из них пятьсот рублей задатка немедленно.

Машкина слегка качнуло в кресле, но он быстро привел себя в порядок, тихо проговорил:

— Хорошо, я подумаю и вас извещу.

Суходол немедленно поднялся.

— Сегодня я уезжаю в Теберду на дачу товарища Ворошилова, — сообщил он. — На той неделе буду обратно, найти меня можно в гостинице Интуриста. Пока.

Когда дверь за ним захлопнулась, мы долго молчали.

— Ну и . . . ? ! — наконец произнес Машкин, вопросительно обводя нас взглядом.

— Это он повезет на Ворошиловскую дачу американский холодильник, — сказал Дрянников. — Выпускать его нам все же не следует.

— С ума можно сойти, — содрогнулся Николай Николаевич. — Две тысячи рублей! Как я их проведу!

Главплан Аким Акимович выдвинулся вперед, с жонглерской ловкостью выхватил метровую ведомость и, разложив ее на столе, загалопировал пальцем по бесчисленным графам: § 221-й — «Стихийные бедствия», как-то: пожар, наводнение, грабеж и т. п. Подходит, но не совсем адэкватно. Кроме того нужен акт, утвержденный правительством. А вот уже лучше:

§ 5135-й, — «Благоустройство и озеленение заводской площадки».

— Подождите вы с вашей зеленью, — отмахнулся от плановика главбух. — Почему Ивану Григорьевичу не позвонить на табачную фабрику: их станок, они и должны платить.

Предложение главбуха все нашли вполне логичным, за исключением, увы, директора табачной фабрики Термассова, тот платить отказался.

— На днях мы уже оплатили полностью ваш счет за ремонт станка в 38 рублей 50 коп. и больше ни копейки не заплатим, — решительно заявил нахал.

— Пусть меня сажают, казнят, лишают партбилета, а станка я ему, мерзавцу, чинить не буду, — страшным образом багровея, возопил Машкин.

Не возражая более ни слова, мы на цыпочках покинули помещение, понимая, что дальнейшая дискуссия о станке может кончиться для нашего начальника фатально.

III

Затем наступило на несколько дней затишье. Дрянников снова уехал в командировку, мы же спрашивать Машкина о станке не решались. Кроме того пронесся слух, что дело каким-то образом уладилось. И вот однажды вечером . . .

Нужно сказать, что по хорошему советскому тону старшим служащим полагается приходить по вечерам на службу и, доказывая свою преданность, просиживать там часами. В тот вечер мы задержались с Николаем Николаевичем необычно долго. Наконец Николай Николаевич особенно громко, так сказать заключительно, щелкнул на счетах и сказал:

— На сегодня довольно!

— Да, пора домой, — согласился я. — Уже первый час.

Но уходить домой Николай Николаевич еще не собирался, а предложил мне сыграть партию в шашки, или, как он выразился: «предаться мирному разврату».

Мне не особенно хотелось распутничать в столь поздний час, поэтому я ответил уклончиво:

— Может быть, Николай Николаевич, все же лучше пойдем домой?

— Домой! У меня, извините, не дом, а жилой сектор! — горько улыбнулся главбух и с неожиданной, полночной откровенностью рассказал, что он долгое время был вдовцом, полгода же как снова женился на особе взбалмошной и странной.

— Она значительно меня моложе.

— Это обстоятельство само по себе и не так скверно, — промямлил я.

— Нет, скверно, — сказал Николай Николаевич. — Вскоре после женитьбы она стала меня называть папой, через месяц же, закрепив за собою жилплощадь, удрала с музыкантом.

— Они это любят, с музыкантами, — согласился я. — Однако не пойму, почему это вас огорчает? Удрала и слава Богу!

— Да это ведь только фигурально говорится, что удрала. Теперь удирать некуда, не царский режим! Напротив, на правах самостоятельного съемщика, она поделила мою комнату на две части и вселила на свою половину этого... жениха.

— Вот, говорит, папенька, ваш сектор, а за одеялами будет наш. Уютненько, правда? Я конечно, говорит, могла бы, пользуясь связями Володи, и вовсе вытурить вас с жилплощади, но по доброте душевной я решила вас наделить шестью квадратными метрами и одним окном. Пользуйтесь, поскольку вы главбух и имели глупость в меня влюбиться.

— Не особенно весело живете, Николай Николаевич, — посочувствовал я. — Теперь я понимаю, почему вас со службы не выгонишь . . . Однако, прошу, ваш ход!

В это время в соседней комнате не своим голосом, непрерывно, затрещал телефон.

— Иногородний вызов, — сказал Николай Николаевич и неохотно поднялся.

— Ну да — Паросила, — через минуту услыхал я разговор. — Но наш управляющий вовсе не Мамашкин, а Машкин.

— Ах, не все ли равно, — рассердилась телефонистка. — Не отходите от телефона и пошлите скорей за вашим Машкиным, его вызывают из Кремля по прямому проводу.

При последних словах меня подняло со стула и я помчался на второй этаж, где в Жакте Машкин занимал шикарную квартиру из двух комнат и собственного ватерклозета. Я стал ломиться в дверь. Машкин был в постели, но к счастью еще не заснул и немедленно, в одном белье, выбежал на лестницу.

— Что случилось, пожар? — спрашивал он.

— Нет, хуже! Но не волнуйтесь, не волнуйтесь, Иван Григорьевич, все обойдется, — старался я его успокоить. — Вас вызывает Кремль, по прямому!

Машкин еще настолько владел собою, что заскочил к себе, предупредил жену и накинул пиджачек. Только тогда мы побежали вниз.

— Дайте же полный свет, — крикнул Машкин, вбегая в контору. — Где? По которому?

У телефона была теперь московская девица, судя по тембру голоса — полная и миловидная блондинка.

— Кто говорит? Машкин? — спросила она.

— Так точно, — почему-то по военному отвечал наш старик. — Я Ма . . машкин.

Услыша «Мамашкин», Николай Николаевич в досаде махнул рукой.

— С вами сейчас будет говорить председатель выставочного комитета товарищ Ульянов, — продолжала блондинка, — не отходите.

— Сам Ильич ! ! — содрогнулся Машкин и как-то странно закатил глаза.

— Покойник ? ? Не думаю! — резонно усомнился Николай Николаевич.

— Значит ихняя супруга, — быстро сообразил Машкин.

Николай Николаевич поднял было руку, чтобы перекрестить смущенного, но тотчас ее снова опустил, испугавшись, должно быть, что того может покарежить (как никак старый член партии!) и только строго сказал:

— Возьмите себя в руки, так дальше нельзя!

Мне Николай Николаевич шепнул, чтобы я сбегал в прихожую к походной аптечке за валерьяновыми каплями.

— И сами примите, на вас лица нет.

Не знаю, что бы могло случиться в ту страшную ночь, не будь с нами этого мужественного человека!

Когда я вернулся, разговор с предвыставкомом был в полном разгаре.

— Разрешите доложить, что шатун, или по нашему храпушка, виноват — храпик . . . — лепетал Машкин.

— Вы, дорогой товарищ, шутить, я вижу, вздумали ? ! — неслось из Кремля. — Срываете задание партии и правительства ! ! Анастас Иванович вас так храпанет . . . Вот кстати и он. — Поговорите, Анастас Иванович, сами с этим идиотом, — кому-то в сторону сказал Ульянов. — Эй, как вас там, товарищ Кашкин! Не отходите!

Тут телефон стал издавать какие-то странные, барабанные звуки.

— Гремит!! — в ужасе прошептал Машкин.

— Подуйте скорей в трубку, — посоветовал главбух.

— Снова слышу... речь... — сообщил нам Машкин, светлея: — Материт!

— Прекрасно! Не возражайте, молча кланяйтесь, — наставлял Николай Николаевич.

Потом связь с потусторонним миром внезапно оборвалась и будничный голос телефонистки произнес:

— Разговор по прямому закончен, выключаю.

Товарищ Машкин в изнеможении рухнул на стул и стал преспапье промокать свою вспотевшую голову. Вскоре он вскочил и заметался по комнате.

— Сейчас же к этому Суходолу. Всех будить, машину! — командовал он в состоянии крайнего возбуждения.

— Лучше бы утром. Возможно, что Суходол еще не вернулся в город, — пытался ему возражать Николай Николаевич.

— Все равно, едем! Немедленно!

Николай Николаевич решил, что дальше противоречить старику бесполезно.

— Сбегайте на квартиру к шоферу, пусть подает, — сказал он мне. — А вы, Иван Григорьевич, тем временем, оденьтесь.

— К черту!

— Нет уж, позвольте, — твердо сказал главбух. — Без брюк никак невозможно, на улице холодно.

IV

Было около двух часов полуночи, когда мы подъехали к гостинице Интуриста. Портье, восточного типа малый, вначале не хотел нас пускать.

— Они здесь, вчера приехали, но сейчас уже спят, — сказал он и усмехнулся: — У них дамочка.

— Правительственное задание, по прямому... — начал было Машкин, но встретив строгий взгляд главбуха, осекся.

— Вот что, милый, — взял слово Николай Николаевич. — Получите 10 рублей, так сказать наградных, и укажите нам его номер.

Портье повел нас по бесконечным коридорам, потом молча ткнул пальцем в одну из дверей и немедленно скрылся. Мы же втроем устроили военный совет.

— Осердится! Лучше бы утром, — шопотом сказал я, стараясь унять начавшийся тик лица.

— Нет уж, приехали — так уж! — рассердился главбух. — Боксировать, надеюсь, умеете?!

— Не думаю: однажды был бит, и то в детстве, — возразил я.

— Не рассуждайте; становитесь, Алеша, на колени и наблюдайте в замочную скважину. Я играю зарю. Иван Григорьевич в стратегическом резерве. Приготовьтесь, начинаю.

И по ночному коридору понеслись первые, еще робкие стуки.

— Шевелится? — сверху спрашивал главбух.

— Еще отдыхают! — снизу доносил я.

Стуки над моей головой усилились и участились.

— Свет! — вдруг вскрикнул я. — На перископ надвигается что-то темное, неясное!

— Прекрасно. Всем держать дверь, кидаться под ноги, — отдавал последние распоряжения главбух. — Ну, с нами Бог!

— Кто там?! — раздался изнутри недовольный бас. — Какого лешего!?

— Откройте, гражданин, вам спешная! — невозмутимо и очень похоже отвечал главбух... Ключ повернулся, замок щелкнул, дверь приоткрылась, высунулась большая, волосатая рука:

— Давайте!

Сильное сердцебиение и усилившийся тик лица помешали мне беспристрастно наблюдать дальнейший ход событий. Уже позднее я лишь примерно восстановил в памяти происшедшее: главбух крепко уцепился за высунувшуюся руку, я с Иваном Григорьевичем широко распахнули дверь и что есть силы нажали сзади, кто-то крикнул ура, и мы всей группой въехали в номер. Перед нами на задних лапах стояло всклокоченное инженерище, страшно сверкало глазами и рыкало:

— Кто такие, кого нужно?

— Мы конечно извиняемся, — очень удачно нашел главбух формулу вступления. Дальше он кратко изложил причину и цель нашего ночного визита.

— Мы боялись, что завтра вы снова куда-либо уедете, — с достоинством закончил Николай Николаевич свою речь.

Машкин решил поддержать своего главбуха:

— Сам Ильич, по прямому . . . — начал было он, но тут же смущенно замолк.

— Вы значит из того самого заведения, как его — «В паре сила» и этот лысый — Папашкин, ваш управляющий, — опознал нас, наконец Суходол и сразу осел. Будучи человеком далеко не робким, он все же был, по-видимому, вначале несколько огорошен внезапным вторжением.

— Нельзя же так, это хулиганство, — уже мягко, почесывая волосатую грудь, сказал он.

— Боб, кто эти идиоты? Что им нужно ? ! — произнес вдруг женский голос.

— Спи пожалуйста, я их сейчас выпровожу, — довольно нелюбезно сказал Суходол.

— Но мне холодно, подай какой-нибудь плед, — капризно произнесла женщина.

— Плед ? ! Где к черту я его возьму! Вот подумайте, — обратился Суходол к нам. — Берут прохвосты по

сорок рублей за номер, не топят (не начался, мол, сезон!) и не дают одеял! Позвольте...

Суходол наклонился, сдернул с пола ковер с изображением полосатого тигра и слегка отряхнув пыль, понес в альков.

— Вот, Леночка, плед. Я тебя сейчас укрою.

Николай Николаевич, настороживщийся при первых словах женщины, наклонился ко мне.

— Это Лена, моя супружница! — очень довольный, прошептал он.

— Вот как ? ! Но чему тут радоваться? — невольно вырвалось у меня.

— Как чему? А музыкант то ? ! Она ему сегодня утром сказала, что уезжает навестить свою мать. Маму ! ! !

— А вы пожалуй правы, что сегодня так меня настигли, — возвратясь, добродушно сказал нам Суходол. — Завтра я уезжаю в Сочи по заданию Семена Михайловича.

— Семена Михайловича, о . . о! — содрогнулись мы.

— А оттуда по вызову Анастаса Ивановича прямо в Москву.

— Самого Анастаса Ивановича, у . . у ! !

— Но вы, товарищ Суходол, не оставьте и нас своим попечением, — смиренно попросил Иван Григорьевич.

— Придется, — милостиво согласился инженер и тотчас начал на листке таинственные калькуляции.

— Дело обойдется вам в две тысячи пятьсот рублей, — сказал он, энергично обводя итог.

— Однако-ж в прошлый раз это было только две тысячи? — удивился главбух.

— Я недоучел срочности заказа, доставка на самолете из Ленинграда, ночного вашего нападения и прочего. Впрочем, если вам дорого...

— Согласен, согласен, — замахал на главбуха руками Машкин. — Умоляю, товарищ, обеспечьте в срок.

— Постараюсь, — скромно отвечал могущественный делец.

V

Суходол не надул. Через неделю мастер Кузьма Овечкин доложил, что станок им пущен и работает с полной нагрузкой. От «озеленения заводской площадки» пришлось полностью отказаться: всю зелень на пять лет вперед слопал проклятый станок. Жизнь в конторе «Паросила» постепенно пришла в норму. Главный инженер Дрянников уехал в командировку, управляющий Машкин вполне оправился и только иногда нервно вздрагивает, когда кто-либо оплошно употребляет в разговоре созвучные пережитому кошмару слова, вроде: ананас, атлас, ватерпас и т. п. Но врачи заверяют, что и это у него пройдет. Целительное время!

Однажды в конторе снова была ночь и снова Николай Николаевич по особенному, так сказать заключительно, щелкнул на счетах и произнес:

— На сегодня довольно!

— Да, пора кончать, — согласился я, сложил бумаги и вытащил коробку с шашками.

— А теперь предадимся пороку! — предложил я.

— Нет, сегодня не выйдет, — отвечал главбух и пояснил: — Я снова семейный человек, вчера вернулась ко мне Елена Михайловна.

— А музыкант ? ! — не совсем деликатно полюбопытствовал я.

— Полная отставка. И так как он, дурак, не сумел закрепить за собой жилплощади, то мы надеемся совместными, с Леночкой, усилиями его выдуть из нашей комнаты на улицу.

— Искренно поздравляю вас, Николай Николаевич, — воскликнул я и с чувством пожал ему руку. — Желаю вам семейного счастья во всей, так сказать, полноте вашей жилой площади. Кстати, мне давно хотелось вас спросить, где, как вы думаете, Суходол тогда достал этой редкой стали на шатун?

— Как где ? ! — удивился главбух и даже с некоторым сожалением, как мне показалось, посмотрел на меня. — Да на паровозостроительном у Пятакова и достал. А вы не знали ? !

— Признаться, не допускал такой возможности. В таком случае Суходол слупил с нас немилосердно!

— Не нахожу: уж больно много участников. Вы я вижу, Алеша, большой идеалист, хоть и завхоз!

Страшная догадка вдруг мелькнула в моей голове.

— Главинж Дрянников знал? — тихо спросил я.

Николай Николаевич кивнул головой.

— А главплан Аким Акимович?

— Конечно!

— А Овечкин?

— И он более ста рублей царапнул!

— А Иван Григорьевич? — с трепетом спросил я.

— Ну что вы! Этот хоть в игре и участвовал, но в качестве дурака, — хитро улыбнулся главбух и наставительно прибавил:

— Великое дело, молодой человек, кооперация, даже при социализме, или верней: в особенности при социализме.

ТАРЗАН

Хулиган у нас тоже водился. Не столичной формации конечно, а соответственный — в краевом масштабе. Вызывает меня однажды председатель горсовета товарищ Федотов на экстренное совещание. Собрались все городские власти. Товарищ Федотов открывает совещание в своей обычной, поспешной манере:

— На повестке, товарищи, один вопрос: О борьбе с хулиганством. Буду краток, разговаривать много не приходится. Бандитизм в нашем городе достиг превосходящей степени. Некоторые улицы стали для мирных граждан непроходимы. Каленым железом надо ударить по классовому врагу, как сказал товарищ Сталин. Прошу высказаться.

Начальник милиции тут подымается и с недовольным видом говорит:

— О бандитизме в городе я в последнее время что-то не слыхал. Бандиты давно из нашего города в другие места передвинуты. Кроме того интересно знать, о каких непроходимых для мирных граждан улицах намекает товарищ Федотов ? !

Начальник Угро ничего не говорит, но тоже улыбается скептически: какие мол у нас бандиты и на каких улицах ? !

Товарищ Федотов выкладывает дальше:

— Скрывать тут нечего! Непроходимая улица, на которую я намекнул, не где-нибудь на Собачьем хуторе,

а в центре города, товарищи, в одном квартале от Горсовета. Это улица Энгельса, в районе городского сквера. Она именно непроходима по вечерам для мирных граждан. Вроде африканских джунглей! Вчера моя жена по неувязке с шофером вынуждена была пройти пешком. Погода, думает, прекрасная, пробегусь! Домой добрались в одном, извините, туфле, и с оторванным рукавом. Еще, говорит, счастливо отделалась!

Начальник Угро тут не выдерживает и фыркает. Смеемся и мы. Начальник же милиции поясняет нашу неуместную веселость:

— Извини, товарищ Федотов, ты как власть в нашем городе новая, видно еще не в курсе. В районе городского сквера, возле монумента товарища Энгельса, по воскресным дням собирается молодежь, наши лучшие ударники и стахановцы. У них вроде карнавала или променажа. Для этого им испокон века левая сторона улицы отведена, по правой же стороне усиленные наряды милиции и проход для граждан совершенно беспрепятственный. Можно пробежать в аптеку или куда гражданину экстренно нужно. Более того, если на променаже кто сильно выпивши и ослабевши, то спасается на правый берег и обратно не выдается.

Мы все подтверждаем, что это действительно так. С правого берега выдачи нет.

Товарищ Федотов видно смущен, но все же еще не сдается:

— Все это возможно, говорит. И променаж, и ударники, и левая и правая сторона. Но все же не ладно по моему как-то. Скажем интурист случайно забредет не на ту сторону и в каком-нибудь заграничном Таймсе опишет.

— О том, товарищ Федотов, не беспокойся, — отвечает начальник милиции. — Интуриста мы по правильной стороне проконвоируем, даже укажем: Смотри, мистер, через улицу — там народное гуляние во всем

русском колорите развернулось. Пиши, сукин сын, в свой паршивый Таймс!

Федотов поколеблен, но все еще куражится:

— Так то оно так. Но настоящей социалистической культурности во всем этом не вижу. Если женщине, к примеру, без башмака домой идти нужно!

Начальник милиции видит, что его взяла, и тоже идет на уступки:

— Может, говорит, наш предгорсовета, в кой-чем прав. Социалистической культуры, как сказал товарищ Сталин, в воскресном променаже действительно маловато. Есть известная грубость, потому что рабочая молодежь!

Мы все подтверждаем:

— Известно, молодежь!

Товарищ Федотов тут подумал, подумал и говорит:

— Мое резюмэ тут будет такое: нужно этот воскресный карнавал перевести на другое, нейтральное место. Есть у нас за городом так называемая Барабанова роща, зря пропадает. Свалка, дикие коты завелись, того и гляди рыси и волки забегают. Предлагаю основать там Парк Культуры и Отдыха, подобно столичному. Средства найдем, сегодня назначим комиссию от милиции, здравотдела, комсомола под председательством, гм . . . лучше всего товарища Сучкина (это моя фамилия). Ему и карты в руки, он благоустройством и древонасаждением ведает. Товарищ Сучкин, тебе достаточен двухмесячный срок?

Вскочил я тут как ошпаренный и возражаю:

— Помилуй, говорю, товарищ предгорсовета, я действительно возглавляю подъотдел благоустройства при коммунотдела Горсовета, не отрицаю. Но моя задача благоустройство, так сказать, неживой природы, а насчет живого персонала, людским благоустройством скорей начмилиции или начугро ведать должны. Это не по моей специальности.

— Брось ты пожалуйста, товарищ Сукин, виноват — Сучкин, чушь городить! Изволь завтра же представить план и смету расходов.

Все улыбаются, злорадствуют, что я так влопался.

— Хорошо, говорю, товарищи. Добровольно соглашаюсь, поскольку партия и правительство меня выдвигают. Постараюсь.

И закипела у нас работа. Кусты корчуем, дорожки прокладываем, электрики провод тянут, плотники павильоны строят, даже трамвайную ветку удлинили. К сроку, однако, все как полагается, на главных воротах надпись: Добро пожаловать! Городской сад имени товарища А. П. Федотова. Приехал и сам Федотов, осмотрел, остался доволен. — Видишь, говорит товарищ Сучкин, а ты уверял, что не по твоей специальности! На той неделе откроем, я с пожарным оркестром уже договорился. В воскресение, значит.

И открыли. Только через пару недель неувязка получилась. Вызывает меня товарищ Федотов к себе. Ходит недовольный по кабинету, папиросу сосет. Потом вдруг повернулся ко мне и ехидно так:

— Устроил, товарищ Сучкин, сад культуры ? ! А ?

Я молчу, выжидаю куда обернется.

— Что молчишь ? ! Отвечай — учредил парк культуры?

— При вашей, товарищ Федотов, помощи сад основали. Это точно.

Пошел на меня Федотов рычать:

— Не сад культуры, а очаг культуры! Такой очаг, что вот начмилиции мне сегодня рапортует, читай!

Беру бумагу, читаю: — Настоящим довожу до вашего сведения, что в новом городском саду вашего имени свили себе гнездо хулиганы и окрестное население жалится. Просит закрыть немедленно. Не только зайти туда жителю невозможно, но и пройти мимо крайне опасно. Посланный мной наряд милиции доносит: Сидим

как в осаде в кефирном павильоне. Ребята добрались до ящиков с крокетными играми и теперь мечут деревянные шары словно гранаты. Срочно пришлите подмогу, а также шанцовый инструмент для сооружения простейших укреплений . . . и т. д.

Отложил я донесение и развел руками:

— Надо, видно, сад закрывать! Обратно устраивать променаж по улице Энгельса.

— Я те закрою, — рычит товарищ Федотов. — Я так тебя, Сукин-Сучкин, закрою, что через ухо дышать будешь! (Федотов выразился еще грубей!)

И была-бы мне совсем труба, да вдруг из бокового столика подымается личный секретарь и главный выдумщик Горсовета — товарищ Падь и говорит:

— Позвольте мне сказать.

— Говори, — разрешает предгорсовета.

— По моему мнению товарищ Сучкин не виноват. Почему в новом саду происходят такие неустройства и вот вот обернется настоящим разбоем с убитыми и ранеными ? ! Да потому, что там молодежи смертельно скучно. В саду собираются наши лучшие ударники и стахановцы, т. е. воины, богатыри! Им бы окопы брать или танки штурмовать. А вы что им предлагаете ? ! Детские забавки! Зайдет такой молодец в сад, понюхает цветочки, попробует простокваши по способу товарища Мечникова, посмотрит на шашки и нападет на него такая тоска, что в пору повеситься. И начинает кружить, силушку свою неиспользованную вытрушивать.

— Так ты что предлагаешь? — иронически спросил Федотов. — Побоище для молодцов организовать, огненный бой ? !

— Зачем бой, — возразил Падь. — Сейчас времена мирные! Нет, другая у меня идея. Есть у меня знакомый техник-изобретатель, тот самый, что в прошлом году бочку строил, где по стенкам мотоциклы метались, а народ сверху за двугривенный дивовался. Так он нам

в саду аттракционы, на манер московского парка культуры, выстроит. Сядут молодцы, полетят, дури у них поубавится.

— П-хе, — скривился товарищ Федотов. — Те аттракционы небось тысячи стоят, у нас таких денег нет.

— Знаю, — согласился Падь. — Известно, что таких денег нет. Наши номера попроще будут, да пожестче! На народной смекалке основанные. А эффект тот же, присмиреют богатыри, на ослабевших ножках домой пойдут. Во сне вздрагивать будут!

Товарищу Федотову план секретаря понравился:

— Зови твоего изобретателя, — говорит. — Обсудим.

Недели через три аттракционы были готовы. Поехали мы с товарищем Федотовым осматривать механизмы. Разные штуки настроены, больше из дерева и из жести. Сверху разными яркими колерами выкрашены и поощряющие лозунги намалеваны. Над деревянным конем, что брыкается и на дыбки становится — «Эх полечу, поскачу, конница Буденного!», или у парашютной вышки — «Высоко заберусь, на землю парашютом спущусь! Красные соколы!» и другие, в том же духе. Наконец подводит нас товарищ Падь к какой-то страховидной штуковине: огромная, десятисаженная мачта лежит на двух подставах, на одном конце баранью голову приделали. Тут же ремни сыромятные с пряжками.

— Это еще что такое? — удивился товарищ Федотов. — Сюда коней впрягать будешь ? !

— Нет товарищ председатель, — отвечает Подь. — Это у меня главный аттракцион, так сказать гвоздь сезона. Игрушка для самых могучих. За езду на этом инструменте премия полагается — пол литры сорокоградусной. Сейчас продемонстрируем. Вася, поди сюда!

Подходит Вася, из бывших цирковых артистов, ложится плашмя на конец мачты (личиком к земле), только голова его торчит — над бараньей, его крест на крест

ремнями обстегивают. Падь поясняет: — В этой игре правильная привязка первое дело! Готово? Отойдите, товарищи, за оградку! Пускай!

И полетела мачта вверх, стрелой высоту набирает, в вертикаль к небу стала, а на конце Вася, ввиде маленькой фигурки виднеется, что-то кричит, может отвязать просит.

— Наивысший подъем достигнут! — поясняет товарищ Падь. — Сейчас начнется обратный спуск. Внимание!

И полетела мачта вниз, как камень метеорит с ясного неба. Мы закрыли глаза, чтобы не видеть ужаса. Но механизма была так устроена, что не долетая с пол метра до земли, мачта мягко затормозила и стала как вкопанная.

Отвязали бывшего циркового артиста, он слабым голосом чего испить просит.

— Да . . . а, — покачал головой предгорсовета. — Шутка серьезная, не вышло бы чего! —Тут техник-изобретатель выступает, гордится своей точной механикой:

— Ничего, говорит, здесь произойти такого не может. Тормоза научно рассчитаны и ремни на разрыв опробованы, вола при всей быстроте выдержат.

— Если так, — замечает Федотов, — то пробуйте сегодня вечером. От себя ставлю еще пол литра герою полетчику.

Мы прокричали ура предгорсоветчику и разошлись.

И началась у нас в саду новая эпоха: культуры и отдыха! Хулиганство сошло почти на нет, мирные граждане стали свободно передвигаться во всех направлениях. Даже молодые бабы и те частенько пробегали по дорожкам нетронутые. У аттракционов всегда молодежь теснится. Кто на коне гарцует, кто кружит вниз головой на лодке, кто с вышки сигает, но больше всего

мачтой, прозванной Тарзаном, интересуются. Милицейские те не нарадуются, вдали парами прогуливаются, возле душистого табачка останавливаются, нюхают!

Вскоре наступил какой-то советский праздничек. В парке у нас назначено усиленное гуляние с действием пожарного оркестра. Предгорсовета, который давно своим детищем интересовался и спрашивал, мне звякнул: — Это ты, товарищ Сучкин, у телефона? Я думаю сегодня вечером в саду побывать. Приходи и ты, вместе обсудим дальнейшее благоустройство. Будешь? Пока . . .

Вечером действительно приезжает со всей свитой. Пошли в обход. Народ на нас ноль внимания, на эстраде пожарники вальс зажаривают, молодежь танцует, боевики же вокруг аттракционов — словом все заняты, — культура! Предгорсовета товарищ Федотов все обошел, свои одобрительные замечания сделал. Наконец, подошли мы к Тарзану. За истекшее время здесь много усовершенствований введено. Установлено, что за три полета вниз личиком — пол литры (личиком вверх — дешевле), если на землю острые шипы положены — то два полета достаточно и т. п. Твердые словом правила!

Когда мы приблизились, на Тарзане как раз молотобоец-стахановец Голенищенко приземлился. Две литры заработавши. Отвязали стахановца и под руки по кругу водят, пар с него идет и излишняя бледность заметна.

— Это у меня первый случай, чтобы кто с одного сеанса две литры снял, — говорит механик при Тарзане. — Взаправду стахановец! После такой закалки ему без парашюта с невысокого многоэтажного дома можно прыгать без опаски!

Народ вокруг подтверждает:

— Очень свободно!

Товарищу Падь стало досадно, что мы на демонстрацию Тарзана опоздали и желающих лететь больше нет, он и говорит:

— Тому, кто сейчас еще полетит, дарю в презент эти заграничные часики, анкер, на 17 камнях!

Ребята молчат, только глаза разгорелись. Ой, думаю, как бы здесь без полета не обошлось, напрасно Падь часами размахивает!

Голенищенко тем временем немного отдышался и к нам подходит без посторонней помощи. Услыхал про богатую фанту и говорит хриплым шопотом:

— Вяжи обратно, полечу опять к чертовой матери!

Привязали парня, для интересу шипы на землю положили. Потом он благополучно высоту набрал и стал спуск производить. Когда приземлился, смотрим, он не шевелится, и дышит ли, неизвестно. Вызвали, конечно, скорую помощь с носилками, в больнице постепенно очухался.

Очень омрачило это происшествие нашу инспекцию, товарищ Федотов домой уехал. А тут еще и спор вышел: друзья пострадавшего презент стали от товарища Падь требовать для передачи Голенищенко, он, говорят, пари выиграл. Падь возмутился:

— Какого черта, говорит, выиграл! Так можно и дохлую кошку привязать и по воздуху махнуть. Дари ей швейцарские часы потом, что-ли ? !

К нашему счастью усиленный наряд милиции к месту подтянулся, а то бы не ушли.

Сад наш функционировал до самой войны, аттракционы даже прибыль городскому хозяйству стали приносить, только Тарзана, по распоряжению Федотова закрыли. И напрасно, очень содействовал благоустройству города.

Чертежик Тарзана я, по правде сказать, в Америку захватил. Хорошие деньги здесь заработать можно,

предпринимателя только найти. И для Нью-Йорка была бы большая польза: снизил бы аппаратик обязательно число изнасилований и других мелких происшествий. А если по увеселительной линии не подошел бы — народ здесь без нужной закалки, то можно Тарзана предложить тюремному ведомству. В порядке, так сказать, внедрения новой техники и в дополнение к электрическому стулу. Суды могли бы выносить приговоры вроде: присуждается за выдающуюся деятельность сын и наследник Кокосового Короля к уплате подоходного налога полностью и к двум Тарзанам.

СТАРЫЙ САД

I

Во времена НЭПА я как-то вечером зашел к своему приятелю Эдуарду Зуппе, охотнику и, следовательно, отличному человеку.

— Эди! — сказал я, усаживаясь на диван. — Завтра суббота. Надо куда-то ехать за утками.

Эдуард принимал меня в халате, так как только-что взял ванну. От его большой, упитанной фигуры шел еще пар и он пребывал в приятном, распаренном состоянии духа.

— Це дило треба разжувати, — решил он .— Сейчас будем пить чай с вареньем и дело разжуем досконально. Полагаю, что нам нужно двинуть к хохлам в Широкий Лог. Что ты на это скажешь?

На следующий день после обеда мы на линейке весело трусили на охоту. Путь за разговорами прошел незаметно. Часа через три мы уже въезжали во двор небольшого, расположенного на высоком холме, дома.

Отсюда была видна вся ширь весеннего разлива. Воды Дона и Аксая соединились, и на тысячи километров залили займище. Лишь там и здесь виднелись заросшие кустами острова. Утиное и гусиное царство!

По славной традиции со времен Тургенева, достоинство охотничьего рассказа тем выше, чем меньше в нем повествуется об охоте, поэтому не буду останавливаться

на наших вылазках. Примечательна была наша первая поездка в Широкий Лог не тем.

Еще вечером по приезде мы пошли осматривать фруктовый сад, спускающийся пологими террасами в глубокую балку. Сад был в цвету! Я к сожалению не поэт и не могу передать хотя бы приблизительно прекрасного зрелища. Казалось, природа открыла здесь конкурс на мягкость красок и совершенство форм. Взгляд не знал на чем остановиться, чему отдать предпочтение: цветущей ли вишне, нежно-розовому букету яблонь, простоте и изяществу белых нарядов абрикосов, черешень, слив. Все было прекрасно, все было совершенно, все было сказочно в этот весенний вечер в фруктовом саду.

Под деревьями копошился белый, как лунь, старичок — Иван Ильич Тещенко, маг и волшебник благоухающего царства. Он непрерывно что-то прививал, обрезывал, пересаживал; театрально воздев к небу руки, шептал заклинания. Его душой и головой жил сад более пятидесятилетия. Три сына — Матвей, Семен и Яков с женами и внуками с утра до ночи суетились, безропотно выполняя указания дедушки. Первым помощником и самым знающим был средний по возрасту сын Матвей. По всему было видно, что он будущий наследник и продолжатель дела.

У колодца, возле широко раскинувшейся своими белыми ветвями, красавицы яблони стояли обнявшись две девушки. Стройные, смуглые, тоже в цвету. На поляне, собирая фиалки, кружилась малолетняя девочка.

— Мои племянницы — Ирина и Ольга, приехали из города погостить, — отрекомендовал их нам Матвей Иванович. — Девочка же, — моя дочка — Эмка.

За ужином собралась вся большая семья дедушки: человек двенадцать. Угостили на славу. Потом Ольга очень недурно играла на фортепьяно.

В воскресенье, после охоты на островах и обеда, мы собрались уезжать.

— Приезжайте, милости просим, еще. К фрукте! — говорил Матвей Иванович, запрягая лошадь. — Осенью и зайцев у нас много.

На крыльце стояли улыбаясь сестры-племянницы.

Хорошо подкормившийся и отдохнувший конек скоком вынес линейку за ворота.

— Держись, начинается, — кричал Зуппе, сразмаху въезжая в канаву и лихо выскакивая на кочки. — Хоп, хоп, пошел, пошел!

Трещали рессоры, на аршин подбрасывало на сидении. Когда мы наконец выбрались на ровную дорогу, Зуппе придержал лошадь и повернулся ко мне:

— Живут-то как! Мужички! — не без зависти проговорил он. — На фортепьянах играют!..

II

«К фрукте» — нам приехать не удалось, попали мы в Широкий Лог лишь через год. За это время произошло много событий. Семья Тещенко была из Лога изгнана; садом завладела тамбовская коммуна «Красный энтузиаст». Дедушка Иван Ильич с горя умер. Сыновья рассыпались кто-куда. В доме царила мерзость запустения. Зальце, в котором мы угощались, было занято под контору. Висели портреты вождей, за грязными столами сидели канцеляристы. Несло мочевиной и безнадежностью.

В саду шла варварская уборка. Деревья струшивали, сбивали фрукты палками. Собранный урожай без разбора по сортам, сваливали в общие кучи. На нас, чужих людей, почему-то болтавшихся в саду, никто не обращал внимания.

Зуппе остановился возле кирпатой, полногрудой девки.

— Чего, рябая стерва, срываешь зелень?! — вместо приветствия отнесся он к ней.

— Все равно, покрадут, — улыбаясь отвечала, польщенная его вниманием, девица. — У нас, дядя, — коммуния!

Зимой половина коммунаров вымерла с голода, другая — разбежалась. Сельские власти отыскали Матвея Тещенко и упросили его взять в аренду сад. Матвей Иванович не без удовольствия вытащил багром из дома пару энтузиастов и похоронил в балке, и снова начал налаживать хозяйство.

Но, как известно, черт не дремлет! Совласть никогда не спит! В газетах открылась кампания за разведение кроликов, и как обычно, по сумасшедшему. Кролики, мол, разрешение мясной проблемы, кролики — наше светлое будущее. Каждому трудящемуся — кролика на обеденный стол! Или: на одной стороне листа изображена пара кроликов, на другой — бык и жирная свинья. Оказывается за год семья кроликов, размножившись, может дать столько мяса, сколько быку и свинье вместе и не снилось. Скотина требует кормов, кролик веточку гложет. Опять же не следует забывать про меха: шеншили, белки, горностаи. Все дает кролик!

Ловкие люди и просто мошенники стали получать субсидии и организовывать кроличьи тресты, артели, ферму. Одна из таких многообещающих ферм в 24 часа выставила бедного Матвея Ивановича и заняла его сад. Ферма спешно начала вырубать фруктовые деревья и строить проволочные изгороди.

III

Осенью 1928 года, в канун коллективизации, я со своим неизменным охотничьим спутником Эдуардом Зуппе снова поехал на охоту в Широкий Лог. Остановились, как полагается, у Матвея Тещенко, но не в его доме на горе, а на границе старого сада, по ту сторону балки. Здесь Тещенко выпросил себе у сельсовета участок земли и выстроил халупку. На своем участке он успел уже насадить молодой фруктовый сад.

— Более ста саженцев. На следующий год часть яблонь будет уже плодоносить, — с гордостью говорил похудевший и состарившийся садовод. — Конечно, это не то, что было, но все же...

— А что происходит в вашем старом саду? — поинтересовались мы.

Матвей Иванович нахмурился:

— Доламывают антихристы! Ни себе, ни людям!

— Кролиководы стараются?

— Какое там, этих уже давно нет. Кролики пооколели, мор на них напал. Часть одичала, живет на свободе, с зайцами породнились. Может завтра такого перевертня в бурьянах устрелите. После кролиководов уже десяток хозяев переменилось. Сейчас там зверосовхоз: разводят нутрий — американских бобров.

— Бобров ? ! — в один голос ахнули мы. — Господи, да они же по Брему живут в воде!

— Может в совхозе можно раздобыть себе на воротник шкуру, — сообразил Зуппе.

— Сходите, посмотрите, — посоветовал Матвей Иванович. — Управляющий там Федор Андреевич, хоть и коммунист, но парень не вредный.

Мы нанесли визит совхозу. Сад производил тяжелое впечатление: одичал ужасно, большие площади были совершенно вырублены. Оставшиеся деревья стояли неподмазанными, необкопанными. По террасам вид-

нелись свеже-выкопанные канавы, словно гостеприимно приготовленные братские могилы. Ни бобров, ни людей нигде не было видно. Мы поднялись на гору, к дому.

Управляющий, Федор Андреевич, действительно оказался парнем невредным. Бледнолицый, очень худой молодой человек с грустными глазами, обремененный, судя по шныряющей детворе, большой семьей.

В зальце стояли заграничного вида ящики, в которых жили, вернее доживали, нутрии. В одном из ящиков лежал стоптанный валенок, гнездо для окотившейся самки. Запах в непроветриваемой комнате стоял, как в хорошо «обжитом» морге.

Простуженный Федор Андреевич непрерывно шмыгал носом и, очевидно болея душой, нам рассказывал:

— Сто семей нутрей закупил Внешторг в Канаде, заплатил золотом. По дороге много зверей подохло. Оставшихся в живых спешно сгрузили в Ленинграде с парохода и на самолетах доставили к нам, в совхоз. Инструкций от Главка мы никаких не получили. Телеграммой нам только приказали вырыть канавы и напустить воды. Канавы мы порыли и стали наполнять водой городского водопровода, он у нас здесь проходит. Вода в канавах почему-то (!) не держится; город же протестует, больше воды не дает. Держим зверей в комнате, ждем указаний Главка. Бобры же понемногу дохнут и лысеют. Как за ними ухаживать, чем кормить, никто не знает.

— Ну как, Эди, хорошо серебрится твой бобровый воротник ? ! — не удержался я позлорадствовать на обратном пути. — Достал себе шкуру?

— Шкуры я пока себе не достал, — мрачно отвечал Эдуард. — Подожду, когда Главкозверь сдерет ее с этой мокрой курицы, с Федора Андреевича!

IV

1930 год. После коллективизации.

Трудно разговаривать с человеком, которого многие годы не видел, которого знал молодым, полным сил; о котором сложились у тебя определенные впечатления, и которого ты с этими впечатлениями отложил в архив.

Как-то вечером меня неожиданно посетили две дамы: Ирина Яковлевна и Эмма, обе урожденные Терещенко.

— Разрешите, Андрей Иванович, обратиться к вам с большой просьбой, — говорила Ирина Яковлевна, некогда стройная цыганочка. — Вам, конечно, известно, что отец Эммы и мой дядя Матвей Иванович уже третий год на принудительных работах в лагерях. Он писал, что его должны досрочно отпустить, на-днях же прислал отчаянное письмо — его перекидывают на другую стройку. Мы просим вас сходить с нами к Эдуарду Иосифовичу Зуппе. Может быть он, как защитник, что-нибудь посоветует или напишет прошение.

— Эдуарда на той неделе похоронили, — сообщил я.

— Боже мой, простите, я не знала, — побледнела Ирина Яковлевна. — Кругом горе, смерть. Мой отец тоже недавно умер, дядя Семен сошел с ума, дядя Матвей — в заточении...

После визита Ирины Яковлевны и Эммы меня неудержимо потянуло еще раз посетить старые места. Я поехал.

От домика Матвея Яковлевича за балкой осталась лишь разломанная печь и закопченная, уныло глядящая в небо, труба. Молодой сад зарос крапивой и лопухами; в нем паслись козы.

На воротах старой усадьбы висела нарядная вывеска:

«ПИТОМНИК СТОРОЖЕВЫХ СОБАК ОГПУ» и ниже: «Вход только по пропускам».

Я пошел по дороге, проложенной с одной стороны старого сада, огороженного теперь двойным рядом колючей проволоки. Там и здесь на почтительном расстоянии друг от друга, стояли чудом уцелевшие деревья. Красавица яблоня у колодца была срублена, торчал лишь безобразный пенек. К нему был прикован, похожий на черта, пес. Рослый детина дразнил пса тряпкой. Пес бесился, гремел цепью . . .

С тяжелым сердцем поспешил я на поезд. В Широком Логу делать мне было нечего.

Чудесный сад кудесника Ивана Ильича, сад, который кормил отборными фруктами население двух городов, погиб.

Доломали, антихристы!

ЛИРИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Была эта самая лирика, была любовь! Вы не смотрите, что сейчас я пооблез и фамилия у меня мизерная — Иван Сидорович Клоп! Конечно, с такой фамилией на любовном фронте трудновато. Иная женщина как узнает, покраснеет и отходит в слезах. Никому не лестно быть клопихой, то-есть подружкой Клопа! И все же в моей жизни был настоящий лирический случай! Сейчас все по порядочку расскажу, только раньше выпьем еще по одной, для оживления воспоминаний. За ваше!.. Итак, женили меня рано и романического тут было мало, разве только что приданого не додали, и пришлось после вырывать со скандалом. В остальном супружница оказалась кладом. Самостоятельная, отлично пироги пекла. Прожили мы с ней счастливо, без выдающихся семейных эксцессов, лет десять. К тому времени стал я продвигаться по службе. Партия выдвинула меня пропагандистом в Кировский райком, с прикреплением к закрытому распределителю типа «Б». Партсекретарь мне говорит: — Товарищ Клоп, ты приблизился теперь, можно сказать, к партийной элите. Смотри у меня, не подгадь; держись всегда генеральной. Говоришь ты не плохо, по письменной же части слабоват. Пиши дома пересказы из «Истории партии», поможет насобачиться!

Старался я. Днем бывало по собраниям горло чешешь, дома пересказы сочиняешь и цитаты вождей наизусть заучиваешь, и боишься что перепутать. Но ничего, сходило благополучно, пока не появилась в райкоме новая стенографистка товарищ Лена.

Что можно путного сказать о женщине?! Писатели эти, разные Шекспиры и Маяковские, страницы измарали на эту хлипкую тему. И ланиты твои как гранат, и прочие глупости! По моему же просто навождение на нашего брата, наказание за грехи, как говорили при старом режиме. Стал я замечать, что поглупел ужасно. Привожу выдержки из трудов товарища Сталина, а сам в горячем поту, все мне кажется, что текст исказил! Дома же мне неинтересно как-то, вроде густо пылью посыпано.

— Чего, говорю жене, у тебя такая некультурная привычка после еды непременно икать! Словно кошка какая!

Анастасия Петровна посмотрела на меня искоса и ничего к моменту не ответила, за десертом же говорит:

— Не выгрызай арбуза, как свинья! Действуй ножом и вилкой!

Дальше чаще пошли у нас разные неприятные разговоры, потому что меня непрерывно мутит. На службе же своим чередом любовный конфликт все ярче заостряется. Стал я каждый день бриться (кожа от того посинела и много глубоких порезов!), сбросил парттужурку, в серую тройку обрядился и прочее!.. Потом пошли у нас свидания в городском саду, наконец — естественный финал в меблированных комнатах и клятвы в любви и верности. Дома же у меня все хуже бой разгорается и денег ни черта нехватает!

Вызывает меня партсекретарь и говорит строго:

— Клоп! Дошли до меня сведения, что ты того... в быту загниваешь, теряешь соцмораль. Так тебе мое предупреждение — отберу билет и выгоню к шельмовой матери. Попляшешь тогда!

Подтянулся я несколько, но все же дури не бросил. Ревновать Ленку стал.

— Что это за тип, говорю, к тебе зачастил? На физкультурника смахивает!

Лена удивленно на меня глянула и отвечает:

— Это, что сегодня в обеденный перерыв приходил ? ! Да это же мой муж, Сережа!

— У тебя есть муж? ! Чего же ты мне этого никогда не говорила?

— Разве, — говорит, — не помню.

Сам же я думаю: что муж имеется, в моем любовном случае не скверно, и что она меня такому молодцу предпочитает — удивительно.

Осенью Лена уехала по казенной путевке на курорт; я же через две недели должен был ехать туда же, так условились. Пока же усиленная переписка.

Прихожу однажды домой, жена обедать подает и зловеще помалкивает. Когда кончили и дети убежали во двор, вдруг говорит:

— А теперь, Ваня, поговорим по душам!

— О чем это? — скривился я. — Говори скорей, мне некогда, надо конспект сочинять.

— Конспект подождет, — отвечает Анастасия Петровна. — Давай-ка лучше зачитаем эту мазню. Утром когда пыль с твоего стола стряхивала, из Истории партии вывалилась. Вместе проработаем, нет ли какого уклона!

С ужасом вижу у нее в руках проэкт моего письма Лене! Анастасия Петровна же налаживает очки и громко зачитывает:

... — «Дорогой мой голубоглазый ангелочек! Горячая любовь моя! Рвусь к тебе, мечтаю, когда смогу снова прижать тебя к своей пламенной груди. Судьба злая разлучница! Зачем я спутался со своей Таськой толстогубой! Погубил свою молодость! А ведь могло бы быть так, что ты, моя девочка, была бы моей любимой женушкой. И были бы у нас детушки голубоглазые, в тебя ангелочки!» ... и прочее, в том же поэтическом духе. Чушь махровая! Даже страшно, что серьезный научный работник мог сочинить нечто подобное!

Побагровел я, кричу:

— Как ты смела в моих бумагах рыться! Давай сейчас обратно. Не понимаешь, дура, что это просто упражнение в стилистической форме, вроде диктанта, по заданию партии!

Анастасия Петровна за бумагу крепче ухватилась, не выдает.

— Бесстыжий клоп, говорит. — У меня и твоей шлюшки письмо есть. Вот оно, на голубой бумаге и воняет духами!

Разгорячился тут очень я, нашумел сверх меры.

— Так, так, — отвечает. — Он вместо того, чтобы на колени упасть и умолять, нахалится!

Но пока я всякие словосочетания приводил, все было благополучно. Понимала Анастасия Петровна, что мне иначе невозможно. А я возьми да в пылу по другой линии и загни:

— Старуха, кричу, проклятая! (она старше меня была!). Ведьма!

Позеленела тут Анастасия Петровна, словно шпинат, и шипит:

— Ага, значит я старуха для него! Хорошо! Придется, говорит, доложить кому следует, что у твоего папаши мельница с крупорушкой были! Вот ты, мол, из каких бедняков, что в анкете указывал!

Огрела, что называется, кочергой! Но я по инерции на рожон лезу:

— Гадина! — кричу. — Столетняя бабка!

— Прекрасно, отвечает. — Бабке видно нужно и то сообщить, что ты каптером в Белой Армии воевал и нашивку получил. Не могу больше от власти скрывать, совесть мучает! — Доехала таки, ведьма!.. Рухнул я вдруг с принципиальной высоты, рыдаю.

— Тася, молю, опомнись! Пожалей себя и деток наших!

Долго умолял, к ногам прикладывался. Наконец Анастасия Петровна снизошла и говорит торжественно:

— Ладно, пока воздержусь докладывать! Но тебя, мерзавца, за твои дела надо отхлестать по щекам нещадно. Только рук марать не хочется!

— Спасибо, Тасечка, — говорю. — Чудный ты человек. Вижу, тебя не стою!

— Подожди благодарить, — отвечает. — Решила я иначе устроиться, чтобы тебя раскровянить. Перешлю я вашу переписку ейному супругу. Пускай он с тобой поговорит, за меня постарается!

На том и порешили. Вернее решила Анастасия Петровна, а я сгоряча обрадовался, что она доносить не пойдет. На следующий же день стал я сомневаться. Что же это такое, думаю, для меня получается ? ! Открытое жизнеущемление при помощи наемного убийцы! Тревожно стало на душе, подступиться же к Анастасии боюсь, может передумать. Навестил своего старшего брата Федора, завхозом в Укроспилке работал. Спрашиваю: — Не знаешь ли, братец, как теперь после революции поступают обманутые мужья?

— Насколько мне известно, отвечает Федор, обманутые мужья плохо восприняли революционную культуру. Так же до морды лезут!

Ушел без утешения. Затруднительно, думаю, нашей партии выкорчевывать пережитки старого быта!

Время же, между прочим, идет и ничего не случается. Я ободрился, появилась надежда, что Анастасия Петровна письма не послала. Но она, паразитка, догадалась, чему я радуюсь, и говорит:

— Напрасно не надейся, Ваня. Бумаги я для верности послала заказным. Жди на днях ответа!

И вот еду я со службы трамваем, присел на освободившееся место и вижу, что рядом сидит Ленкин муж и на меня уставился. Вскочил я и говорю как-бы про себя:

— Виноват. Я кажется ошибся, не в тот номер попал, — и отступаю к выходу.

Супруг же потянулся и меня поймал за полу пиджака.

—Зачем не тот, говорит. Самый что ни есть правильный для вас, гражданин Клопин, номер! Давайте выйдем на тамбур, поговорим о полученной мной корреспонденции.

На тамбуре он запер меня плечом у стенки и начинает вполне абстрактно:

— Некоторых подлецов общепринято на полном ходу из поезда вышвыривать. Головой вперед, чтобы хвост трубой сзади развивался!

— Вы с ума сошли, — протестую я. — Происходит явная ошибка!

— Нет, отвечает, ошибки опять никакой нету. Все правильно слагается. Только, говорит, видно ваше счастье действует. Я не придерживаюсь устаревших взглядов, калечить вас не хочу. Наш брат редко виноват; уж так устроены, что не можем устоять против происков блудливой бабенки. Я вас прощаю!

— В таком случае, говорю, приветствую вас, гражданин, как передового борца за новый быт!

— Это, отвечает, вы уж слишком высоко загнули! Давайте ближе к делу. Наш великий учитель, товарищ Лёнин, как то сказал: Любишь кататься, люби и саночки возить!

— Это цитата из высказываний товарища Сталина на 16-ом съезде Московского актива.

— Не спорю. Гениально высказался товарищ Сталин. Веще! Поэтому вам, товарищ Клопин, прийдется за вашего ребеночка аккуратно платить алиментики!

— Вы рехнулись ? ! Какой ребенок ? !

— Разве вам Лена ничего не писала ? . . Значит она с выбором сочиняет: мужу из материального мира, приятелю — из духовного! Толково!

Не помню уже подробно, как дальше у нас разговор развивался. Признаться я в ту минуту мало что соображал. Стерегу только момент портфелем прикрыться, там у меня пудовая политграмота засунута! Подконец я стал просить, чтобы только половина алиментов. Половину я, половину он. Вместе, мол, виноваты.

Но Леночкин муж возразил категорически:

— Это мне ни к чему, говорит. Да и для вашего ангелочка будет хлопотливо. Двух папаш всю молодость под наблюдением держать.

Возвращался домой как пьяный. С одной стороны радость, что целым ушел, с другой — отчаяние, что так влопался. Интересно сейчас будет, думаю, на Анастасию Петровну взглянуть!

На курорт к Лене я конечно не поехал. Супруг обо всем ее поставил в известность. Несколько отношений я ей, однако, написал. Просил, чтобы в свете нашей любви, не топила окончательно. Ответ получил уже из ее городской квартиры, ввиде краткой записки с пунктами:

— 1. Вы подлец! 2. Даже прямо сволочь! 3. С любовью у нас кончено, больше не пишите. 4. С паршивого клопа хоть алименты в срок!

Ни даты, ни подписи. Очень некультурный выпад!

На суде попалась судьиха подлющая, без классового подхода.

— Вопрос, говорит, ясен. Если стороны признают, и по документам доказано, то ребенка спрашивать и брать у него кровь на исследование нечего. Присуждаю ответчику 30 процентов с зарплаты. Платить до совершеннолетия потерпевшему. Распишитесь!

Теперь плачу. Партсекретарь, между прочим, тоже наложил взыскание. Открепил от «Б» и прикрепил к закрытому типа «Г». Ни черта кроме кофе «Здоровье» и соленой воблы нету! Вот и живи, и изучай диамат!

В ТРАМВАЕ

Вы говорите, что в СССР карманное воровство повывели ? ! Неправда, не вывели, еще воруют! Был со мной такой случай. В воскресный день ехал я с племянником Володей, техником такелажником, загородным трамваем. Ехали из хутора Весеньего в центр города на футбольный матч. Вагончик попался старенький и набит, конечно, до отказа. Протолкались кое-как, одной рукой повисли на ремнях, осматриваемся.

— Век живу в городе, а этим маршрутом еду впервые, — говорю я. — Смотри какая благодать снаружи — зеленые холмы, — пятнастые коровы. Швейцария, словом!

— Швейцария это точно, — соглашается Володя. — Только вы, дяденька, за карманами посматривайте получше, потому что богатый типаж вокруг нас. Вон, например, стоит «Серега», что в дрова мину заделал, я рассказывал, помните?

В это время вагончик наш делает крутой вираж и меня кидает в сторону. Какие то молодые люди услужливо меня за руки поддерживают.

— Осторожно, гражданин, — шутит один из них. — Так и в окно, до законной остановки, высадиться можно.

Пассажиры смеются:

— Очень свободно, — подтверждают. — Под липку!

Потом вагон ползет в гору, вот-вот совсем остановится.

— Этак мы к началу матча опоздаем, — озабоченно говорит Володя. — Глянь-ка, дядя, на свои, который?

— Батюшки! — испуганно вскрикиваю я. — Часов уже нет, начисто с руки срезаны! Остановите вагон!

— Кому там дурно, кто вякает?! — отзывается из дальнего угла кондукторша.

Мы продираемся с большим трудом к ее месту.

— Сейчас у моего родного дяди часы с руки сняли. На остановке свистните милиционера. Пускай задержит грабителя с поличным, — строго говорит Володя.

— А кто грабитель, ты знаешь?! — скептически замечает кондукторша. Это чернявая, цыганского типа, молодая женщина. — Часы твоего дяди теперь наверно уже три раза по вагону обежали и находятся, возможно, у какой нибудь дамочки, спрятанные в нейтральном месте.

— Часы не дохлый таракан, а цокающий механизм, — возражает Володя. — И в нейтральном месте прослушать можно!

— Прослушаешь! Дамочка твоя небось как завизжит, в глазах у тебя почернеет! — говорит кондукторша. — Тоже доктор нашелся!

Вагон тем временем одолел холм и устремился вниз, как в пропасть.

Из пассажиров замечают:

— На подножке народ висит, как бы не пообсыпались случайно.

Кондукторша залазит на сидение, высовывается из окошка.

— Которые висят, все заходи в вагон, — приглашает она. Ее кожаная сумка находится теперь на уровне лица Володи. Тот прислушивается, потом хватает за сумку рукой.

— Стучит как в часовом магазине! — восклицает он. — В сумке твои часы, дядя. Это точно! — Кондукторша вырывает сумку, без разбега переходит в крик:

— Не смей казну лапать, разбойник! Граждане, будьте свидетелями: грабеж среди белого дня!

Пассажиры волнуются, советуют:

— Не тронь казну, брысь с руками!

Володя и сам видит, что переусердствовал.

— Вполне сознаю, граждане, что до казны зря торкаться нельзя, — отступает он. — Только до этой сумки, будь она проклята, меня невольно стихией качнуло!

Кондукторша, учтя выигрышное положение, не унимается:

— Как я буду теперь отчитываться, не знаю: половины выручки наверно уже нет!

— Чисто сработано! — подтверждает ее Серега.

Володя на него окрысивается:

— Ты, белобрысый, помалкивай, — говорит он. — Иди знаешь куда!

— Ну что мне с этим человеком делать?! — ужасается кондукторша. — Только что денежную сумку смял, а сейчас уже выражается!

— Чего ты врешь: я еще не выражался, — возмущается Володя. — Я только его послал подальше, может быть в Лигу Наций!

Эксперты из народа подтверждают:

— Верно, он еще не выражался. Послал просто, возможно, на самом деле в Лигу Наций!

Тут Володя переходит в наступление:

— Граждане, говорит он. — Эта чертовка беснуется, потому что от себя отводит. В ее сумке находятся часы моего дяди, я отлично слыхал — цокают!

Личность в клетчатой фуражке советует:

— Пусть на остановке мильтон проверит. Ты же только издали наблюдай, глазами гипнотизируй.

— Может часы цокают, а может гривенники шуршат, через двугривенные прыгают, а ему показуется, — рассуждает почтенного вида старец. — Когда у нас певчая перепелка безвестно исчезла, жене все казалось,

что она слышит ее голос. Скажем, к примеру, кот Васька вокруг дивана бегает, муркает, злится, что он, старый дуралей, мышку упустил, а жене слышится: поть-полот, пот-полоть!

— Наверно подозрение на кота имела — психология! — соображает личность в фуражке.

— Если психология, то хоть в морду, я ничего не имею, — говорит Володя. — Пускай только раньше мильтон в ее сумку заглянет.

Вагон бежит теперь по закоптелым, привокзальным уличкам, скоро конечная остановка.

— Шутка ли часы загубить, — грущу я. — Лучше бы ухо отрубали, веселей бы!

— Не убивайтесь, дядя, — утешает Володя. — Я по специальности трубы фабричные и другие сильно неподвижные предметы передвигаю, а кондукторша для меня тю просто! Часы вам продвину, это точно!

На вокзальной площади я кинулся, по условию, из вагона искать постового. Володя же остался стеречь кондукторшу и сумку. Но не успел я пробежать и пол пути до вокзала, как Володя меня запыхавшись нагнал.

— Ваш часовой механизм, дядя, уже у меня в полной исправности, — торжествующе проговорил он.

— Ну, и молодец! — до крайности обрадовался я. — Как же тебе удалось часы «продвинуть?».

— Когда вы выбежали и народу в вагоне поубавилось, рассказывает Володя, — я говорю кондукторше вкрадчиво: Тетенька, зачем нам портить отношения, я вовсе не настаиваю исключительно, что вы часы моего дяди свистнули или для своих друзей спрятали. Может, говорю, их дядя нечаянно обронил, а вы сохранили?

— Чего придумал разбойник! — отвечает. — А кто казну лапал ? !

— Пустое, говорю, тетенька, на этом далеко не уедете! Мне опаздывать на футбол и связываться с властью интереса нету. Так поладим что ли?

Кондукторша оглянулась вокруг, сунула руку в сумку и выдает часы:

— На, подавись, прослушал таки, доктор собачий!

— Спасибо тебе, Володичка, огромное, — взволнованно благодарю я. — Других я навряд ли собрался когда купить, так бы и доживал, у людей время клянчил!

— Берите вашу драгоценность, спрячьте куда поглубже, за щеку заложите что ли... Теперь же поспешим, наш двенадцатый, кажется, уже подает.

Я внимательно осматриваю часы и удивляюсь:

— Это не мои, — говорю. — Мои имели черный циферблат, а эти — белый и вообще малые, дамские!

— Вот так история, — оторопел Володя. — Вы уверены, дядя? То-то же мне казалось, что в сумке целый часовой магазин ворочается! Выручка, так сказать, с утра!.. Теперь же, гадюка, она уже уехала, придется, видно, дядя, вам носить дамские!

КАПРИЗ НАРКОМА

I

Управляющий трестом Электросила товарищ Юхов, вернувшись из обкома к себе в управление, велел никого не принимать. В кабинете, не снимая пальто и шляпы, он повалился в кресло и замер, словно пристреленный. В обкоме ему сообщили, что ночью вторично взята органами НКВД вся головка треста во главе с парторгом.

— Опять, ты Юхов, прозевал, — сказал старший товарищ из обкома. — У тебя контра, враги народа, а ты что, куда глядел ? !

Хотя это произнесено было старшим товарищем без всякого подъема, более, так сказать, формально, — Юхов покрылся холодной испариной и беззвучно задвигал губами.

— Конечно, ты теперь возражаешь, — мрачно продолжал старший товарищ, — а нас подвел, не оправдал . . . Вот что, выпей-ка воды и кати незамедлительно в контору. Секретаря ячейки тебе выделим, ты же сегодня представь нам список своей новой администрации. Смотри в оба, на этот раз органы наверно и тебя лично . . .

Что «органы» сделают с ним лично, старший товарищ недоговорил. Теперь в кабинете, лежа в кресле, Юхов постепенно оживал: открылись глаза, дернулись

конечности, что-то екнуло, засуетилось внутри, потом вернулось сознание.

...— Удавка! На этот раз уж и меня... Пугает, а сами, мерзавцы, дрожат!.. Действовать! Там, за этой обитой, звукопоглощающей дверью, контора пишет. Делают вид, что ничего не заметили. Пришипились сволочи, ждут!

Юхов взялся за ручку внутреннего телефона.

Через минуту в кабинет решительным шагом вошел благовидный, молодой еще мужчина, инженер Барановский. Он без приглашения опустился в кресло напротив, закурил и довольно дерзко уставился на хозяина.

— Ты, Миша, наверно уже все знаешь? — отнесся к нему старик.

— Что примерно, Савелий Игнатьевич, знаю?! Опять что-ли спеклись?

— Спеклись.

— Значит теперь мы на очереди, — решил инженер. — Собачий ящик обеспечен!

— Подожди с ящиком, — нахмурился Юхов. — Вот я тебя хочу главинжем выдвинуть, для этого вызвал. Что на это скажешь?

—Скажу спасибо!

— Нет, ты серьезно, пожалуйста.

— Скажу великое вам, Савелий Игнатьевич, мерси!

— Больше, Миша, выдвигать некого, сам знаешь. Ты же кандидат партии, молодой спец. Боишься?

— Боюсь, говорите? Конечно боюсь, кто сейчас не боится, но не в этом дело. — Барановский поискал глазами пепельницу и не найдя ее, энергично сунул окурок в большую, похожую на упитанный шиш, чернильницу. — Сидеть ли под забором, или сидеть на заборе! На заборе, пожалуй, воздушней. Согласен, Савелий Игнатьевич, — задвигайте в главинжи!

— Блатной парень, но свой в доску, — не без симпатии думал Юхов, отпустив нового главинжа. — С ним

скорей выплывешь и если уж посадят, то не по проклятой 58-ой, а за какие-нибудь пустяки, за кражу или грабеж.

Юхов снова взялся за телефон и вызвал Яков Яковлевича Танненберга, кандидата в главные бухгалтера.

Вскоре вошел в кабинет очень высокий, худой до костлявости, слегка плешивый господин, лет 45-ти, и остановился посреди комнаты, сверху, словно с горки, мягко улыбаясь хозяину.

— Прошу, присядьте,—поспешно предложил Юхов, тревожно оглядывая чуждого ему человека.

Человек выглядел подчеркнуто опрятно, но был в каком-то старомодном сюртучке, в белоснежной крахмальной рубашке со стоячим воротничком «Монблан» и черным галстуком бабочкой. В боковом карманчике виднелись отлично отточенные карандаши разных цветов и разных назначений.

— Я вызвал вас, товарищ Танненберг, — начал Юхов, — чтобы сообщить, что главный бухгалтер Федриченко сегодня ночью арестован.

— Т.сс. — издал неопределенный звук Танненберг, продолжая старательно смотреть в глаза, и старательно улыбаться, ничем не выдавая своего отношения к событию.

— Чего он на меня так глядит! — стало вдруг не по себе Юхову. — Может я обгадился, — и он полез в карман за платком.

— Так вот,—с трудом находя прерванную нить разговора, продолжал старик. — Я хотел вас просить взять на себя руководство трестовской бухгалтерией. В Москву, конечно, сообщим на утверждение.

— Благодарен за отличие, — весь вздрогнул Яков Яковлевич, даже черная бабочка тревожно затрепыхалась у подножья Монблана. — Но может быть, Савелий Игнатьевич, за малой моей опытностью, вы все же назначите кого-нибудь другого, достойнейшего?

— Некого! Сами понимаете! Но почему вы . . . уклоняетесь ? . .

Яков Яковлевич больше всего боялся уклоняться от чего-либо, будь-то досрочная подписка на заем, членство в Мопре или Осовиахиме или какая-другая, очередная пакость повседневности. Поэтому он, усилием воли преодолев гадливость, убрал улыбку.

— Я, Савелий Игнатьевич, никогда ни от чего не уклоняюсь, — с ударением произнес он. — Извольте, я приму должность временно, до приискания вами более опытного работника.

Юхов произвел еще несколько назначений, велел секретке составить список с характеристиками и лично повез в обком. Там он узнал, что в трест уже направлен новый парторг, некий Федор Сычев, молодой, из недавних комсомольцев.

II

Новых арестов среди сотрудников треста Электросила пока больше не было.

Главинж Барановский, вопреки опасению многих, оказался правильным человеком, ко времени. От его ловко сколоченной, плотной фигуры веяло, словно от удачливого игрока или шулера, весенней бодростью. Поникшие было совсем головы инженерной братии несколько приподнялись. У них возникли даже суетные надежды вопреки всему выжить.

Барановский съездил в Москву, понравился кому следует и сумел подхватить весьма выгодное задание. Выгодное не столько тресту, сколько лично ему и его помощникам. Главбух Танненберг, узнав об этих делах, глубоко вздохнул и, при случае, намекнул Юхову на чрезмерную жажду славы и денег у Барановского, и на проистекающие отсюда опасности.

Савелий Игнатьевич в последние дни находился в глубокой депрессии. Когда то он любил хвастануть: — «Я старый большевик ленинец, участник стачки пятого года». И были такие, что почтительно ему внимали. После же недавнего ареста своего младшего брата, высокого партийного функционера, Юхов перестал хвастать своим знатным происхождением, и с ним случился малый, так сказать, пробный удар. Восстав с одра болезни, он мог передвигаться только при помощи палки.

Предостережению главбуха Юхов не придал значения, но оно напомнило ему его мысли, к которым он уже неоднократно возвращался. Хорошо бы, думал он, совершить что-либо такое, что подвело бы под суд, но обыкновенный, уголовный. Скажем укокошить когонибудь, или изнасиловать малолетнюю, или, на худой конец, ограбить, или провороваться. Легче всего было осуществить последнее, и в этом отношении Юхов возлагал большие надежды на Барановского.

Время же бежало как всегда. Приблизились майские праздники. В этом году их поджидали как желанную, столь необходимую всем, передышку. Несколько дней можно будет спать, не прислушиваясь к ночным шумам.

На демонстрацию электросиловцы собрались весьма загодя и в полном составе. Парадом командовал Сычев, новый секретарь ячейки. Он суетился, отдавал последние, перед походом, распоряжения.

Посмотреть на своих приехал и Юхов. Старик проковылял вдоль рядов, выглядел больным и расстроенным. Утром он узнал, что его соседи по квартире приговорены судом к исправительным работам за нелегальное производство абортов. Только пять лет по ерундовской статье! Везет сволочной братии!

— Ну, Федя, веди, — не найдя упущений, разрешил он. — Гляди, чтобы не разбежались по дороге. Я буду на трибуне.

Колонна тронулась. Дальше происходило то, что обычно происходит в таких случаях. Долго шли боковыми улицами, останавливались на перекрестках, пристраивались к другим колоннам, и постепенно вливались в общий поток. Потом вышли на главную городскую магистраль и тут вдруг побежали.

— Скорей, товарищи, топай, топай!! — горячился Сычев, подгоняя немощных.

За два квартала до лобного места, шествию преградила дорогу цепь конных и пеших милиционеров. Колонна постояла в нерешительности на месте, затем свернула в сторону, и так же стремительно, как только-что к цели, побежала от цели прочь, по направлению к реке. На заваленном разным мусором пустыре электросиловцы, наконец, остановились. Остановились надолго, казалось навсегда. Главбух Танненберг стоял в стороне, прислонившись спиной к сырой стене. Он был голоден, продрог и чувствовал себя предельно несчастным. К нему, перепрыгивая через ямы и битый кирпич, приблизился Барановский.

— После демонстрации прошу вас, Яков Яковлевич, ко мне закусить, — прокричал он. — Никаких отговорок! Жене можете звякнуть, что на часок задержитесь. Вопрос политический: сближение членов новой шайки. Будут все старшие во главе со стариком.

III

Часам к пяти вечера проголодавшиеся и продрогшие электросиловцы добрались на квартиру своего главинжа. Барановский жил в собственном, довольно вместительном, домике, на окраине города. В ярко освещенной и теплой комнате были сдвинуты столы. Нарядно убранные, уставленные закусками и бутылками, они напоминали окоченевшим демонстрантам дивный ор-

кестр, готовый сейчас для них зазвучать прекрасной мелодией. На нечто сладко-струнное походил и рой молодых женщин, хлопотавших вокруг столов. Все дамы бойкие, стремительные, с пунцовыми губами. Некоторые из них не успели еще переодеться и носились по комнате голоногие, в белых майках и спортивных штанишках.

Яков Яковлевич хотел было, как полагается, представиться хозяйке, но определить ее среди присутствующих дам он не мог. Поэтому, а также потому, что никто не обращал на него никакого внимания, он отошел, солидно потирая руки, в дальний угол.

— Гм . . , что-то вроде притончика, — думал он, критически оглядываясь. — Надо постараться улизнуть при первом удобном случае.

Однако удобного случая не представилось. Через минуту появился Барановский, успевший обрядиться в темный кавказский костюм, украшенный серебренной чернью, и мягкие сапожки без каблуков. Он хлопнул в ладоши и все вокруг стихло.

— Готово? — вопросительно подскочила его бровь. — Отлично . . . Прошу гостей к столу. Федя, держи политслово. Одна минута!

Парторг Сычев, находящийся всецело под обаянием блистательного атамана хозяина, поднял бокал.

— Товарищи, буду краток. Выпьем за дорогого вождя, друга и учителя, горячо любимого товарища Сталина и его верного соратника железного наркома Ежова. Ура!

Присутствующие дружно возликовали и прокричали трижды ура.

Потом выпили. По московскому новейшему способу ничем не закусили, только глотнули сельтерской. От новейшего способа и с голодухи у Якова Яковлевича сразу сильно зашумело в голове. Когда он захотел посмотреть повнимательней на свою соседку Мурочку, то

никак не мог наставить свои глаза на фокус. Полные плечи девушки виднелись где-то вдали и в дымке.

— Хотите, я вам положу студня, — издали донесся голос Мурочки. — А то после третьей сляжете.

— Сделайте одолжение, пожалуйста.

Тут Яков Яковлевич обратил внимание, что на праздничном столе стояло множество блюд с заливными: рыбными, мясными и из других, еще неизведанных, продуктов. Так ему запомнился, например, студень из бычьих глаз с крутыми яйцами и оливками, и потом в жизни, когда нужно было подумать о чем-либо страшном, он всегда вспоминал это изысканное блюдо.

Тосты шли за тостами. Когда пили за Электросилу, в дверях, очень кстати, появился запоздавший управляющий трестом Савелий Игнатьевич. Старик был очень представителен в своей полувоенной, гнилистого цвета тужурке-сталинке, и с орденом Ленина на пролетарской груди.

Все встали, приветствуя начальника, Барановский же уже неслышно подходил к нему с кубком Большого Орла. Осушив кубок, старик немедля переселился на небо, и потом весь вечер только блаженно поикивал.

Вскоре наступил психологический момент для пения и пляски. Яков Яковлевич сидел на турецком диване, осоловело смотрел на беснующихся, и всем своим существом чувствовал, что ему пора смываться. Но какая-то сила сковала его члены, и он все глубже погрязал в трясине.

Дальнейшие события веселого вечера, а также последующей поездки в провинцию, запомнились Якову Яковлевичу лишь наиболее яркими эпизодами, или, как он выразился, фрагментами. Так, в памяти запечатлелся «фрагмент», как он ехал в трестовском грузовичке. Последний вез хмельную компанию в зерносовхоз на смычку города с деревней. Стояла промозглая ночь и, выглянув из-под брезентового полога, можно было рас-

смотреть только темные квадраты весенних полей с отсвечивающими пятнами больших дождевых луж повсюду. Рядом дремала теплая Мурочка, и главбух весь путь угнетала мысль, что девушка наверно мечтает ему отдаться, и придется, возможно еще сегодня, показать себя кавалером.

Главинж Барановский, который вел машину, вскоре сбился с дороги и, катя наугад, часа через два примчался вместо совхоза в районную станицу П. На главной улице светился единственный двухэтажный дом. Барановский, не долго думая, лихо подкатил к крыльцу. В доме шла попойка районного актива.

— Когда мы вошли в освещенный зал, — рассказывал потом Яков Яковлевич, — у меня возникла догадка, почти уверенность, что колдовскими, майскими тропами нас занесло в подземное царство. Но попали мы не в пышные чертоги князя тьмы, а куда-то на куриные задворки, где приличествует хоровод сельским бесам, парторгам, лешим, стотысячникам, упырям и прочей мелкой, служилой нечисти. Весь этот персонал нас шумно приветствовал.

Районный актив был крайне пьян, приехавшие же электросиловцы в пути несколько отрезвились, поэтому Барановский решил использовать выгодную ситуацию, и немедленно навалиться на ослабевших людей вечером самодеятельности.

Ария Ленского была выслушана довольно стойко, но уже мелодекламация «Скупого рыцаря» произвела на актив гнетущее впечатление, из задних рядов стали слышны вздохи: «давайте, товарищи, лучше выпьем». Положение спас Барановский, начавший показывать фокусы при помощи привезенной им из города несложной аппаратуры.

Во время концерта Яков Яковлевич подошел к Мурочке с намерением не откладывать неминуемого объяснения в любви. Признание вышло несколько старомод-

ным, но вполне грамотным. Девушка слушала слова любви внимательно и не без удовольствия.

— Будем же, дорогая Мурочка, среди бурного моря держаться вместе, на зачарованном острове чувств, — эффектно закруглил Яков Яковлевич свое выступление.

Девушка не возражала против зачарованного острова, но решительно запротестовала против обращения:

— Меня зовут не Мурой, а Викой, — отчужденно заявила она. — Мура сидит сейчас там на подоконнике.

— Ах, так . . . Тогда я, конечно, извиняюсь, — смутился главбух, только сейчас заметивший, что всецело занятый своим чувством, несколько промахнулся.

— Хотите я позову ее, вашу Мурку, — ехидно предложила Вика.

— Нет, нет, не зовите пожалуйста, — испугался Яков Яковлевич. На вторичное объяснение у него уже не хватало подъема.

На следующий день утром, несколько часов отдохнув, электросиловцы двинули в поредевшем составе в показательный колхоз имени Калинина. Колхоз размещался в уцелевшем имении. Здесь были в наличии обширный дом с колоннами, тенистый парк, пруд с лебедями, античная беседка, словом все атрибуты, необходимые для показательного свиноколхоза. Встречал гостей председатель колхоза товарищ Пальмирский. Это был любезный и изящный молодой человек с военной выправкой. Пальмирский объяснил, что лишь вчера из колхоза отбыла делегация английских парламентариев и духовных, и потому не все еще в хозяйстве приведено в должный порядок. Действительно, при осмотре свинарника — нового здания, внутри облицованного белым кафелем, с электрическим освещением и теплыми душами, — оказалось, что из него еще не удалена свиноматка с поросятами, обычно обитающая в соседнем совхозе.

— Извините за запах, — извинился перед дамами Пальмирский, потряхивая надушенным платком и, искоса глянув на обслуживающего молодца, загадочно процедил сквозь зубы: «Потом доложите».

В двухсветной зале главного дома был сервирован завтрак из оставшихся от делегации продуктов и напитков. Пальмирский тут же предложил молодым дамам остаться работать в колхозе в качестве свинарок.

— Но мы же, товарищ начальник, в сельском хозяйстве, что называется, ни мур-мур, — наивно возразила Вика.

— О, мы вас научим, — тонко улыбнувшись, отвечал Пальмирский. — У нас на днях открываются курсы, где наряду с сельскими науками, будут преподаваться иностранные языки, балетное искусство, спорт, и конечно, политграмота.

Пока Пальмирский любезничал с дамами, мужчины пошли ознакомиться с одним из главных номеров колхоза — дедом пасечником Трофимом.

Дед Трофим жил уединенно, под горой, в гроте, обвитым плющем и диким виноградом. (Английские парламентарии здесь особенно много щелкали затворами!). Дед еще не успел разгримироваться, и был в полной боевой форме Пимена. — «Еще одно последнее сказание...» — в полголоса запел Барановский, входя в грот. — Чем, дедусь, можешь попотчивать дорогих гостей? Медком или только расплавленным воском?

Оказалось, что у деда Трофима есть более интересное угощение — горячий самогонный запекан. Отведав диковинного, пахнущего коньяком, напитка, электросиловцы вышли поскорей из душного грота снова на воздух. Яков Яковлевич ушибся о притолку и в сердцах помянул черта, дурака, скотину и барбариса прекислого. Барановский, после запекана ставший злым и требовательным, придрался к главбуху:

— И с таким запасом слов вы собираетесь прожить до почтенного возраста ? ! — сказал он презрительно. — Там, куда по всей вероятности, нас вскоре направят, какой-нибудь уважающий себя урка за «барбариса» вас пришьет на месте. И будет прав.

IV

В воскресенье, глубокой ночью, вышли на освещенную яркими прожекторами привокзальную площадь мачтообразный главбух и приземистый главинж треста Электросила. Яков Яковлевич очень изменился за последние бурные сутки. Он весь как-бы взвихрился, еще подрос и похудел. В беспокойном взоре его чувствовалась устремленность куда-то ввысь, а может быть и куда-то вдаль. Барановский, напротив, не являл особых признаков отклонения от нормы, разве чуть-чуть распух.

— Через час побегут трамваи, — взглянув на часы, молвил он. — Пойдем, папа Яша, на вокзал, подождем и выпьем пивца.

В зале первого класса начиналась уборка, и злая буфетчица только после длительных пререканий согласилась отпустить друзьям пару кружек.

— Пейте скорей и убирайтесь, сейчас будут сдвигать столы, — нелюбезно предупредила она.

За пивцом Барановский помрачнел.

— Итак, папа Яша, наш праздник окончен, — невесело сказал он. — Завтра можно будет еще поспать, а там та же пытка огнем и железом.

К их столу подошел рыжий, усатый милиционер.

— Давайте, граждане, уходить отсюда, потому что приборка, — произнес он строго.

Яков Яковлевич неожиданно возмутился:

— Вокзальный буфет должен быть открыт всю ночь, — с трудом сдерживаясь, прошипел он. — Оставьте нас в покое, товарищ!

Милиционер, сам давно жаждущий выпить, но в силу жестокости своего ремесла обязанный оставаться трезвым до смены, легко пришел в раздражение:

— Давайте лучше не хулиганить, — повысил он голос и протянул свою огромную лапищу к плечу главбуха. — Вставай-ка ты, живо . . .

Яков Яковлевич вне себя вскочил со стула.

— Не смейте ко мне прикасаться и меня тыкать, — взвизгнул он. — Это вы барбарис, хулиган!

Со страшной быстротой разгорался, на взрывчатом материале, скандал. Но в это время вблизи раздался отчаянный вопль и тревожный свисток. Рыжий милиционер выругался и кинулся на помощь, на ходу успев еще крикнуть Барановскому:

— Отведите его домой!

— Дешево отделались, папа Яша, — насмешливо проговорил главинж. — Давайте поскорей удирать!

— Ни в коем случае! Я так дела не оставлю, — возразил, еще весь кипевший, главбух. — Я найду на мерзавца управу!

И Яков Яковлевич тут же присел на деревянный диванчик и вытащил из кармана блокнот и карандаш.

— Москва, Кремль. Наркомвнутделу Ежову. Молния, — быстро строчил он. — Глубоко возмущен поведением милиции точка радостный праздник трудящихся запятая зайдя в вокзал вполне трезвым запятая выпить кружку пива запятая был изруган вытолкан з зала точка . . .

— Не забудьте подписаться и поздравить наркома с праздниками, — напомнил Барановский.

. . . — прошу личного вмешательства точка сердечно поздравляю с первым маем точка главбух треста электросила Танненберг.

— Здорово! — одобрил Барановский, прочитав текст телеграммы. — Теперь, папа Яша, сложите бумажку и проглотите. Поедем домой отдыхать.

Яков Яковлевич вырвал листок из рук главинжа и устремился к двери напротив с надписью «Телеграф».

— Вы с ума сошли! — вопил ему вслед Барановский. — Подождите, обсудим!

Но Яков Яковлевич уже исчез за освещенной дверью.

— Хорохорится, старый баран, не пошлет,—решил Барановский и побрел к выходу.

V

Вернуться домой после всего пережитого было не так просто. Яков Яковлевич долго царапался в окно своей спальни, пока его услышал сын Вася, спавший в одной с ним комнате. Вася открыл окно и блудный отец проник в дом.

— У нас все благополучно? — приглушенным голосом спросил Яков Яковлевич.

Вася, очень серьезный юноша, первый шахматист города, внимательно осмотрел отца, прежде чем сделать свой ход.

— У нас все в порядке. Мама очень беспокоилась, — наконец пошел он с королевы.

— Я устал, — не смотря в глаза сыну, томно проговорил отец. — Ложись, голубчик, завтра поговорим.

Пробуждение нашего героя состоялось на следующий день в полдень. Яков Яковлевич открыл глаза и еще с минуту нежился в постели. Потом вдруг что-то вспомнил, вскочил и стал лихорадочно обыскивать свой пиджачок. Из кармана на пол вывалилась скомканная квитанция. С этого момента для Якова Яковлевича началось время горького похмелья.

После праздников в городе продолжалась акция по выкорчевыванию излишних граждан. В тресте Электросила циркулировали зловещие слухи. Как-то утром Савелий Игнатьевич, ходивший теперь с опухшей, светящейся в темноте, физиономией, вызвал к себе Барановского и, заперев покрепче дверь, зашептал:

— Я к тебе, Миша, как к своему сыну, отношусь, доверяю . . .

— Мерси, — холодно сказал Барановский. — И вы для меня словно папаша.

— Так слушай, Миша. Меня знакомый чекист секретно предупредил, что берутся теперь за нас. У меня есть план, как нам спастись.

— Поздно, папаша!

— Ничуть. Ты меня слушай, — Юхов подсел поближе и зашептал еще потише: — Надо уголовный проступок совершить, поджог например. По гражданской дадут пустяки. Отсидим, а пока обстановка изменится.

— Поздно!

— Почему поздно ? ! Сегодня же что-либо подпалим! Давай твой домишко, а? Якобы, для получения страховой премии.

Барановский энергичным жестом скрутил дулю и сунул ее в нос начальнику.

— Выкуси-ка, папаша! — грубо отрезал он.

Главбух Танненберг тем временем страдал вдвойне: с одной стороны, он чувствовал, что его накрывает шквал в общем, так сказать, плановом порядке; с другой — его очень тревожили личные связи с наркомом.

И вот однажды зазвонил телефон.

— Гражданин Танненберг? — поинтересовался приятный баритон. — Я говорю по поручению товарища Маркуса из НКВД.

Яков Яковлевич превратился в соляной столб.

— Товарищ Маркус хочет с вами поговорить, — доносилось по проводу. — Если не возражаете, я сейчас за вами заеду.

Яков Яковлевич не возражал, и через полчаса сидел в кабинете начальника отдела, товарища Маркуса. Через стол к главбуху доносился шум каких-то слов, но уловить смысл их ему долго не удавалось. Не ладилось у него и с глазами: один глаз вполне прилично настроился на фокус, другой же — совсем расстроился, подавал кабинетный ландшафт в глубоком тумане, иногда даже вверх ногами.

— Вы писали наркому товарищу Ежову? — спрашивал пожилой, лысый субъект. — Не отпирайтесь. Нарком прочел души доверчивой признанье. По его поручению мы произвели расследование, и оскорбивший вас милиционер снят с должности. Вы удовлетворены?

Яков Яковлевич, к которому частично вернулось сознание, закивал головой.

— Хорошо. Это еще не все, — Маркус углубился в чтение бумаги. — Товарищ Ежов, — сказал он, снова подымая голову, — вас сердечно поздравляет с праздниками и желает всего хорошего.

Польщенный главбух покраснел и от удовольствия пустил пузырь.

— Но и это еще не все. — Маркус вновь взялся за чтение. — Товарищ Ежов имеет к вам личную просьбу. Он спрашивает, не согласились бы вы произвести поверку отчетности наших пожарных частей на периферии?

Вечером скорым поездом главбух Танненберг отбыл на юг. Ночью же были арестованы человек десять энергосиловцев, в том числе управляющий трестом Юхов, главный инженер Барановский, парторг Сычев и другие. Савелий Игнатьевич, когда его уводили, вел

себя неприлично, падал на пол, цеплялся за кровать, кричал, что его как орденоносца могут арестовать лишь по предписанию ВЦИКА . . .

Уполномоченный НКВД сильно поддал орденоносца коленком и наставительно сказал:

— Иди, дура, у нас все разберут.

Приходили на квартиру и за Яковом Яковлевичем, но прочитав копию свидетельства о том, что Танненберг командирован по особому заданию самого наркома, вежливо извинились и исчезли.

К осени, после ликвидации самого Ежова, помолодевший главбух Танненберг благополучно вернулся в родной город. О прочих же электросиловцах до сих пор ничего неизвестно.

НЕСОЗНАТЕЛЬНАЯ УТОПЛЕННИЦА

Рассказ старого рыболова.

Посмотрите на него, на рыжеватого! Разве это настоящий карась ? ! Наш карась глубинный, мутно-чернявый. Попадается, соображает, зря не трепыхается. У этого же американца одна карасиная видимость!

Эх, что говорить! . . Существует такая речка на свете — Ворскла, протекает в Полтавщине. Чудесная речка, предивная! И не то чтобы особенно велика, не Миссисипи какая нибудь бестолковая, но все же . . . заметная речка. Впадает, как известно, в светлоокий Псел, а тот уже несет воды на юг, в Днепр.

Был я тогда молод и не то чтобы чрезмерно глуп, но, как бы сказать, — не на все сто подкован. Смотрел на будущее, березки, женщин, почему то с упованием. Казалось мне, что выскочит внезапно из омута русалка дивной красоты, заверещит для меня совсем по особенному. Рыбку же ловить я, между прочим, и тогда любил. Выдастся свободный денек, я сейчас хвать за удочки, червячки и к реке, к Ворскле. Там то и случилось со мной происшествие.

Надо сказать в пояснение, что времена были еще до-колхозные, разные «батьки» улеглись понемногу; мужички перетряхивали добытое, обшивались. Пройти шляхом, и даже лесочком, стало вполне возможным. Жил я со своей сохранившейся маменькой в деревне Гожулы, в 20-ти километрах от города. Работал на

медпункте фельдшером, или по новому лекпомом, и был на селе, сами понимаете, не последняя персона.

По причине приветливой местности к нам наезжали летом городские. Не знатные курортники, конечно, а самый щуплый народ, уцелевшая интеллигенция. Селились с детишками по хатам, поедали «кавуны» и плескались в реке. Помню как-то в воскресенье сидел я на берегу и ловил бубырей, рыбешку, которая водится наверно только в нашей Ворскле. Вернее и не рыба вовсе, а переходная ступень от головастика к рыбе. В палец длиной и полупрозрачная.

Словом бубыри сущая дрянь, интерес мой был в другом. Поджидал я одну городскую дивчину, подавальщицу в нарпитовской столовке. Приходила она обыкновенно купаться в полдень. Черноглазая, Христиной звали. Познакомился я с ней в околотке, приводила мальченку вскрыть на пальце нарыв. После операции спрашиваю:

— Ну, Гриша, как себя чувствуешь?

Нахальный мальчишка усмехнулся и вдруг захрюкал. Очень натурально захрюкал паршивец.

— Ты чего?! — удивилась было мать. Потом на меня взглянула, вспыхнула, и как отвесит сыну оплеуху. Звонкую, не по заслугам тяжелую. Мензурки на столе и те задребезжали.

— Ой! — ахнул я. — Чего это вы, сударка, его так... сурово! Пошутил ведь только он!

— Я тоже, говорит, только пошутила. Отца у него нет, так пусть, мерзавец, ощущает материнскую руку.

— Гм... Куда же папаша девался? — полюбопытствовал я.

Гневно сверкнула глазами, ничего не ответила.

Когда они ушли, загрустил я очень по причине своей некрасивой наружности. В молодости на поросенка был похож, мальченка это верно подметил. Лицо имел гладкое, круглое, розовое. Глазки маленькие, щел-

ками; носик пуговкой. Маменька моя, большая насмешница, бывало шутила:

— Ты Васька, говорит, обладаешь счастливой внешностью: Хряка на сцене без грима изображать можешь!

Ей смешно, а мне, сами понимаете, в присутствии женского пола, куда как горько. Потом когда пожил и состарился, это сгладилось. Морщины, очки и сивая бородка кого не украсят. Можете сами теперь наблюдать.

Ну, я отвлекся. Сижу, значит, мухомором под ветлами, поджидаю Христеньку. Кругом же солнечная благодать, великолепие Господне раскинулось. Река тихо скользит, как патока — темна, как невеста — нежна, в прибрежную зелень одета. Посреди реки в знойном мареве утлый челн застыл. В челне этом, по пояс оголен, но в форменной фуражке, милицейский Семка. Делает вид, будь он неладен, что перемет проверяет. Это то в полдень!

Я уже было всякую надежду потерял, как издали, за кустами в воде возня началась. Эх, думаю, вышла осечка! Прокралась видно, моя плутовка, другой тропкой. Придется теперь снова обождать, может домой мимо меня пойдет. Только так рассудил, и вдруг слышу женский отчаянный крик:

— Тону! Помогите ! !

Ворскла наша не чрезмерно глубока, но все же утонуть можно. В особенности если по незнанию фарватера заплыть в водоворотную яму. Кинулся я стремительно, словно окунь за красноперкой; на бегу башмаки с ног сшибаю. Наверно, думаю, Христя невзначай в большой омут угодила, что у нас «Бисов квок» прозывается. Гиблое место у самого берега; в прошлый сезон агронома затянуло. Там же, между прочим, на жерлицы крупные щуки хорошо брались!

Прибежал, действительно: по чернильным водам «квока» белая пенка весело играет, и мою дивчину кругами носит, и временами с головой под воду дергает.

Прыгнул я как был, в одежке, в реку и в то мгновение еще заметил, что и другой предмет на поверхности показался. Наверно это Гришка, мелькнуло в голове и сразу забылось.

Впрочем раздумывать не приходилось. Богатырски вдохнул я воздух, нырнул с потягом и, изловчившись, схватил утоплую за волосы левой рукой, правой же, по всем правилам морской науки, кулаком крепенько стукнул по темени, чтобы ко мне не ластилась. Под водой и поволок. Плавал я изрядно, но откровенно скажу, мало надеялся. Извлечь человека, да еще пышную красотку, из омута, дело нешуточное. Господь видно помог! Поборол я успешно всех бесенят, что мне на ноги поцеплялись и на дно тянули. Из последней силы выбросился на берег и спасенную даму рядом положил. Поверьте, в первое время и взглянуть на милашку не было никакого любопытства, только одна забота — дышу! Минут через десять набрался, однако, духу и медициной занялся. Тут и местная власть, ввиде стражника Семки к месту происшествия прибыла. В своем дурацком челноке! Вылез молодец и тряпье на бездыханное тело утопленницы накинул. Купалась она, сами понимаете, по деревенски — в полном естестве.

Я на него сердито цыкнул:

— Со светскими манерами, говорю, ты, кавалер, погоди. Жива ли она или нет, еще неизвестно. Помоги мне лучше, к искусственному дыханию надо прибегнуть.

Мучились мы с ним долго, из Христины излишнюю воду вылили. И воскресла таки, кошка живучая! Первые слова ее были:

— Гришка? Где мой Гришка?!

Опешил я, признаться: о мальченке, за всеми хлопотами, совсем позабыл. Посмотрел я с глупым видом вдаль, на реку, и говорю:

— Может ваш Гриша и того... еще не утонул. Случалось здесь, что людей помотав, благополучно на песок выкидывало.

Что тут началось, трудно пересказать! У женщин, известно, в возбуждении запас слов не в пример мужскому. Как из пожарного брандспойта лексиконом орудуют! Взвизгнула мокроволосая и на меня, ослабевшего, накинулась. Выражалась бабочка, прямо скажу, грубовато:

— Ах ты такой сякой, клистирная трубка проклятая, — кричит. — Чтож это такое, люди добрые! Взаместо того, чтобы дитя невинное спасать, он, кабан заводской, первое на первых за голую бабу хватается, в кусты волочит. В горелки вздумал играть, подлец красноророжий ... и т. д., всего не упомнил.

Растерялся я вконец, где правда где ложь, уже понять не могу. К тому же мокрые штанцы на мне (сшитые маменькой из какого то военного дерьма!) на воздухе закорузли, колются и свободному движению препятствуют. Хоть погибай на месте! Спасибо Семке, по мужской справедливости, за меня заступился. Продвинул форменную фуражку на затылок и говорит:

— Я так, гражданка понимаю, что товарищ лепком жизнью своей единственной для вас жертвовал и в яме гремучей сома пожирней не выбирал, а за ближний предмет уцепился. Сознавать это нужно, и не то что ругать, а благодетелем своим называть во всеуслышание!

Христа не унялась, на другой фронт переметнулась:

— И ты с ним за одно, гадина милицейская! — истошно вопит. — Чего зеньки, кровосос, на меня вылупил! Подай юбку, охальник!

Собрали мы разбросанные по берегу пожитки, и поплелись на село. Впереди я свою рыболовную снасть несу, и Христину в опасных местах за локоть поддер-

живаю. Вместе с тем и осторожность соблюдаю. Несчастная мать то рыдает, то нас клянет и кулачками энергично размахивает. Того и гляди по морде съездит. Семка сзади идет и по своей административной линии соображает:

— Сейчас, говорит, всех мужиков мобилизую. С баграми реку обшарим, до самого брода. Труп непременно выловим.

От таких высказываний Христину, сами понимаете, еще больше карежит и опасность для меня возрастает.

Все же благополучно добрались к хате слесаря Чукулы, у которого Христина зальце снимала. Чукула этот в победные годы, видно, времени зря не терял, здорово подлатался. В вишняках, позади мастерской, у него даже бывшая рояль стояла, вместо верстака буржуйную рахубу использовал. Новая же хата чисто выбелена, ставень в окнах синькой подведен, в палисаде мальва разноцветная и крупный подсолнечник. Словом все в аккурате, по положенному.

Ввалились мы с большим шумом в сени, дальше я ногой двери в зальце откинул. И что же мы видим?! Посреди помещения стол струганый, возле него лавка, и на ней на коленках совсем голенький Гришка примостился. Обеими руками вареники из миски вылавливает и в рот себе сует. Обмерли мы все, первой мать опомнилась. Молча, проворными шагами к сыну приблизилась, за ухо с лавки сдернула и пониже спины зашлепала.

Гришка взревел, кричит:

— За что, мамка, бьешь?!

— За то, — мать отвечает, — что в омуте тонул и не утонул окончательно, и ко мне доложить не прибег, и за то, что сейчас вареники без спросу жрешь, окаянный!

Окончив экзекуцию, Христа своему русалочному виду смутилась, покраснела и в сени выскользнула. Вскоре вернулась уже прибраная, в нарядном сарафане. Ласково, с улыбочкой к нам отнеслась:

— Чего стоите, товарищи? Присаживайтесь, будьте как дома.

Затем скромной лебедушкой ко мне подкатилась и сладко запела:

— Давайте, Василий Архипович, ваш кукан с уловом. Что у вас там навешено? Карасики эти поджарим, бубырьчики, те на уху. Вареники еще наверно остались, самогончик хозяйский. Мигом управлюсь — подам, а вы, дорогие гости, пока отдохните.

Когда мы остались одни, я говорю Семке:

— Что ж, товарищ хороший, не будем теряться. Жизни спасенной возрадуемся!

Семка сдержанно улыбнулся:

— Выходит, что так! — отвечает.

ТАРАКАШКИ

I

Профессор Астров, ученый из молодых, вернувшись с заседания домой, рассказывал жене:

— В своем докладе доктор математических наук Ева Сергеевна . . .

Жена Наташа стояла посреди комнаты и внимательно, слегка исподлобья, наблюдала мужа.

— Ева и доктор наук! — вдруг оживилась она. — Постой, Аркаша. Повернись-ка!

На широкой профессорской спине, несколько пониже поясницы, зияла большая дыра с обожженными краями. Астров сорвал с себя шубу.

— Это я о буржуйку, в прихожей, — сообразил он, рассматривая повреждение. — Что же теперь делать ? !

— Не знаю, — сердито сказала Наташа. — Не надо было садиться на горящую печь!

— Конечно. У вас все просто: сел на раскаленную печь и заболтал ногами, так?

Услыша интересный разговор, из-за занавески, неслышно вышла теща Арина Васильевна и, скрестив руки на груди, немым укором стала у стены.

— Ну, вы еще, мамаша, — не вытерпел Астров. — И так досадно!

Вскоре приехала племянница Астрова, прекрасная Тоня и приняла участие в семейном совете.

— «Пересадку кожи», как советует Арина Васильевна, спереди на зад, произвести невозможно, — решительно говорила она. — Этой операции и конструкция, за древностью лет, не выдержит, да и уродство. Дядя Аркадий еще не старый.

— Шуба до пожега была еще совсем отличная, — обиделась теща. — В этой самой шубе покойный Сидор Федорович в Москву всегда ездил . . . Впрочем, у нас в станице университетов не было, не кончали . . .

— Денег у вас, друзья, для покупки по коммерческим ценам конечно нет? — спросила Тоня.

Наташа пожала плечами:

— Откуда ? !

Тоня задумалась. Последний ее супруг, осетин Дамбиев, служил в обкоме и был довольно ручной, ее слушался. Но слушался до какой-то черты, переступать которую было опасно. Так, например, недавно Дамбиев совершенно взбесился, когда узнал, что Тоня тайно от него окрестила в церкви их сына Вадима. Дамбиев чуть чуть не приколол Тоню, а Вадима зачем-то вымазал дегтем (еле потом отмыли!), вероятно, чтобы «открестить» опоганенное коммунистическое дитя.

— Дикарь, как дикарь, — решила Тоня, но стала осторожней.

— Конечно можно в обкомовском распределителе, но надо просить мужа, — наконец сказала она, — а он у меня, вы знаете, какой . . .

— Принципиальный?

— Вот именно, — вздохнула Тоня. — Оставим мужа на крайний случай. Сначала я поговорю с Алексей Петровичем. Он кавалер и служит в магазине Швейпрома.

Дальше события развились довольно быстро. На следующий день Тоня узнала, что в магазине Швейпрома получено 30 штук мужских пальто, и они завтра в ударном порядке будут выброшены в продажу.

— Только никому ни слова, — говорила Тоня. — Магазин откроют к 9-ти, но дядя Аркадий должен прибыть на место с вечера.

Женщины не теряя времени стали собирать профессора в экспедицию.

— Одеться нужно как можно теплее и проще. Никаких шляп, галстуков, часов и пенснэ.

— Позвольте, я без пэнснэ ничего не вижу!

— Потерпишь, не лекции читать ! . . А куда деньги?

— Деньги люди завсегда в мешочке на шнурке спускают с шеи прямо на живот, — пояснила Арина Васильевна. — Не нужно в очереди их непрестанно контролировать, пупком ощущаешь.

— Пупком ? ! — ужаснулся Астров.

— Не забудь документов: паспорта, служебного удостоверения и воинского билета.

— Куда?

— Документы удобно на спину спустить, или под исподними к ноге привязать.

Было за полночь, когда Астров, плотно закусив и попив чайку, собрался в дорогу. На нем была ватная, стеганая куртка, меховая шапка — ушан, на ногах валенки и калоши. На шее дамы бантом завязали ему красный шарф.

— Ну с Богом, — сказала Наташа, подымаясь и крестя мужа. — Не теряйся, Аркаша, как ворвешься в магазин, хватай первое попавшееся пальто, потом обменим. Под утро я привезу тебе чего-нибудь горячего перекусить.

Тоня, подкрашивая себе губы у зеркала, прислушалась. На улице слышалось пыхтение автомобиля.

— Наверно Дамбиев не выдержал, прислал за мной машину, — недовольно сказала она. — Моя собачья радость!

— Почему ты сердишься, — удивился Астров. — На редкость заботливый супруг, может быть только несколько . . . односторонний.

— Дурак, как дурак, — согласилась Тоня. — Но ты, дядя, на казенную машину не рассчитывай. Мне с беспартийным стрелком не по дороге.

II

Магазин Швейпрома помещался в центре города, но на боковой улице, невдалеке от базара. Профессор Астров, надеявшийся прибыть первым, был разочарован, увидев в полутемноте у двери нескольких серых фигур.

— Уже, стервецы, пронюхали, — подумал он и возможно бодрей спросил:

— Кто последний, я за вами?

Никто не ответил, только головы медленно повернулись в его сторону.

— Граждане, кто же последний? — менее уверенно повторил Астров свой вопрос.

Какая-то личность, с наброшенным на плечи мешком, пробурчала:

— И давать может ничего не будут, а становятся!

— Позвольте, вы же сами . . . начал было Астров, но осекся и сердито спросил: — Вы, что-ли последний?

— Придерживайтесь, — позволила личность и вздохнула. — Только я не последний, а крайний, шестой номер. Последние еще дома на перинах почивают, — уже доброжелательно пояснил мужчина.

— Кажется, приняли в семью, — иронически подумал Астров, и прислонился к оледенелой стене. В это время сохранившиеся еще на соборе часы стали хрипеть, выбивать час полуночи.

Мучительно тянулось время, вскоре хвост очереди уже терялся где-то в туманной дали, оттуда порой доносилось:

— ... я пятидесятый ... придерживайтесь ...

Подвешенный посреди улицы фонарь, раскачиваясь, бросал причудливые тени на странное людское скопище, порой где-то на чердаке дико взвывал ветер. Профессор Астров курил, приплясывал на месте и утешал себя мыслью, что победить могут только сильные духом. Но «сильного духом» изрядно клонило ко сну и, несмотря на теплые одежки и красный шарф, начинало знобить. Вдруг возле него из темноты возникла стройная девушка.

— Иди, иди, — грубо отнесся к ней мужчина с мешком на плечах. — Нечего здесь тулиться, видим ...

— Позвольте, — неожиданно для самого себя ввязался Астров в ее защиту. — Гражданка заняла место после меня.

Мужчина поворчал и успокоился, но энергично запротестовали женщины позади.

— Кавалер нашелся, пропускает ... Выставить его к черту из очереди ...

— Со шлюхой ...

— Вы с ума сошли, — взревел Астров. — Она вовсе не такая ... как вы выразились. Если хотите знать — это моя жена, пришла помочь мне при выборе товара.

— Жена? — осели бабы. — Если жена, пусть стоит, чума с ней. Только за тем же номером, другого ей не давать.

Посыпались шутки:

— Выбирать, говорит, товар!

— Ежели подштанники подхватит, чтобы обе штанины одной масти.

— А что, гражданочки, если крысоловки давать будут?

— То непременно, чтобы с крысой. Товар, так сказать, без обмана!

Тем временем девушка умело, боком, вклинилась впереди Астрова в очередь, и доверчиво прислонилась к нему спиной.

— Влип! — испуганно подумал Астров, чувствуя прядь ее волос на своей щеке. — И пальто не получу и перед Наташей, когда утром придет, будет совестно.

— Я вас знаю, — прошептала девушка. — Вы живете на Н-ской улице. Меня зовут Любой.

— В очередь вошла любовь, — кисло пошутил профессор, чиркая отсыревшей спичкой.

Потом время, жалкое, загубленное время, сделало неожиданный скачок. Астров как-то не заметил, как подошло серое утро. По очереди прошло оживление: какая-то делегация раздала билетики (общий седьмой номер получила Люба), по рядам прошел сборщик податей, — собирал по 25 копеек с носа на милицию, чтобы не гоняла. На противоположной стороне улицы появились базарные бабы с укутанными чайниками, баранками, самогоном и прочими соблазнами. Закипел торг. Приехала Наташа, и супруги уединились в ближайший подъезд.

— Ну, что, Аркаша, замерз окончательно? — говорила Наташа, наливая из термоса чашку кофе «Здоровье». — Особенно не раздумывай, кушай поскорей. Может быть поверка.

После завтрака настроение у Астрова поднялось.

— Вот и вам, Любочка, кое-что перекусить, — говорил он, становясь в ряды. — Что же мы с вами будем с одним номерком делать?

Девушка при свете дня оказалась весьма недурненькой, несмотря на посиневший носик.

— О, спасибо, — без всяких фокусов приняла она бутерброт. — О номерке не беспокойтесь, держитесь все время за мной.

III

Наконец наступил долгожданный час. Старик сторож, неподвижно просидевший всю ночь в тамбуре у входа, внезапно исчез, словно провалился в преисподнюю. Вместо него появились на улице два рослых молодца милиционера и стали, вместе с уполномоченными из народа, с обеих сторон дверей. Очередь окончательно разобралась и вытянулась змейкой, живописно опоясав два жилых квартала. Часы на колокольне захрипели . . .

— Незабываемая минута! — рассказывал вечером на семейном совете сам потерпевший профессор Астров. — Нам велели положить правую руку на плечо своего ближнего, в левой же — держать номерок наготове. В последний момент милиционеры повернулись к нам спиной и, взявшись за руки, решительно, но еще вполне корректно, нажали своими серыми мягкими крупами. Образовавшееся пространство позволило изнутри скинуть запор и распахнуть двери, вслед за этим десять первых счастливцев мелкой рысцой, наступая друг другу на пятки, вбежало в магазин.

До сих пор все шло отлично, в самой же, так сказать, рознично-торговой точке начались чудеса. Прежде всего меня поразило, что у прилавков уже теснился какой-то народ, неизвестно откуда взявшийся. Люба, за которой я неустанно следовал, на пороге, обозревая позицию, задержалась. Потом стремительно, мне показалось — прыжками, пересекла помещение, заскочила за прилавок и сорвала с вешалки единственное еще сохранившееся пальто. Свою добычу она бросила на скамью и на нее с решительным видом села, готовая кричать, кусаться и в крайности даже — применить огнестрельное оружие. Ее немедленно обступили менее ловкие покупатели, зловещий блеск глаз и ядовитые реплики которых не предвещали ничего доброго. Когда я подошел, могучий, кавказского типа господин (оказав-

шийся впоследствии продавцом Алексей Петровичем) успел также пробиться к Любе, и вежливо ее убеждал:

— Поскольку, мадам, вы уже выбрали себе товар, передайте мне его на сохранение. Сами же идите в кассу платить. Я сейчас вам выпишу чек, какой ваш номерок?

— Седьмой, — тяжело дыша отвечала девушка. — Так смотрите, Алексей Петрович, чтобы, сволоты, не выхватили!

— У меня не выхватят! — молодецки повел плечами продавец. — Раздеться, чтобы достать деньги, можете, мадам, в дамской примерочной.

Круг обиженных по звериному щелкал зубами, слышалось шипение:

— У меня девятый . . .

— Что это, у меня третий!

— Ваши, тетеньки, сегодня не играют!

— Будь вы все трижды прокляты!

Тут я решил, что пришло время обратить на себя внимание, — продолжал профессор Астров свой рассказ. — Алексей Петрович, нельзя ли и мне пальтишко, — подобострастно улыбаясь, попросил я.

— Ваш номерок, гражданин! — остро обратился ко мне продавец.

— Тоже седьмой, мы вместе с ней, — виновато прошептал я.

— Тю! Вот еще привязался! — злым хорьком глянула на меня Люба. — Самозванец! У него номера вовсе нет!

Внутри меня что-то оборвалось, я поник головой.

— Какой-то психованный, — тем временем безжалостно добивала меня Люба. — Красным шарфом повязался!

— Будьте добры оставить торговую залу, — грозно шагнул на меня молодой вершитель и тут же громко, для всеобщего сведения, объявил:

— Граждане, не толпитесь, польта все!

Наступило молчание. Первая взяла слово Наташа.

— Ну и шляпа ты у меня, Аркаша, — довольно мягко, очевидно жалея побитого мужа, сказала она.

Тоня с ней не согласилась:

— Мужчина, как мужчина, — решила она.

— Это не по арифметике подсчитывать, — презрительно проговорила Арина Васильевна. — Соображать нужно!

— Эх, видно мне надо за дело браться, — вздохнула Тоня. — Сними, Наташа, завтра с него мерку. Ты, дядя, нам больше не нужен.

Когда профессор ушел в кухню и засел за интегрирование, у дам началось в спальне важное совещание.

IV

Прошло несколько дней и вот однажды вечером Тоня привезла на обкомовской машине продавца Алексея Петровича, и для дяди Аркадия новое, чудесное пальто с меховым воротником из морской собаки.

Алексея Петровича дамы поили чаем со свежими, еще горячими, ватрушками.

— Я все могу! — между прочим признался герой дня.

— Уж будто все? — усумнилась Тоня, кокетливо на него посмотрев.

— Для вас, Таисия Николаевна, я все могу. Приказывайте!

— Гм . . , заглотните-ка одним махом все эти ватрушки, — сказала Тоня, но заметив испуганный взгляд хозяйки, поспешила изменить характер испытания:

— Или еще лучше: заплачьте сейчас для меня!

Все ахнули, ужаснувшись такой жестокости, на мгновение оторопел и продавец:

— Заплакать, — переспросил он. Потом, о чудо!, лицо его вытянулось, приняло свирепое выражение, прекрасные, бараньи глаза затуманились и по синей щеке побежала слеза.

— Я вспомнил своего покойного пахана, — пояснил он. Затем выражение стало еще свирепей и слезы полились обильным потоком.

— А сейчас — как власти отнимали у меня кожевенную лавку в Моздоке.

Дамы в полном восторге захлопали в ладоши. Профессор же Астров в это время сидел, преисполненный благодарственных чувств к женскому сословию, на диване, ласково гладил мех морской собаки и думал:

— Ну что бы мы без них делали?! Пропали бы наверно, погибли бы все на морозе, как таракашки!

КАНДИДАТ В ПАРТИЮ

I

Большая узловая станция на юге России. Кругом степь, разъезженные дороги, холмы. При станции железной дороги депо, и в нем издавна орудуют два мастера: Иван Кузьмич — ремонт паровозов, и Семен Иванович — по вагонной части. И как это часто случается в жизни у людей одной профессии и чего по скромности избегают сочинители, — похожи фигурами словно двойники. Оба малы ростом, кряжистые, с излишне длинными руками и короткими ножками и лицами, извините, старых и умных дворняжек. Только Иван Кузьмич больше зарос бородой и усами, так сказать, побарбосистей; Семен Иванович же растительностью на лице победней и выражение иное, скорей в женском роде. Характерами мастера довольно различны, впрочем сжились изрядно и хорошо понимают друг друга.

Сегодня для Ивана Кузьмича выдался прегадкий день, одни неприятности, и дома и на работе. Еще затемно приехала скорым из Москвы дочка. Зачем пожаловала, неизвестно! В депо же, изволите видеть, привели чинить (в который раз!) кукушку, паровозный выродок!

Когда Иван Кузьмич отдавал распоряжения слесарям, подошел парторг Рубэн Вартанович, окликнул:

— Кузьмич, на минутку!

И когда мастер, поспешно вытирая руки паклей, приблизился, спросил:

— Газеты читаешь?

— Гм... случается, сейчас вот занят...

— Освободишься, зайди, — и многозначительно удалился.

— Черти носят! — в крайнем нерасположении пробурчал Иван Кузьмич и сильно, как камнем в ворону, метнул паклей в ведро. В перерыв, однако, поспешил к Рубэну.

От парторга вышел не скоро и в замешательстве. Постоял на перекрестке в задумчивости, потом с чувством плюнул куда бы не следовало, и зашагал дальше.

Возле депо наткнулся на инженера Лаувица, Федора Карловича.

В старое время в мастерских никакого инженера не полагалось, при советах появился, для руководства и контроля. К Лаувицу мастера вначале стали в оппозицию, присмотревшись же поняли, что вреда от него никакого. Федор Карлович служил когда-то на большой должности в иностранной фирме, после революции катился и катился и докатился до тупика в степи. Лаувица мастера уважали за ученость и полное, граничащее даже с отвагой, отсутствие интереса к делу. Кроме того, что особенно импонировало мастерам, Лаувиц никогда, без особой необходимости, трезвым не был, и только «под шефе» был в наилучшем своем виде.

— При обратном включении вперед подает, — определил Иван Кузьмич.

Сейчас Федор Карлович вежливо поклонился и осведомился:

— Слыхал, что у нашего армяшки были?

— Посетил, — мрачно отвечал мастер. — Говорит Москва кампанию ведет за возвеличение мастера. Мне в партию облегченно предлагал.

— Хорошее дело, поступайте, — легкомысленно сказал инженер. — Будете доклады делать и на нас доносить.

Иван Кузьмич зло окрысился, даже заплевался:

— А вы, Федор Карлович, поступили бы?!

— Я другое дело. Порочного класса и мало уже соображаю, свободно могу что-нибудь ляпнуть «не туда».

— «Не туда», — передразнил мастер. — А для меня, значит, самая подходящая компания!

— Да вы не сердитесь, я пошутил, — извинился инженер. — Конечно, надо выкручиваться. Старайтесь свою политнеграмотность проявить. Парторгу, например, признайтесь, что Карла Маркса почитаете, Фридриха Энгельса же ни в какую. Можно и поглупее придумать. А что Семен Иванович? Ему же наверно то же угрожает, с ним посоветуйтесь.

— Это он прав, — подумал Иван Кузьмич и заковылял в противоположную сторону, в страну подведомственную его напарнику.

Мастер Семен Иванович сидел на мягком в купе международного, составлял наряды, и одним глазом косил на маляров, возящихся у вагона напротив.

— Как ваше, Иван Кузьмич, «ничего себе»? Присаживайся, чего такой постный сегодня? — приветствовал он приятеля.

— Будешь постный, когда тебя норовят без прикрытия на ежа посадить... Скажи, Сергей Иванович, и тебя Рубэн в партию продвигал? — сразу взял Иван Кузьмич быка за рога.

— Накидывал! — засмеялся Семен Иванович. — Да меня на дурницу не возьмешь! За большую, говорю, честь полагаю, но не гожусь, Рубэн Вартанович, и вот почему. По секрету скажу, хотя какой здесь секрет — никогда не скрывал перед властью, сынок мой, будь он неладен, в гражданскую с казаками ушел. Сейчас может помер, а может по заграницам бегает, нет известий. Лучше, говорю, я бы его в нежном возрасте уничтожил! Так что, видите, дорогой товарищ, мне при

родственной такой репутации не на партию заглядываться, а скорей у Ивана Кузьмича огнепламенными топками интересоваться! Рубэн зло глазищами запрядал (видно я перекалил: слишком рельефно завоняло!) и говорит:

— Не огорчайся так, старик! Дело поправимое, придет время, твоего сынка отыщем и, может, удавим.

— Знает чем утешить!

— Соображает милостивец! Теперь больше не пристает, только на меня дуется . . .

— Где шпаклевка ? ! Где у вас, стервецы, шпаклевка, спрашиваю ? ! ! — заорал вдруг Семен Иванович, высовываясь из окошка.

— Ну, я пойду, — уныло проговорил Иван Кузьмич. — У меня с детками слабо, не защитники: сынок на коне гарцует, сабелькой помахивает, а дочка вообще . . . самостоятельная

II

Жил мастер Иван Кузьмич в станице в пяти километрах от станции. Добирался обыкновенно домой на велосипеде с пристроенным моторчиком. Заводилась эта «мотовелла» лишь измотав человека полностью. Так и сегодня, только после тяжких трудов и проклятий, понесла наконец нашего героя по колдобинам большака.

Прибыв домой, Иван Кузьмич прошел прежде всего в сарай, где были сосредоточены умывальные приспособления. В темноте долго оттирался «мраморным», смешивая для крепости и экономии, мыльце с золой. Потом надел чистые полотняные порты, такую же рубаху и, приглаживая рукой мокрые лохмы волос, двинулся к дому.

В квартире прохлада и опрятность. По свеже-выкрашенным полам разложены дорожки; на окнах тюлевые занавески, цветущая герань; в клетках чирикают птахи, — рай, словом!

В парадной зальце вся семья в сборе, ждут отца к обеду. Два смежных поколения, а расстояние между ними столетие. Старики — Иван Кузьмич и жена его Милица Спиридоновна, как ни перелицовывала их «великая», как ни старалась, все же всеми корнями в царском прошлом, так сказать старосветские железнодорожники. Молодежь же совсем из другого мира. Сын Павел, бравый, кавалерийский ротмистр, еще не так «прогрессивен», — простоват, добродушен, лицом не изнежен. Зато дочь — Аллочка, опередила свой век. Изящна, прекрасно одета, с подведенными косо бровями (под малайку!), с прореженными ресничками и карминовыми ноготками. И весь этот соблазн, прелесть женская, в сочетании с нарочитой (модной) грубостью и новой верой.

При входе отца заканчивался любопытный разговор:

— И ты, Алла, смогла бы донести на любимого человека? — спрашивал ротмистр.

— Ты дурак, Павка! — уверенно отвечала сестрица. — Зачем же это все вместе вдруг! Я бы сначала разлюбила, а потом на нелюбимого донесла.

Иван Кузьмич опасливо покосился на дочку и досадуя на себя, что вроде перед ней робеет, развязно спросил сына:

— Опять к нам зайцев гонять? — и не дождавшись ответа, неожиданно для самого себя выпалил:

— А меня, детишки дорогие, насильно хотят в партию определить. Что на это скажете?

— Поступай, папаша, давно пора! — захохотал ротмистр. — Только как у тебя получится с партста-

жем? Мне, когда я в прошлом году причислился, наш майор сказал:

— Сегодня, Павел, ты взгромоздился наконец на хвост парткобыле, поздравляю . . . Куда ты, папенька, пристроишься, и не знаю!

— Под хвостом, сынок, — проговорил Иван Кузьмич. — Раньше говорили: как у Бога за пазухой, теперь правильней сказать: как у партии и правительства под хвостом.

Ротмистр опять захохотал:

— Это вы здорово сочинили!

— Замолчи, Павка! — прикрикнула на него Аллочка. — Советую вам, Иван Кузьмич, ваши библейские остроты оставить, — обратилась она к отцу, как к постороннему. — Хотя, конечно, одна глупость, но усмотреть могут и другое!

Окинув домашних презрительным взглядом, продолжала:

— Насильно в партию никто не тянет, такого не бывает! Наверно сами со всех сил лезете!

Лица у всех вытянулись, стали грустными и глуповатыми, как на похоронах.

— У нас в семейке страсть делать себя смешными, — уже совсем злобно проговорила Алла. — Один на старости лет лезет в партию шутом, другой — красуется пижоном в кавалерии. Уж лучше бы ты, Павка, поступил в команду пращников. Метал бы камешком вражескому танкисту в глаз!

— Дура! Ничего не понимаешь . . . — вспылил ротмистр.

— Этакий болван! — немедленно парировала сестрица.

— Стой! На тормоза ! ! — испуганно, словно увидел прикорнувшего на путях черта, возопил Иван Кузьмич.

Вечером, отходя ко сну, Иван Кузьмич тревожно спросил жену:

— Зачем приехала?

Милица Спиридоновна, маленькая, высохшая старушка, сразу поняла, о ком идет речь:

— Забрать свои вещи и договориться с мужем о разводе, — горестно отвечала она.

— Бросает Алешу ? !

— Бросает. Я ей говорю: как тебе, Алла, не жалко такого хорошего человека обидеть?

— Хорошего? Может быть! — отвечает. — Но этого «хорошего» в Москву перевести почти невозможно, да и без надобности он мне там. Не детей же воспроизводить с ним!

— Без надобности! Законный то муж!

— Завтра утром за ней самолет здесь снизится, полетит на курорт.

— А в самолете кто?

— Ничего не сказала.

— Чакалка! — пробормотал Иван Кузьмич, зарываясь головой в подушку. — Уродилась стопроцентная чакалка!

III

Дальше события покатились быстро. Ивана Кузьмича снова вызвал парторг Рубэн, ткнул пальцем в разложенную на столе газету «Правда». и строго сказал:

— Наша партия подымает мастера на недостигаемую высоту. Теперь ты становишься полновластным хозяином производства ! . . Где заявление ? !

Лицо у «хозяина производства» вытянулось; приняло нездоровый, ущербленный вид, свойственный жуликам. Блудливо бегая глазками и запинаясь, Иван Кузьмич попросил отсрочки на неделю, чтобы съездить в Минеральные Воды по важному делу.

— Какое там еще важное дело ? ! Ну, поезжай, — неохотно согласился Рубэн. — Будем тебя ждать для оформления.

Ночью Иван Кузьмич отбыл рабочим поездом, погрузив в багажный вагон и свою мотовеллу. Важное же дело, на которое он сослался, заключалось в следующем:

Был у Ивана Кузьмича младший брат Тихон. Этот Тихон, или Тиша, прославился как парень пустой и фантазер. Старший брат, принимавший участие в его воспитании, долго с ним возился, иной раз поколачивал, и наконец махнул, как на безнадежного, рукой. Братья разъехались, и ряд лет о Тише не было никаких известий. В последнее же время из Минеральных, где Тиша поселился, стали поступать тревожные и странные слухи, что, де, Тихон остепенился, ударился в мистицизм и даже рукоположен местной церковью во диаконы.

Иван Кузьмич, давно отошедший от всякой церковности, неодобрительно рассуждал по этому поводу:

— Разумные люди от поповства бегут, заметают, а наш шлепогуб поперся . . . Загремит в скорости наверно куда нибудь!

В связи со свалившейся на него бедой, Иван Кузьмич быстро пересмотрел свой взгляд на дело с диаконством. Новая позиция брата стала ему рисоваться не столь порочной, более того, — единственной возможностью выпутаться самому.

— Если Семен Иванович своим заграничным сыном спасается, то мне при единоутробном, проживающем в Минеральных, брате диаконе и унывать грешно, — бодрился он — Надо съездить, договориться; может Тихон того . . . взаправду возревновал!

В Минеральные Воды Иван Кузьмич прибыл на рассвете. Оседлал своего коня и, весело постреливая на зарю, погнал через спящее еще село на окраину. У нужного домика выходила как раз из калитки девочка

подросток с красным пионерским галстуком на шее и ранцем книг на спине.

— Тихон Кузьмич живут у нас, — на вопрос мастера бойко отвечала она. — Только сейчас они выехали на недельку в Кисловодск со всем ансамблем.

— На требы, что-ли? — спросил мастер.

— Ну да, по требованию. Они в Кисловодске завсегда останавливаются в клубе «Пищевик», что при скотобойне, вы их там застанете . . . Извините, я побежала, у нас за опоздание строго, — вдруг заспешила она.

— Раньше говорили причт, а теперь, вишь, у нее ансамбль, — улыбнулся в бороду мастер; его улыбка, впрочем, более относилась к юркой пионерке, чем к ее словам.

В Кисловодске Ивана Кузьмича снова ждала неудача: Тихон уехал в Железноводск, оставив глухой и злой уборщице записку, что к вечеру будет непременно обратно.

Иван Кузьмич бесцельно побродил по пустому зданию клуба, подивился грязи, бедности и зловещему смраду, исходившему из всех углов культзаведения, потом отыскал за сценой клетушку брата и повалился спать на неприбранную с утра койку. Проснулся лишь к вечеру, почувствовал голод и решил поехать в город что-либо себе промыслить.

Это оказалось не таким простым делом. Закрытые санатории и дома отдыха, встречающиеся по дороге, не были очевидно, нужным пристанищем; харчевень же для простого народа нигде на местности не значилось. Пробираясь все дальше, Иван Кузьмич очутился на самом «пяточке» всесоюзной кузницы здоровья. Здесь шумела и переливалась всеми курортными цветами праздная и нарядная толпа. Лавочники бойко торговали мороженым, пирожными, фруктами и нарзаном. Задорный запах жареного заставил мастера остановиться у

лестницы, ведущей в ресторан курзала. Какие-то «стиляги», с модными коками на головах, его окликнули:

— Эй, бородач, чего здесь «нюфаешь»? Аль заблудился, сердешный? — насмешливо спросил один из них.

— Не трогай его, Фред, — отозвался другой. — Это нашенский, из колхоза «Мозолистая пятка имени взятия Бастилии».

Неслышно сзади на Ивана Кузьмича наехал открытый лимузин. Почувствовав спиной его горячее дыхание, старик испуганно отодвинулся. Прямо на него выпорхнула Аллочка, одетая и ретушированная под ночного, блистательного мотылька. За мотыльком, сильно качнув машину, грузно вылез пожилой жук.

При виде отца, Алла в первое мгновение зло вспыхнула, затем, сообразив должно быть, скандальный случай обратить себе на пользу, радостно изумилась:

— Папочка! Мой дорогой, ты что здесь делаешь?!. Лев Михайлович, познакомьтесь, это мой папа, заводской мастер.

Могучий Лев, субъект с муссолиниевским подбородком, не выразил никакого оживления:

— Здесь отдыхаете, товарищ? — спросил он, мельком взглянув на обшарпанного «папу».

В это время с лестницы сбежал в белом смокинге метрдотель, всем своим светлым обликом выражая готовность служить именитым гостям до конца.

Воспользовавшись минутой пока мужчины разговаривали, Аллочка, не снимая с лица приветливой улыбки, сказала тихо, но отчетливо:

— А теперь брысь, исчезайте немедленно!

Иван Кузьмич не двигался, оторопело наблюдая дочь.

— Не понимаете, что-ли?! — непринужденно и весело продолжала Алла. — Пригласить вас в таком паскудном виде в ресторан невозможно. Следовательно топайте отсюда в южном направлении!

Долго Иван Кузьмич не мог прийти в себя после встречи с дочерью. Уже сидя в безопасности в столовке Дорпрофсожа и хлебая сизый, с масляными пятнами, перловый суп, испуганно и вместе с тем с каким-то почтительным чувством, думал о страшном мотыльке:

— Это не женская особа, это — дракон!

IV

Клуб «Пищевик» сиял огнями, когда Иван Кузьмич снова туда вернулся. У главного входа висел красочный плакат, извещавший народ, что сегодня силами кружка безбожников будет дана бесплатная постановка: «Отец Тихерий и прочие преподобные», сочинение тов. Яши Стукача.

Прочитав эту афишу, Иван Кузьмич преисполнился самых дурных предчувствий, но и решимости досконально все выяснить. С трудом стал он пробираться сквозь толпу молодежи, на подобие жидкой лавы, растекшейся по всему двору. Юные театралы громко, как в лесу, перекликались; деятельно флиртовали и неудержимо грызли семена подсолнуха.

Иван Кузьмич вошел в здание, пересек начинающийся заполняться зрительный зал, и знакомой тропой достиг кабины брата. Тихон сидел у зеркала, спиной к двери, и гримировался под Гришку Распутина.

Старший брат не стал тратить слов на приветствия, а сразу напал на бедного Тишу свирепым коршуном:

— Негодяй! Так ты вот как!!

Тихон, худой, болезненного вида молодой человек, с рыжеватой, клинушком, бородкой, прислонился к стене и подведенными, «сатанинскими» глазами недоуменно сверлил грозного судью, свалившегося, казалось, с неба.

— Люди мне пересказывали, что ты в диаконы рукоположен, а на деле ты, гадина, к бесовскому ярилищу сопричислился, — гремел старик.

— По... позвольте, братец, — запахивая подрясник, нервно проговорил Тиша. — Вначале я действительно поступил в дьяконы, но вскоре так случилось, что председатель союза безбожников, товарищ Стукач, на нас насел и приневолил переключиться на ходу. У вас, святые подвижники, только две возможности: «птичку съесть или в ДОПР-у сесть», выразился он в стихах.

— Так ты предпочел... птичку!

— По слабости человеческой, — потупясь отвечал Тихон. — Все мы: регент, псаломщик, церковный хор к нему ангажировались. Один старец батюшка воспротивился, скоропостижно скончался.

— Я на тебя, Тишка, надеялся! Анафема!! — с чувством, но уже слегка остыв, проговорил мастер.

— Воистину анафема! — смиренно подтвердил Тихон.

В дверь заглянула смазливая девица с большим, «всенародным», декольте, контрастно обрамленным шнурованным корсажем:

— Тихон, ты с ума сошел, наш выход! — крикнула она.

Иван Кузьмич, не прощаясь, двинулся поспешно из комнаты. Пробираясь узким проходом, отделенным досчатой перегородкой от сцены, слыхал, как там развертывалась похабная «постановка», и женский голос выводил:

«Не целуй меня взасос,
Я не Богородица,
От меня Иисус Христос,
Все равно не родится!»

Ответной реплики «отца Тихерия» Иван Кузьмич уже не слыхал. В темноте он отыскал артистический лаз, и благополучно выскочил в театральный переулок.

Восход луны застал Ивана Кузьмича на полянке, расположенной над курортным парком, повыше «Храма Воздуха». Старый человек не стал любоваться ни красным светом, ни панорамой всесоюзной здравицы, открывающейся с этой точки во всей обширности. Устало опустился он на деревянную скамью, поставленную здесь для любителей горных вершин, и закрыл глаза. Так просидел он долго, долго, не шевелясь; маленький и беспомощный человеческий гном.

Мы не знаем, молился ли на горе Иван Кузьмич и если молился, то о чем просил Господа Бога. Одно нам почему-то кажется, при нашем скудном человеческом разумении, что когда наступит Последний Страшный Суд, то с Ивана Кузьмича будет взыскано средне. Так не осудим же и мы старика мастера слишком строго.

ПОХОРОНЫ НАЧАЛЬНИКА

Петр Иванович Хмарь, наш управляющий, умер. Случилось это для всех неожиданно. Вчера еще он распоряжался, подписывал бумаги, спешил на совещание в крайком, но в крайкоме уже не появился, а поехал домой и скончался.

О печальном происшествии я узнал лишь на следующее утро. Как только я появился на службе, ко мне подошла заведующая секретной частью Клавдия Дмитриевна и шепнула:

— Пройдите в кабинет Петра Ивановича.

Я настороженно глянул на нее, но мне показалось, что сегодня всесильная дева наша не имела обычного, свойственного ей по должности, зловещего вида.

В кабинете собралась уже вся элита нашего заведения. В центре, на зеркальном стекле письменного стола сидел в пальто и фуражке секретарь ячейки Сергеев и болтал ногой в плетеной корзине для бумаги. На диване, под портретом Сталина, и на стульях разместились главный инженер, главный бухгалтер и прочая знать и партийцы. Независимые позы этих господ и отсутствие хозяина заставили меня предположить худшее:

—Забрали старика! — подумал я.

Но в этот момент Сергеев, решительно отшвырнул наседающую на его ногу корзину, и заговорил:

— Так вот товарищи, наверно вы уже знаете об ужасной, постигшей нас потере. Вчера на дому скон-

чался наш горячо любимый начальник и товарищ Петр Иванович Хмарь.

Далее Сергеев сообщил, что постарался и многим уже преуспел для покойного: молнировал Главку, последний ответил, что соболезнует и позволяет взять расходы по похоронам на казенный счет. Кроме того им, Сергеевым, оповещены местные власти, которые тоже соболезнуют. Наша задача теперь в том, чтобы не ударить лицом в грязь, и устроить нашему управляющему достойные похороны.

Наступило молчание, затем выступил главбух Сидор Карпович:

— Во первых, надо составить смету расходов, — сказал он, — во-вторых, — оповестить мастерские и прорабов, в третьих, как же это так.., кто мне подпишет сегодня чеки ? !

Мы все дружно зашикали на чернильную душу. До того ли нам было ? !

В самом деле, далеко не всем и не каждый день выпадает такой случай: естественная смерть управляющего! Не думаю, чтобы кто либо в конторе искренно любил Петра Ивановича, его скорей побаивались и уважали, но такой благородный поступок с его стороны, джентльменский уход без неприятностей для окружающих, многих расположил в его пользу. Покойник всем приятен: не выдаст, не подгадит! И партия и правительство тоже очень любят покойников.

Похороны должны были состояться на следующий день, в воскресенье, но в субботу уже никто не работал, каждый, в особенности же наши дамы, не на страх, а на совесть старались постоять за честь фирмы. Образцом печальной процедуры мы, не сговариваясь, взяли Кремль, все должно было произойти в точности как там, при погребении «великого» вождя. Покойник был скуповат и держал нас в черном теле, теперь же мы, получив легкомысленный карт-бланш Главка, могли

отыграться. Уже много времени спустя, приезжий ревизор, просмотрев похоронный отчет, задумчиво качал головой:

— На цветы и за прокат пальм из гостиницы Интурист — 500 рублей, гм... предположим; на газированные воды — 300... Простите, Сидор Карпович, не пойму: зачем покойному, царство ему небесное, могли понадобиться в таком количестве газированные воды?

Дирекция, как говорится, не поскупилась на расходы, зато еще и сейчас есть о чем вспомнить!

К концу дня цинковый гроб с бренными останками Петра Ивановича был привезен в контору и водворен в кабинете на его же письменном столе. Вся остальная мебель была вынесена, и большая комната заставлена пальмами, фикусами, олеандрами и прочими представителями субтропической флоры. Гроб утопал в венках, над ним колыхались красные, с черным крепом знамена. Возжечь восковые свечи постеснялись, зато наши техники соорудили великолепную, из разноцветных лампочек, иллюминацию. Впечатление было такое, что вот-вот по комнате запорхают колибри и на ветвях закричат павлины...

В девять часов вечера я, с Володей Мицкевичем, пробрались к саркофагу и стали у изголовья на почетный караул. Дежурить предстояло по расписанию два часа.

Петр Иванович лежал в гробу строгий, скуластый, с приплюснутым носом и с несколько растянутой, лягушиной физиономией. Выглядел он маленьким, в жизни же был среднего роста, коренастый, лет пятидесяти, мужчина.

— Еще одна жертва режима, — думал я, озираясь по сторонам.

Пять лет назад Петр Иванович впервые явился в контору и на вопрос швейцара тихо отрекомендовался: я ваш новый управляющий. Вскоре мы узнали, что он

единственный из партийцев, сохранившийся после чистки на заводе «Сельмаш», там он был предзавкомом. Ценой каких предательств ему удалось удержаться на поверхности — осталось тайной. Происходил он из крестьян, был малограмотен и не красноречив. Тогдашний вридуправляющий конторой, некий Липман, решив должно быть с разбега, что новый начальник дурак, не выпускал из своих рук браздов правления, и Петр Иванович безропотно побежал рядом, пристяжной. Такое положение длилось около полугода. Петр Иванович присматривался и изучал. И вдруг все изменилось. В один прекрасный день Липман взмахнул могучими крылами и исчез, больше мы его не видели. Петр Иванович сам повел корабль, и надо отдать ему справедливость, что за пятилетие его управления контора процветала, посколько, конечно, может процветать какое-либо дело в условиях советского хозяйства.

***

Мы уже с час стояли, было тихо; во всем здании, кроме кабинета, притушены огни. Мицкевич, который уже давно переминался с ноги на ногу, наконец, не выдержал:

— Какого лешего, хотел бы я знать, мы здесь торчим, — сказал он сквозь зубы и покосился в темный угол, где пискнула и шарахнулась мышь.

— Терпите, Володя, в порядке профсоюзной дисциплины, — посоветовал я.

Вдруг красная лампочка, пристроенная на олеандре, мигнула и потухла, и одновременно тихо соскользнул со стула и упал на пол венок.

— Те-те-те, давайте, Андрей Иванович, лучше погуляем по коридору, — предложил Мицкевич. — Тут, я вижу, дело дохлое.

— Благодарю, я не боюсь.

— Что за предрассудки, кто же боится ? ! — возмутился Мицкевич, спешно покидая комнату. — Только, извините, я не псаломщик.

Мицкевич был молодым, талантливым инженером. Больше всего любил он уехать в длительную командировку на самую отдаленную монтажную точку, завести там собственное хозяйство и жить помещиком. На все запросы конторы с требованием отчета он обыкновенно отмалчивался. Только экстренные меры могли его привести в чувство. Петр Иванович держал его в последнее время при управлении.

Мицкевич вернулся на пост лишь через пол часа, сильно навеселе.

— Ну, как у вас тут? Покойник и прочее? — поинтересовался он, пробираясь между пальмами.

— А мы сейчас с Антонычем (старик швейцар) здорово выпили за упокой души хозяина. Напрасно вы . . .

— Глядите ! ! ! — шепотом перебил я его, большими глазами смотря вперед. Там, на саркофаге черная шляпа, вложенная в руки покойного, медленно ползла по гробу.

— Володя, постойте, куда же вы опять ? ! !

Додежурить, пока пришла смена, пришлось мне одному, Мицкевич больше не показался. Таинственного случая со шляпой он мне затем никогда не простил.

***

Похороны состоялись на следующий день, в полдень. Процессия растянулась на целый квартал. В голове колонны, на декорированном красными и черными полотнищами грузовике с открытыми бортами, стоял осыпанный цветами гроб с телом покойного. Затем . . , но здесь я вынужден сделать примечание. Непосредственно за грузовиком шла, повязанная скромным, черным платочком, простая крестьянка — жена Петра

Ивановича. Ее заплаканное, с выражением глубокого горя, лицо и весь жалкий, деревенский вид как то не гармонировал с абстрактной пышностью постановки. Не даром парторг Сергеев, обладавший художественным вкусом, несколько раз пытался оттеснить старушку куда-нибудь назад, но она с удивительной цепкостью отстаивала свое место. Несколько скрашивало это досадное явление дебелая, красивая невестка, жена сына, поддерживавшая свекровь под руку. Сын Петра Ивановича был где то за Уралом с экспедицией, и на похоронах отца не присутствовал.

Итак, затем следовала зав. секретной частью Клавдия Дмитриевна, в темном элегантном платье. Она несла ордена. Зная, что Петр Иванович при жизни никаких особых отличий не удостоился, я с некоторым любопытством глянул на бархатную подушечку. То, что я успел заметить, очень походило на тощие жетоны вроде «Готов к труду и обороне» или «За лучшего пойнтера». Но не будем слишком строги. Потом шли самые интересные учрежденские дамы и девицы и несли венки, полученные от организаций, за ними колыхались знамена, выступал духовой оркестр, двигались провожающие и прочее и прочее. Всего не упомнишь. Позади в медлительном темпе продвигался десяток легковых машин. (В последующие дни в контору ходили шоферы из соседних учреждений и ругались что им, мол, не доплатили по условию).

Выход процессии уже с места задержался, ждали прибытия секретаря крайкома товарища Филоненко. Наш парторг Сергеев сильно волновался: он надеялся запечатлеть на фотографии вынос гроба со своей и Филонинской физиономиями на переднем плане. Пришлось, однако, удовлетвориться скучной семейной группой.

Наконец, все было готово, Сергеев махнул рукой, оркестр заиграл похоронный марш и мы тронулись. Но

вскоре произошла вторая задержка. Надо сказать, что по досадному недомыслию процессия была выстроена по улице лицом по направлению к кладбищу, расположенному в непосредственной близости к нашей конторе. И вот не пройдя и пятьсот шагов, голова колонны уткнулась в кладбищенские ворота, которые дежуривший при них сторож немедленно гостеприимно распахнул. Шофер грузовика с гробом уже наполовину было въехал в ворота, когда прибежал разъяренный Сергеев. Произошла перебранка приглушенными голосами, шофер отстаивал интересы покойника, парторг — организации: «стоило мол, огород городить». В результате победила партия, и тяжелая машина стала пятиться и разворачиваться в противоположную от кладбища сторону.

Потом мы долго брели скучными, боковыми улицами, растеряв все краски, пыл и порядок, даже оркестр замолчал. Приободрились лишь, выйдя на главную городскую магистраль — на Ленинскую. Уже на закате солнца, описав круг километров в пять, мы вторично подошли к воротам кладбища.

***

Глубокой ночью мы возвращались домой с прощального вечера, или по-просту с поминок. Шли по мостовой цепями, поддерживая друг друга под руки. Парторг Сергеев на ходу подводил итоги удачного дня, призывал к единению и убеждал нас почаще так собираться. Володя Мицкевич, провожавший красивую невестку почему то в противоположную от ее дома сторону, все время порывался пуститься в пляс.

Действовали те самые «газированные воды», которые потом так поразили ревизора.

***

Прошел год. Однажды вечером я и мой приятель технорук Донской работали одни в конторе. От деловых вопросов мы перешли к политике и между прочим я спросил:

— Скажите, Виталий Викторович, как вы полагаете, встречаются ли среди коммунистов порядочные люди?

Виталий Викторович, никогда не рубивший с плеча, с минуту размышлял.

— Учитывая всю широту русской натуры, думаю, что такие случаи возможны, хотя и очень редко, — наконец сказал он. — Зачем далеко ходить за примером, возьмем покойного Хмаря. Великий был грешник, но светлого ума человек, должен был понимать, чувствовать весь ужас происходящего. И кто знает, что творилось в его душе. Возможно, что вся его жизнь была трагедией, ведь даже его похороны, если помните, вылились в кощунственный фарс. Сегодня точно годовщина его таинственной смерти — недаром вспомнили.

Виталий Викторович поднялся.

— Прости ему, Господи, его прегрешения и дай ему, мятежному, вечный покой, — с чувством проговорил он слова молитвы.

ЧУЖИМ ОРУЖИЕМ

I

Приобрести в Советском Союзе домишко могут лишь немногие счастливцы. У подавляющего числа семей для этого нет средств. Но и у тех, которые правдами и неправдами скопили необходимый капиталец, возникает ряд сомнений и страхов. Боятся «обрасти», «оторваться», «скатиться» и т. п. Словом советскому гражданину при покупке недвижимости нужно помимо денег некоторое веское моральное обоснование.

Профессор Зайцев, после поездки в Москву по вызову к сиятельному больному, почувствовал, что такое обоснование у него теперь появилось. Появились и деньги, а подмосковская вилла вельможи и его образ жизни обострили в профессоре собственнические инстинкты. Коммунальная квартира, в которой он жил, показалась ему теперь адом, да беспристрастно говоря, она таким и была. Случайно подвернулась и подходящая усадьба. Имущество было выморочное и продавалось финорганами за бесценок.

Настоящие расходы и трудности начались у Зайцева лишь по приобретении. Дом не ремонтировался с царских времен, и был густо заселен и загрязнился до невозможности. Выселение жильцов длилось пол года и влетело в копейку. Для ремонта же и очистки от клопов, тараканов, мокриц и прочих инфузорий потребовался год, а расход — в пять раз превосходивший стои-

мость имущества. Наконец, все это было преодолено, и профессор с дочерью (он был вдовец) въехали в свое новое жилище.

Купленная усадьба была угловая, выходившая на бульвар Герцена и в Червонный переулок. Во времена доисторические переулок назывался Червяковским, по имени госпожи Червяковой, владевшей там пригородным имением и напавшей на счастливую мысль, для пополнения своих доходов, открыть притон. Дело пошло хорошо и вскоре вызвало подражания. Рядом открылись и другие заведения. Город разростался, застраивался и переулок. Великий Октябрь переименовал переулок в Червонный и все разметал. Заведения закрылись, порок же расползался по всему городу. Если бы профессор Зайцев знал историю переулка, то возможно и не купил бы усадьбы. Но он был в городе человек новый.

В Червонном переулке было много больших подворий. Подворья включали в себе обыкновенно полутораэтажный, мурого кирпича дом фронтальный с улицы, и огромный, обнесенный забором, двор. Центральное место во дворе занимали всегда переполненные помойка и общественные места. Вокруг этой клоаки, словно вокруг клумбы с цветами, теснились самого фантастичного вида халупы. Они состояли или из приспособленных, путем «мобилизации внутренних рессурсов», бывших конюшен, сараев, подвалов и погребов, или же из новых строений, воздвигнутых из разного хлама и скрепленных глиной с навозом. Из каждого такого жилища торчала в небо закопченная труба (водосточная, сорванная ночью с соседнего дома) и тускло светилась, висящая на телеграфных проводах, обсиженная мухами, «лампочка Ильича».

Население подворий составляли потомки предпринимателей бывшей Червяковки. Было, однако, много и пришлого элемента, чудом уцелевшего от всяких рево-

люционных катастроф и пробившегося к большому городу. Весь этот люд деятельно копошился, день и ночь комбинировал, руководствуясь каким то своим, неписанным моральным кодексом, и очень охотно размножался. Детей разного возраста бегало во дворах множество. Мужская часть из них проходила обыкновенно три жизненных этапа: голопузов-крикунов, пацанов-подхулиганов, и собственно хулиганов-подростков. Дальше молодежи, при их отличном происхождении, пути были открыты: часть приобщалась к партии и выходила в люди; основная же масса предпочитала, так сказать, около — социалистическую деятельность. Как те, так и другие были молодые люди далеко не скучные, полные инициативы и энергии. «Термидорианцы», как в злую минуту прозвал их Зайцев. т. е. люди, порожденные Октябрем и долженствующие, по мнению профессора, рано или поздно, порешить своего великого родителя.

II

Переезд профессора Зайцева в новый дом естественно возбудил живейший интерес обитателей подворий. Но старшие привыкли и скоро отвлеклись, с молодежью же у профессора открылась война на долгие годы.

Враг был мал, примерно два вершка от горшка, но могуществен. Профессора они скоро загнали в безнадежную оборону. Ему пришлось перешить и повысить забор, сверху набить гвозди и навесить колючую проволоку, парадные двери обить железом, снять все звонки, пригласить дворником страховидного Якова, и наконец, приобрести весьма серьезного дворового пса по имени Эзоп. Все эти мероприятия, однако, нисколько не устранили дальнейших выступлений противника.

В особенности обострился террор, когда вошли в возраст и стали главарями подростки Федя Палый и Жора Цокот. Федя был щуплый, белесый мальченка лет двенадцати, Жора же — несколько постарше, паренек чернявый и стройный. Изобретательность их не имела предела и Зайцев, доведенный до отчаяния, решился однажды искать защиты у их родителей.

Дворник Яков, знакомый со всем населением переулка, к этой затее отнесся весьма скептически:

— Ну чего вы, Леонид Петрович, к ним пойдете? — сказал он. — Папаша Федьки Палого босота пухлая. Цокотиха же, — Яков запнулся, подыскивая приличное обозначение, — сука первостепенная. Только время потратите.

Профессор все же пошел. Папу Палого, жившего в сарае во дворе напротив, он застал за приготовлением старки из денатурата. Фигура эта действительно оказалась самая незначительная, и как бы припухшая. Она заметалась по заставленному помещению в поисках стула.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я к вам на минутку, по делу, — смущенный нищенской обстановкой и тяжелым запахом спирта, сказал Зайцев. — Я бы хотел . . .

— Чего стоишь, у-у . . . стерва! — перебил Палый Зайцева, обращаясь к своей супруге. — Стулу ищи и подай чистый стакан их угостить. Живо!

— Покорнейше благодарю! — испуганно покосился Зайцев на лунного цвета жидкость на столе. — И вам, как врач, не советовал бы «это» пользовать.

— Напрасно опасаетесь, приготовлено по последнему слову науки и техники, — обиделся за старку Палый. — Он взял бутыль и осторожно ее встряхнул. Жидкость немедленно покорно, словно шампунь, взмылилась. — Эх, для окончательной полировки нет у меня

только мятой серой глинки, микстурка была бы как слеза!

— Мятой глинки ? ! — переспросил Зайцев. — С таким препаратом, признаться, не знаком . . . Однако мы отвлеклись, не угодно ли вам меня выслушать?

К заявлению Зайцева папа Палый отнесся вполне сочувственно:

— Сколько я на Федьку уже силы извел, не поверите! — пожаловался он. — Его, змееныша, по правильному, давно удушить нужно!

— Почему же непременно бить или душить ? ! — поморщился Зайцев. — Вы, как отец, должны на него как-то иначе воздействовать. Скажем наставлениями, словами . . .

— Словами ? ? — очень удивился Палый. — Да он слов больше моего знает! Нет, гражданин, заблуждаетесь. Лупить нужно, так лупить, чтобы у него язык опух! Но мне, по правде сказать, заниматься, с ним все затруднительней. Увертлив стал и кусается! Теперь его только хитростью взять можно, из засады.

— Как из засады ? !

— Схоронюсь я где нибудь и прыгаю. Но он тоже не дурак, в большие расходы меня ввел. На днях приоткрыл я входную дверь и спрятался сзади. Долго прождал на сквозняке, не куривши. Слышу наконец — идет! Как только показался, прыгнул я, одеяло накинул и занялся, себя не жалея . . . Уже утомляться начал и вдруг, к своему ужасу, слышу сзади голос. Федькин голос!

— Довольно, пахан! Спасибо!

— Оказывается он, паразит, взамен себя приятеля своего Кольку, сына завдомом, подсунул! Кинулся я за Федькой и заметались мы по двору. Он летит, вокруг нужников кружит и все норовит через помойную яму. Через нее у нас, может заметили, хлипкая доска перекинута. Так он меня завлекает, чтобы рухнул. В тряси-

ну! Жильцы повыходили, участие в нас приняли. Мне советуют:

— Давай, давай резвей, Кабысдох! — (Кабысдохом меня Федька прозвал!) — Смелей, сволочь, углы режь! Тю, Кабысдох . . . тю!

Жильцам развлечение, а мне после целую неделю во всем себе отказывать пришлось. Две литры старки завдомами отволок. Грозил в горком жалиться. Взамен благодарности значит, что я за него постарался, Кольку ему отодрал!

Профессор Зайцев, не прощаясь, двинулся к выходу. Палый кинулся его провожать.

— Так не извольте, гражданин, сомневаться. Я прыгну с кровати или как иначе, но прыгну, — в дверях заверял он гостя.

— Покорнейше благодарю, — рассеянно проговорил профессор. — Прощайте.

Гражданка Цокот жила в одном из мурых, выходящих на улицу, домов. Парадное в нем оказалось, по обычаю переулка, забито досками, и Зайцеву пришлось идти другим грязным двором, мимо новой помойки. Взойдя на черное крыльцо, он попал в застекленную общественную галлерею. По ней вкривь и вкось было развешено для просушки белье (за ним из внутренних окон неустанно следили владельцы). Осторожно раздвигая перед собою эту мокрую изгородь, Зайцев стал пробираться к ближайшей двери, но все же как то не остерегся, и его с размаха хлестнуло по лицу чем то влажным и гадким. Сердит и в обиде, он не стучась рванул за щеколду, и очутился в затемненной, довольно большой комнате с красной, дурного вкуса, кушеткой на переднем плане. Вскоре он рассмотрел еще двух дам в сильном неглиже, примерявших наряды перед зеркалом. При появлении нежданного гостя, дамы смутились, но смутились не сразу.

— Вам что угодно? — недовольно спросила старшая из дам, оказавшаяся мадам Цокот.

Младшая же, ее дочка, стройная и очень недурная собою брюнетка, протяжно взвизгнула и неспеша направилась за платком.

— Кира, это ведь доктор! — успокаивающе проговорила мать. — Если не ошибаюсь, вы наш сосед, профессор Зайцев. Чем обязаны?

Зайцев кратко изложил причину своего визита.

— Не может быть, чтобы мой мальчик . . . — возмутилась мадам Цокот. — Вам наверно его оговорили!

— Это Палые на него придумали, — поддержала свою мать Кира, успевшая наконец накинуть на себя шаль. — Товарищ Сомов из крайкома, вы должны его знать, аттестовал недавно брата как активиста.

— Активист, конечно, — согласился Зайцев. — Но я сам видел, как он . . .

В это время послышался со двора автомобильный гудок, и дамы заметались по комнате.

— Хорошо, я поговорю с сыном, — успела еще сказать Цокот, хватая свои одежки и исчезая. Кира же, вероятно в замешательстве, снова скинула с себя платок и завертелась у зеркала.

Профессор двинулся к выходу. Во дворе он увидел упитанного субъекта, вылезающего из синего лимузина, и вскоре услыхал, как в доме протяжно взвизгнула застигнутая врасплох девица.

III

Последствия визита Зайцева к родителям не замедлили сказаться. Вечером того же дня в раскрытую форточку столовой впорхнул всеобщий любимец, кот Мурзик. Впорхнул, прошелестел аршинным бумажным

хвостом и молча скрылся под диван. Словно это был не кот вовсе, а какой-то допотопный, летающий ящер. Профессорская дочка, Зоя, свидетельница этого события, зубрила в комнате сравнительную анатомию. Долбить же гранит науки, как известно, удобней всего, взобравшись с ногами на диван. Услыша странный шелест, Зоя немедленно соскочила на пол, стала на колени и начала ласково звать:

— Мурзик это ты ? ! Что с тобой произошло, покажись-ка, детка!

Но Мурзик, обиженный на весь человеческий род, сверкал из темноты на нее глазами и глухо ворчал. Пришлось лечь на пол и тащить кота за лапку.

— Ну не царапайся же так, фу Мурзик, какой ты право, — говорила Зоя, отвязывая бумажного змея. — Ведь это не я сделала, а гадкие мальчишки!

— Зоя, зайди потом продезинфицировать руку, — позвал из кабинета отец.

На следующий день весь забор Зайцевской усадьбы был покрыт причудливыми рисунками и надписями. Возмущенный профессор позвонил в участок. Явился, прихрамывая, пожилой милиционер, заспанный и недовольный.

— Ну что у вас еще ? ! — сурово спросил он Зайцева.

— Пройдемте, пожалуйста, я вам покажу . . . художества!

— Кстати, доктор, — оттаял вдруг милиционер. — У меня чего то пятка болит, не ревматизма ли?

— Я принимаю ежедневно по вечерам, — сухо отвечал Зайцев. — Так пойдем!

Заборная живопись, в особенности же стихи, чрезвычайно заинтересовали стража порядка. Он стал мучительно долго скандировать их по слогам. Зайцев, подконец, не выдержал и сам зачитал «вирши».

— Какая мерзость, — брезгливо сказал он. — Ко мне ходят пациентки, у меня дочь барышня . . .

Возле дома напротив стояло, с невинным видом нейтральных наблюдателей, несколько термидорианцев. Милиционер пересек улицу и с деланной строгостью обратился к ним.

— Ребята, это вы на заборе написали?

— Не . . . е, это не мы, дяденька, — отвечали мальчики. — Это Пава!

— Какой Пава ? ! Где ваш Пава?

— Пава уехал. Он же здесь пишет: «прощай, уезжаю я в Шанхай». Дяденька, дайте «сорок» — попросил один из подростков.

Милиционер, откусив, как того требовала вежливость, самый конец цыгарки, протянул дымящийся окурок. При виде начавшегося братания, профессор Зайщев молча двинулся к дому. У входа его нагнал милиционер.

— Гражданин домовладелец, — строго отнесся он к Зайцеву, указывая рукой на номерной щиток, — почему вы, согласно постановления горсовета, до сих пор не повесили щиток нового образца. Придется протокол!

— Зайдите ко мне, — упавшим голосом проговорил Зайцев. — Я осмотрю вашу пятку.

Через час после ухода стража началась такая бомбардировка забора, что профессору пришлось для собственного спокойствия увести со двора Эзопа и спрятать к себе в кабинет.

— Что, Эзопушка, уходили тебя голубчики ? ! — говорил Леонид Петрович тяжело дышавшей собаке. — Очень тебя понимаю! Такая, можно сказать, нелепая мелкота, а ничего с ней не поделаешь. Обидно! Стоило нам с тобой после этого кончать университеты! Клим Ворошилов призывает «бить врага на его территории и его же оружием». Хотел бы я увидеть, как это будет у него выглядеть на практике! Нам же, по его рецепту,

остается только забраться в халупу к папе Паломy и вылакать всю его старку.

Эзоп смущенно глядел в сторону. Он сознавал, что ему, дворовому и блохастому, да и к тому же еще не больному, совсем не место в докторском кабинете.

— С кем ты, папа, разговариваешь? — спросила Зоя, заглядывая в дверь. — Боже мой, Эзопка! Ты что здесь делаешь?

— Обсуждаем с ним международные проблемы, — отвечал Леонид Петрович. — И выходит, дела не важны. Наш домик, Зоинька, случайный, временный островок. Кругом чаща, там и скачут и свистят, и стихи сочиняют. — Леонид Петрович задумался, потом: — Мне сегодня в университете сказали, что профессор Сергеенко, якобы, сознался во вредительстве, — тихо проговорил он.

— Какой ужас! — вдруг опала лицом Зоя. Она присела на ручку кресла и обняла отца. — Папа, мне стыдно, что я в комсомоле. Это была подлость, выйти же сейчас — погубить все!

— Не мучайся, Зоинька, — серьезно сказал Леонид Петрович. — От человека, попавшего в плен к гориллам, нельзя требовать, чтобы он неустанно дергал их за хвост. Хотя бы это и предписывала ему строгая этика. Ты поступила в комсомол, я хожу лечить мохнатое превосходство. Все мы так или иначе запачкались, теперь важно только сохранить свою душу. Конечно, гадко, но вся история затянулась слишком долго.

Зоя наклонилась и поцеловала отца в блестящую лысину.

— Папочка, ты умница, — повеселевшим тоном проговорила она. — Тебя и студенты очень уважают и... боятся. Курсистки же говорят, что ты похож на Пастера, только тебе надо бачки отпустить.

IV

К профессору Зайцеву приехала его старшая, от первого брака дочь, Елена Леонидовна. Крупная, добродетельного вида дама, носящая закрытые кофточки и золотой медальон на пышной груди. Сама докторша и жена врача партийца, занимающего должность заведывающего райздравотдела.

По случаю ее приезда у Зайцевых был сервирован семейный чай на веранде. Леонид Петрович задержался на приеме и пришел, когда сестры успели уже основательно поссориться и сидели за столом надувшись, друг против друга. Профессор взглянул на раскрасневшуюся Зою и подумал, что она у него большая забияка, потом перевел взгляд на Елену Леонидовну и удивился, что и эта особа как будто тоже его дочь. Не показывая вида, что он заметил что-то неладное, веселым тоном попросил у Анны Ивановны (родственницы, ведущей хозяйство):

— Налейте-ка и мне чайку покрепче, — и в ожидании чая, потирая руки, пошутил:

— Итак, гражданочки, за столом сидело два с половиной врача!

Елена Леонидовна поспешила с отцом не согласиться:

— Не два с половиной, а всего два с четвертушкой, — презрительно проговорила она.

Зоя вспыхнула и, слегка шепелявя от волнения, бросилась в атаку:

— Если я, если я четвертушка, — запальчиво сказала она, — то ты всего лишь три четвертушки, а папа, как профессор, полтора врача и выходит опять же два с половиной!

— Зоинька, что за математическая медицина! — позвал Леонид Петрович.

— Так что-ж она на самом деле! — со слезами в голосе проговорила Зоя.

Леонид Петрович постарался перевести разговор на другую тему:

— Ну, что у вас в районе слышно?

Оказалось, что в районе все исключительно хорошо и процветает:

— Мой Владимир завоевал в короткое время большую популярность (среди кого? — подумал профессор), ему пришлось снять несколько врачей, совершенно неподходящих к новым условиям.

— А у нас без Владимира профессора Сергеенко «сняли», — не удержался сообщить Зайцев. — И самое трагическое, что бедный старик вынужден был взять на себя вину, что он чуть ли не шпион.

— Ну знаете, Леонид Петрович, — поджав губы и брызжа преданностью к власти, проговорила Елена Леонидовна. — Не может быть, чтобы он был вполне невинен, этого я не допускаю. Слишком серьезно обвинение, чтобы могла быть допущена судебная ошибка!

— Да, да конечно, — согласился профессор. — Судебной ошибки нет, поскольку нет и суда.

Разговор принял опасное направление. Зоя задвигалась на стуле, намереваясь снова вступить в бой на стороне отца. Но тут одно внешнее обстоятельство отвлекло внимание присутствующих. На улице, у забора послышался шум и смех, и на старой акации показались две головы Феди и Жоры. Молодые люди сначала поудобней расположились на дереве, потом обратили свое внимание на веранду.

— Мое вам почтение с кисточкой! — усмехаясь произнес Жора. — Как приятно пить чай на свежей природе!

— Вам покрепче или послабей? — поддержал Федя салонный разговор.

— Налейте стаканчик покрепче, а то меня и так давно слабит.

— Ну, не дьяволята ли? — вполголоса сказал профессор. — Что с ними делать ? !

— Лучше всего не обращайте на них внимания, тогда они сами уйдут, — посоветовала Елена Леонидовна. — Что можно от них требовать? Прошлое переулка, вы сами знаете, ужасно. Благодарите царскую власть!

— С того времени прошло четверть века!

— У партии были более важные задания. Собственно говоря, это дело здешнего комсомола. Что то зеваете! — с вызовом посмотрела Елена Леонидовна на сестру.

— Наш комсомол один из передовых в стране, — выпалила Зоя. — Дегенераты же и обезьяны в ведении здравотделов!

— Причем здесь дегенераты? — пожала, с видом превосходства, плечами Елена Леонидовна. — Просто уличные шалуны!

Шалуны на дереве тем временем стали бросать на веранду разную дрянь. Елена Леонидовна встала и, величественно колыхаясь, подошла к перилам.

— Дети, я вам запрещаю бросаться! Немедленно уходите оттуда! — возможно строже проговорила она.

— Тю ! ! Слыхал ? ! — удивился Федя. Жора же изменив голос, объявил:

— Алло, алло! Говорит Москва! Станция имени Коминтерна. Начинаем детскую передачу. Молочная, внимание! Пускаем на вас теплый, детский воздух!

Елена Леонидовна с покрасневшим лицом отошла вглубь веранды.

— Хулиганы! — с возмущением произнесла она. — Хуже даже — социально опасный элемент!

Профессор Зайцев направился в дворецкую.

— Голубчик, — обратился он к возлежащему в сапогах на кровати Якову. — Пойди, пожалуйста, на улицу и прогони там хлопцев. Только сделай одолжение не бей их!

— Не беспокойтесь, Леонид Петрович. Знаю. Бить запрещено, — отвечал Яков. — Я их пугану простым разговором. Только пусть уйдут куда нибудь женщины.

Профессор вернулся на веранду предупредить дам, что на улице предстоит разговор, и разговор будет серьезный.

Елена Леонидовна, затаив обиду на родственников, уехала раньше, чем предполагала, и жизнь у Зайцевых вошла в обычную колею. Нападки термидорианцев не прекращались, напротив становились все хуже. Последняя же выходка привела профессора в полное отчаяние. Когда он третьего дня возвращался домой, к нему на бульваре подошла группа подростков, и Федя Палый обратился к нему с вопросом:

— Леонид Петрович, скажите пожалуйста, который час?

Приятно удивленный необычной вежливостью Феди, Зайцев с готовностью вытянул из кармана свои часы.

— Сейчас без пяти минут пять.

— Точно?

— Ну, точнее будет без шести минут. Ты уезжать собрался, что-ли?

— Не . . . е, — протянул Федя. — Я хотел, Леонид Петрович, попросить вас, чтобы ровно в пять вы . . .

Далее следовало такое, что, наверно, не решился бы произнести без крайней нужды и вполне развитый разбойник. При всей своей выдержке, Леонид Петрович инстинктивно бросился с палкой за обидчиком. Молодежь веером рассыпалась перед ним.

— Не спешите так, Леонид Петрович! — корчась от смеха, кричали мальчики вокруг. — Осталось, Леонид Петрович, еще шесть минут!

— Они нас доедут, — дома сказал профессор дочери. — Кажется, придется нам капитулировать и бежать отсюда, куда глаза глядят!

Чувствовалось, что назрел кризис. И вот однажды . . .

V

Выбрыкивая обеими задними и корча уморительные рожи недавно взошедшей луне, на бульвар Герцена выбежали Федя и Коля. На бульваре по вечерам с регулярной точностью имели обыкновение собираться термидорианцы. Здесь на собраниях подводились итоги дня, решались всякие детские и не детские дела, производилась меновая торговля. Сегодня почему то еще никого из своих не было. Чтобы не терять времени попустому, молодые люди спрятались в кустах и стали стрелять в редких прохожих жеванной бумагой. При одном особенно удачном выстреле (прямо в центр чьей-то нахальной лысины!), юноши повалились в полном восторге на ближайшую скамью.

— Глянь ! ! — произнес вдруг Федя, мгновенно убирая улыбку. Коля тоже уже заметил и стремительно выкинул вперед руку. На краю скамьи лежала книга, заложенная цветком, и стояла белая, нарядная коробка.

— Вместе нашли! — предваряя неминуемую драку, поспешил оформить создавшееся положение Федя.

Сорвать ленточку и оберточную бумагу было дело одной минуты. В коробке оказались конфеты. Крупные, каждая, словно в юбочке, в своем бумажном гнезде. Только совершенно сдуревший человек мог забыть такое богатство!

— Шоколад! — смотря широко открытыми глазами на находку, прошептал Федя. — Колька, скорей подрываем!

Схватив покрепче коробку (и бросив книгу на произвол судьбы!), приятели бегом пересекли освещенный бульвар и вскоре пали, словно провалились, в канаву. Только здесь в темноте, слившись совершенно с обстановкой, они решились начать невиданное пиршество.

— Таких в продаже не бывает, — с неизъяснимым наслаждением чавкая, говорил Федя. — Они наверно, из закрытого обкомовского распреда. Я у Цокотовской Кирки недавно такие видел.

— Настоящие шоколадные! — мечтательно закатывая глаза, подтверждал Колька. — Всю жизнь только бы ел такие!

— Надо в партию выходить, иначе не достанешь! Не жри так быстро, сука! Мы и так почти весь ряд уже сшамали! Внизу может другие?

Приятели поспешно содрали картонную прокладку.

— Нет, такие же, — обрадовался Колька. — Только вроде немного поменьше.

— Стой ! ! ! — вдруг вскричал Федя, с недоумением обнюхивая только что откусанную конфетку.

— Керосин! — с ужасом установил он.

С непосредственной реакцией кошки, проглотившей отраву, Кольку немедленно вырвало. Федя почувствовал сильные рези в желудке, и начал в диком страхе кататься по дну канавы.

— У ... у, отравились ... — выл он. — Нужно скорей в амбулаторию!

— Сейчас уже закрыта. Бежим напротив к Зайцеву!

У профессора шел прием, и парадное было открыто. Приятели робко вошли в переднюю, но тотчас попятились назад. В углу на стуле в белом халате восседал с видом истукана Яков. Вид его производил сильное впе-

чатление не только на детские, невинные души. Своему успеху, особенно у провинциалов, профессор был отчасти обязан своему мастеру чистоты. Какой нибудь завхоз из глубинного Гусутсовхоза (гуси, утки), рассказывая жене свои впечатления от поездки в краевой центр, непременно вспоминал Якова:

— ... «Был я также по поводу своих почек у профессора Зайцева. Есть у него там санитар, что ли. Ну, я тебе скажу, и персона! Конь, а не человек! Такие раньше в гвардии служили, или состояли у аристократов вышибалами. Не заплатить профессору или скажем, спереть пепельницу в приемной ни-ни, и не подумай. Вмиг придушит! Скажи Марии Дмитриевне, пускай обязательно при оказии к профессору съездит. Что пользы лечиться у нашего докторишки. А то, ну и персона!» ...

— Пошли! — собравшись с духом сказал Федя, и приятели решительно двинулись прямо на Якова. Последний спротежировал их вне очереди к профессору.

Леонид Петрович принял своих старых знакомых строго, но внимательно. Выслушав их сбивчивый рассказ, надел резиновые перчатки, разломил одну конфету и, глубокомысленно рассматривая через лупу ее содержимое, задумчиво произнес:

— Н-да, помадка на нефтяной основе, впрочем безусловно в шоколаде!

— Дяденька, керосин или бензин? — дрожа всем телом, допытывался Федя.

— Этого я не могу определить. Вопрос в конце концов чисто академический. Сколько штук успели вы проглотить этих ... конфеток ? !

— Я только одну, — признался Колька.

— А я ... я две! У ... уу ... — снова завыл Федя.

— Тихо! — строго прикрикнул на них профессор. — Доза совершенно не смертельная, и я сейчас вам дам верное противоядие.

Леонид Петрович приготовил в стороне на тарелке два стакана добротного раствора глауберовой соли и снова подошел к приятелям. Федя потянулся было за стаканом, но профессор отвел тарелку и свободной рукой обнял его за худенькие плечи. Их глаза, суровые, старческие, и заплаканные, очень несчастные — молодые, встретились.

— Будешь меня обижать?! — тихо спросил профессор.

— Не...е, честное комсомольское... — прошептал мальчик.

— Ну, смотри же!.. А теперь, друзья, пейте до дна!

В тот же вечер случилось еще одно событие. Коля и Федя подстерегли во дворе Жору Цокота и прежестоко его избили. Жора был сильней приятелей и вначале храбро защищался. Но свежая обида и сознание правоты своего дела придали приятелям силы. Вскоре Жора лежал на земле недвижим.

— Теперь ему довольно! — определил Федя. — Угостим его конфеткой. Сначала из верхнего ряда.

Жора покорно съел конфету.

— Понравилась? — инквизиторским тоном поинтересовался Федя. — Дай-ка ему теперь другого сорта, с начинкой!

Отведав «начинки», Жора ожил и стал брыкаться; приятелям опять пришлось применить физический метод воздействия.

— Жри, сука! — работая кулаками, убеждал Федя. — Жри свое изделие, чортов кондитер!

Через час Яков, пробираясь по двору от кумы, услыхал в темноте чьи то стенанья, и между забором и помойкой обнаружил Жору. Профессору, давно окон-

чившему прием, пришлось обслужить и этот экстренный случай.

— Интересно, куда могла запропаститься коробка конфет, которую я получила от тебя на свои именины, — на следующий день, после описанных событий, сказала Зоя.

— Не ищи их лучше, Зоинька. Извини меня, но мне пришлось их использовать . . . на приеме. — улыбаясь, отвечал Леонид Петрович и загадочно добавил: — Прав, кажется, наш наркомвоенмор, что врага надо бить на его территории и его же оружием.

***

Август. Червонный переулок залит полуденным солнцем. Все изнемогает и жаждет. Даже акации свернули свои пыльные, жалкие листочки. Только термидорианцев ничего не берет. Они живописной группой расположились посреди улицы, и ожесточенно режутся в орлянку. Временами они освежают себя сочным арбузом, который, порезанный на ломти, лежит тут же в пыли, на мостовой.

Пятилетний голопуз-крикун Алеша от нечего делать начинает лениво обстукивать профессорский забор. Слышно, как из глубины сада, Эзоп нехотя, по долгу службы, подает свой хриплый голос.

Федя подымается и подбегает к Алеше.

— Чего собак дражжнишь! У . . . у . . . гад ! ! — строго говорит он, и дает голопузу звонкую пощечину пониже спины.

Через некоторое время Коля, собрав арбузные корки, пускает их лететь через Зайцевский забор. На этот

раз Жора Цокот, не отрываясь от игры, ловко, словно рукой, голой ступней бьет по уху виновного.

— Чего дерешься, сволочь?! — обижается Коля и вопросительно смотрит на своего приятеля и защитника. Но Федя делает вид, что ничего не заметил. Игра продолжается.

Наконец, охрана профессорской усадьбы вверена в надежные руки!

ЛЮБОВЬ И ДИАМАТ

Рассказ технорука.

I

— Хорошо, очень хорошо! — думал я однажды вечером, полной грудью вдыхая живительный воздух на берегу Черного моря.

Передо мной расстилалась Геленджикская бухта. Прибрежные деревья и скалы, как в зеркале, отражались на ее блестящей глади. Вдали зачарованно скользила лодочка. В закатных лучах солнца пожаром вспыхивали в небе белые чайки.

— Из-за этого одного стоит жить! — размышлял я, любуясь миром и чувствуя, как отпускали мои натянутые нервы, и в мою приунывшую душу вливались, вместе с морским дыханием, успокоение и надежды.

Позади меня был год напряженной работы, ночных заседаний, словоблудия, страха и гнета, словом — весь трудноописуемый, мрачный «комплекс» советской жизни.

Через месяц следует продолжение, но сейчас не об этом, сейчас отдых! Я прикрыл глаза и забылся... Очнулся я от тихого всплеска весел. К берегу неслышно подобралась зачарованная лодочка. На носу стояла черноволосая девушка и беспомощно балансировала, пытаясь покинуть шаткое суденышко... Я вскочил и протянул ей руку. Она довольно ловко прыгнула на камень и сдержанно засмеялась.

— Отведи лодку и приходи в столовую, — грудным контральто проговорила она, обращаясь к сидевшему в лодке молодому мужчине. — Так смотри, Вася, я тебя жду.

Тупое лицо Васи мне не понравилось. Не понравились мне также его прическа — ежик, военные брюки галифе и белая, открытая на груди, ночная сорочка.

Субъект отпихнулся от берега и заработал веслами. Девушка же, не поблагодарив и даже не взглянув на меня, стала быстро подниматься по кремнистой тропке в гору. Осталось впечатление как о чем-то миловидном и чистом . . . Словно маленькая попадья, добрый гений заброшенной деревушки, — мелькнула сентиментальная мысль. — «Ну да, но этот Вася» . . . Я вздохнул и поднялся, нужно было спешить в санаторий к ужину.

II

Среди парадоксов советской жизни нужно отметить и курорты с многочисленными домами отдыха, санаториями всех рангов, виллами для вельмож. На курортах царит особая мораль, действуют особые законы.

В голодные годы, когда дома чуть-ли не каждая картошка была на счету, здесь кормили вполне сытно, и даже паюсная икра стояла на столах . . . На курортах, как правило, не производили арестов, а ждали, пока намеченная жертва вернется в город. И наоборот, бывали случаи, когда какого-нибудь несчастного, до полусмерти замученного в застенках НКВД, вдруг, без видимой причины, выпускали, и сунув в его дрожащие руки путевку в санаторий и деньги на дорогу, желали счастливого пути!

Нервный санаторий «Солнцедар» на тонком мысу Геленджикской бухты, куда я летом 193. . . года прибыл,

принадлежал к «третьему разряду». Природа же тут была несравненна, и это для меня было самое главное. Водворен я был на втором этаже в сравнительно большую палату на четырех. Сопалатниками моими оказались врач из Ленинграда, представительный мужчина лет 35-ти, Арий Евстигнеевич Бояров, и краснодарский молодой педагог Николай Федорович Овод. Четвертая койка пока-что стояла свободной.

— Очень рад познакомиться, — густым басом говорил Бояров, крепко пожимая мне руку.

— В шахматы, надеюсь, играете? — улыбаясь спрашивал Овод.

Было приятно, что новые мои товарищи оказались приветливыми людьми. Комната блистала чистотой, свежее постельное белье радовало глаз. Одно было нехорошо: пахло перегаром керосина, и я с неудовольствием обнаружил следы огня паяльной лампы на ножках своей кровати.

— Не присматривайтесь, конечно «есть», но в терпимых пределах, — улыбнулся Бояров. — Персонал борется с этим злом, но счастливые граждане привозят с собой не менее счастливых клопов со всей необъятной страны.

В первую ночь мне не спалось, я еще мысленно «функционировал» на службе и все казалось, что по ногам ползают счастливые переселенцы. Наконец, я не выдержал, накинул пальто и вышел на веранду. Она тянулась вдоль всего длинного фасада и была защищена от солнца глубоким навесом. Под этим навесом было сейчас темно, сад же утопал в лунных лучах.

Не успел я примоститься в дальнем углу на раскидном кресле и закурить, как передо мной появилась большая фигура Боярова.

— Я не помешаю? — тихо пробасил он, опускаясь рядом.

— Да, да, конечно, — не совсем уверенно и не совсем любезно отвечал я.

— Что вы не спите, это вполне нормально, — перемена обстановки и климата, — сказал Бояров. — Что я не сплю, тоже нормально. Я ведь здесь заканчиваю научную работу, и живу второй уже месяц. Мне нужна женщина.

— Гм . . . да, интересно, — не найдясь сразу, как реагировать на признание Боярова, пробормотал я. — Так в чем же, Арий Евстигнеевич, дело? Насколько я успел заметить, сюда наехало много молодых и красивых женщин ? ! Или эти дамы настолько нравственны, что . . ?

— Напротив — блудницы, — был ответ. — Но вместе с тем они злые и опасные истерички — сами сотрудницы или подружки сотрудников НКВД. Если стройна, изящна и хорошо одета — безошибочно одна из Авгиева стада. Любезные же молодые люди — обратите завтра внимание — в безупречных белых брюках и с томными жестами — все палачи на отдыхе.

— Извините меня, Арий Евстигнеевич, за неотносящийся к делу вопрос. Как вы мне, случайному знакомому, такие вещи рассказываете ? ! Белые брюки ведь у меня тоже в чемодане лежат!

— Как психиатр, я с первого взгляда определяю человека, — самоуверенно проговорил Бояров. — Не было еще случая, чтобы я ошибся.

«Влопаешься же ты когда-нибудь со своей психологией» — подумал я.

III

Неудержимо побежали бездумные дни. Городская моя жизнь мне настолько опостыла, что я каждый вечер, подобно солдату фронтовику на побывке, с тревогой подсчитывал, сколько дней еще осталось.

В первое время я пытливо присматривался к курортному народу. Утверждение Боярова, что кругом так и кишит чекистами, было сильно преувеличенным. Народ съехался разный: «и от станка и от сохи». Подозрительными мне показались лишь несколько человек, среди них высокая, породистая молодая особа по имени Конкордия. Конкордия по несколько раз в день меняла свои туалеты, и в лимузине, приезжавшем за ней из города, ездила к парикмахеру. На санаторном вечере Конкордия показала себя первоклассной балериной.

Со своими товарищами по комнате я прекрасно ужился. Доктор Бояров почти целый день трудился, уединившись в саду, во флигеле. Овод же был моим всегдашним компаньоном. Идиллия эта, однако, длилась не долго. Вскоре мы стали замечать, что молодой человек приударяет за полной блондинкой Ольгой Сергеевной, корректоршей из Харькова.

Овод рассказывал нам, что Ольга Сергеевна с трудом приходит в себя от пережитого ужаса. Перед отпуском ей пришлось корректировать какую-то политическую брошюру с массовым тиражом. Брошюра была иллюстрирована, портреты вождей также не отсутствовали. После проверки и утверждения брошюра была разослана по всем книжным магазинам страны . . . Через неделю летят грозные телеграммы из Москвы: задержать, изъять, выявить ! ! Оказалось: в брошюре над надписью «Михаил Иванович Калинин» красовался вовсе не «всероссийский староста», а похожий на него враг народа. Каким образом могла произойти досадная «опечатка» взялось выяснить НКВД. Пошли допросы, притянули к ответу корректоршу. Ольга Сергеевна показала, что дважды внимательно прочла текст и надписи, проверять же портреты на схожесть — не ее обязанность. Правда, ей показалось, что Михаил Иванович выглядит странновато, его вроде как-бы раздуло, но классические очки, козлиная бородка были на месте и

она решила, что старикашка на хороших харчах поправился.

— А если бы вам вместо Сталина подсунули Льва Троцкого, вы наверно решили, что Сталин похудел ? ! — дернулся следователь. — Можете идти.

Иных из издательства заточили, других сняли с работы, Ольга Сергеевна же отделалась нервным потрясением.

— Теперь ваша дама нуждается в утешении, — строго проговорил Бояров. — Учтите, молодой человек, это обстоятельство!

Но Овод не нуждался в указаниях: вначале я лишился компаньона для прогулок, а затем и партнера в шахматы. Его поведение в конце концов вызвало у нас даже неудовольствие.

— Все должно быть в меру, — ворчал Бояров. — Полчаса наивысшая дневная норма для джентельмена, которую он вправе уделить женщине.

Возвращение блудного сына произошло независимо от его желания.

— Завтра приезжает сюда муж Ольги Сергеевны! — как-то сообщил он.

— Существует супруг ? ! — удивился я. — Вот подлость!

— Что супруг — еще не так плохо. Хуже, что он едет сюда, — решил Бояров. — Как же вы, батенька, не спросясь броду . . .

— Да кто-же мог знать ? ! Он должен был в свой отпуск поехать по Военно-Грузинской дороге, — оправдывался Овод. — Скажите, друзья, что делает современный муж, когда узнает, что ему изменила жена?

— Я бы, например, будучи на его месте, немедленно побежал и донес, что вы назвали Сталина конедавом, — недолго думая сказал Бояров.

А я бы . . .

— Братцы довольно! — взмолился Овод. — Я вас серьезно спрашиваю: что мне делать?!

Мы долго обсуждали проблему со всех сторон. Наконец, военный совет решил, что хотя, конечно, безопасней всего для Николая Федоровича было бы уехать, но так как терять две недели отпуска безумно жалко, то нужно рискнуть. Супруг должен быть нами встречен, обласкан и при помощи Ольги Сергеевны, водворен к нам в палату, на пустующую койку.

— Так будет верней. Важно изолировать его от враждебных влияний, — решил доктор. — Кроме того он должен быть всегда в поле нашего зрения, а там видно будет: поступите, как сердце вам подскажет.

Последующие часы наши были насыщены любопытством и нетерпением, счастливого же любовника прямо трясло... На следующий день в полдень супруг был наконец, вместе с группой новых больных, доставлен на катере из Геленджика. Оказался он невысокого роста, черноватым, весьма подвижным господином, по имени Наум Львович Томин.

Чемоданы погрузили на подводу, мы же пешком двинулись от пристани в гору.

— Ну как у вас здесь, как кормят? Ты, Белочка (это к Ольге Сергеевне), надеюсь, без меня не особенно скучала? Дети здоровы, на попечении бабушки. Я решил в последнюю минуту лучше отдохнуть, чем по разным Военно-Грузинским... Нам еще далеко ходить до нашего сумасшедшего дома? — так и сыпал он вопросами. Наше любезное предложение принять его к себе в палату он принял довольно холодно.

— Сколько у вас там? Только трое?! Знаете, я люблю, чтобы побольше народа. Один скажет одно, другой — другое, — пояснил он.

— Нет, Наумчик, ты не ставь меня в неловкое положение, — поддержала нас Ольга Сергеевна. — Я вчера еле упросила директора поместить тебя в эту тихую палату.

IV

И зажили мы вчетвером. Наум Львович оказался человеком «широкого диапазона», юристом по профессии. Работал он по совместительству в трех учреждениях, знал множество всяких смешных случаев и мастерски их рассказывал. Жизнерадостность и общительность его были бесконечны. Удержать его в четырех стенах, как мы предполагали, не представлялось никакой возможности. Через сутки он был знаком со всеми в санатории и на 10 километров в окружности.

— Сколько здесь собралось интересных «человеков», тьма! — говорил он вечером, рывком сдергивая с ноги полосатый носок.

— Например кто-же? — вяло спросил Овод.

— Да хотя-бы академик Числов с супругой здесь отдыхают. Вы разве не знали? Или этот худой, сидит в столовой у выхода — художник Резницкий, Андрей Петрович. Последняя постановка «Кармен» в Большом шла в его декорациях. А женщины ? ! Одна красавица Конкордия Максимовна чего стоит. Королева какого-то подземного мрачного царства. Ее папенька не-то предгорсовета, не-то начальник НКВД, не разберу. Опять же Танюша очень мила, акварельная дамочка.

— Что за Танюша? — поднял я голову.

— Такая уютная, московская . . . Ходит со свистопляем ветфельдшером Васей. Эх вы, молодежь! Будь я здесь без жены, показал бы всем Ляпкина-Тяпкина, как говорится!

— Может на сон грядущий сыграем партию в шахматы? — предложил мне Овод. Разглагольствования

Томина начинали ему действовать на нервы. — Правая или левая?

Шло время и ничего драматического не случилось, наверно не нашлось сплетника или он не был Томиным допущен к слову. Наш палатный муравейник начал было успокаиваться, но вскоре новые события привели его в движение. На этот раз героем дня оказался доктор Бояров. В последнее время доктор был в прекрасном настроении и уделял большое внимание своему туалету.

— Что с вами, Арий Евстигнеевич, такое происходит ? ! Вы словно жених? — не вытерпел как-то я.

— Жених и есть: заканчиваю свою работу, два с половиной года над ней просидел, — с удовлетворением проговорил Бояров. — Уповаю, быть мне помощником столоначальника, а может быть и приватдоцентом!

Объяснение казалось правдоподобным, но не вполне. Полную ясность в дело с новыми галстуками доктора внес лишь Наум Львович.

— Знаете, товарищи, где мы сейчас были? Ха! — влетев в комнату, закричал он. — В винном совхозе Темпельгоф, в пяти километрах отсюда. Совхоз выращивает французские лозы, десятилетним сотерном нас угощали. Дамы наши нализались, супружницу свою, Ольгу Сергеевну, еле привел! И знаете кого мы по дороге встретили ? ! Ученого мужа Ария Евстигнеевича под ручку с прекрасной королевой Конкордией! Что вы на это скажете? Парочка хоть куда: оба рослые, видные, красивые! Дай Бог, как говорится!

Вскоре и мы с веранды стали свидетелями, как Конкордия навещала доктора в его добровольном заточении, во флигеле.

V

Я был не в духе. Так уж устроен человек, что от хорошей жизни его обыкновенно начинает тошнить и тянет повеситься. Подходя к пляжу я издали заметил

Наума Львовича в небесного цвета трусиках. Он размахивал руками и что-то оживленно говорил сидящим на песке голым фигурам. Эта картина заставила меня повернуть и продолжать свой путь по дороге к открытому морю.

Здесь на берегу царил первобытный хаос: остроконечные скалы, большие камни — все вперемежку. С моря дул свежий ветер, серые волны со злобой обрушивались на камни, далеко разнося пенные брызги. Я прилег в углублении и стал смотреть вдаль, где товарный пароход долго, подобно часовой стрелке, «двигался на месте».

Вдруг мне показалось сквозь шум прибоя, что я слышу чьи-то всхлипывания. Я вскочил и с риском сломать себе шею, стал перепрыгивать с камня на камень и заглядывать в щели. Вскоре мной был обнаружен источник звуков. На дне глубокого каменного мешка сидела, обняв колени руками, Таня и горько плакала.

— Алло, что с вами там происходит ? ! — крикнул я, с любопытством заглядывая вниз. Таня вздрогнула и подняла на меня свои большие, заплаканные глаза.

— Я забралась сюда, но не могу выбраться, — обиженным тоном выпавшего из гнезда галченка, сказала она.

— Хорошо, но вы же там погибнете от жажды и голода!

— Погибну! — печально согласилась она.

При помощи всяких акробатических приемов удалось с большим трудом Таню вытащить. Когда мы, после перенесенных опасностей, присели отдохнуть, Таня рассказала, что хотела спрятаться от ветра, поскользнулась на отполированных волнами камнях, съехала вниз и больно ушибла ногу.

— Я спасаю вас уже второй раз. Помните тогда на лодке . . . А где-же сегодня ваш чичероне?

— Чичероне? Что такое?! — спрашивала Таня, воюя с разлетающимися волосами.

— Ну, ваш всегдашний спутник!

— А... Вася! Он вчера уехал домой, — и после паузы, тихо и серьезно: Андрей Иванович... кажется так? Я бы не хотела, чтобы вы с первого дня знакомства были ложного мнения. Вася хороший парень, но он не мужчина. Вы меня, надеюсь, понимаете?

— Гм... признаться, не совсем! Но Аллах с ним — с Васей. Во всяком случае он бегает на двух лапах — значит человек.

— Да, на двух лапах! — подтвердила Таня и вдруг вся задрожала: — Чайка схватила рыбу. Какой ужас — гад гада ест!

— Ни чайка, ни рыба — не гад, — удивленный ее волнением и даже не вполне веря ему, проговорил я. — Потом, что-же здесь такого: чайка тоже хочет есть!

— Пойдем домой, мне нехорошо, — побелевшими губами сказала Таня.

— Ну и ну, — с огорчением думал я, плетясь сзади. — Впрочем чего я ожидал? В нервном санатории так и полагается: очевидно истеричка!

Как я ни уклонялся от дальнейших встреч, случай сводил нас опять и опять. Таня рассказала мне свою страшную биографию. Происходила она из зажиточной семьи, отец ее был из «отжившего класса», революция смела все: и она оказалась семи лет одна на улице. Пристала к банде беспризорников и вместе с нею два года путешествовала по югу России, кормясь мелкими кражами и чем Бог пошлет.

В Ростове банда была выловлена, Таня попала в интернат для дефективных, бежала дважды и снова попадалась. В конце концов все же смирилась и осела. Кончила школу, была принята в комсомол. Комсомол, главным образом в лице «хорошего парня» Сергея, ей

помог и она пробилась в Институт библиографии и библиотечного дела в Москве, его окончила.

В промежутках было разное: и ребенок (вскоре умер) вероятно от того же «хорошего парня» и «срывы». (в чем они заключались, Таня не сказала). В результате такого «срыва», она была выставлена из комсомола. Сергей вылетел тоже и скрылся: прибился к «асоциальным элементам», с грустью пояснила Таня.

Сейчас она вполне счастлива, служит уже три года в «самом большом в мире книгохранилище» — библиотеке имени Ленина. Состоит кандидатом партии и мечтает перейти в члены, но бывшие срывы и проклятое происхождение — темные пятна на ее светлом жизненном пути.

— Спасибо за доверие, — сказал я, выслушав исповедь, и необдуманно пошутил:

— К моему огорчению, меня тоже не принимают в партию.

— Почему? — спросила Таня, сочувственно заглядывая мне в лицо.

Я осторожно отвел свой взгляд.

— Из-за крайнего индивидуализма. Люблю гулять один и любоваться природой.

Таня долго молчала.

— Есть вещи, над которыми смеяться — преступление, — наконец, смотря в сторону, сухо проговорила она.

— Ограблена, истерзана, — думал я, подымаясь к себе в палату. — Находит же, что счастлива и почему-то предана, предана бесконечно . . .

VI

В палате я застал всех в сборе. Доктор Бояров мерил большими шагами комнату и что-то взволнованно говорил.

— Опять созван военный совет, — пояснил мне Овод.

Суть дела заключалась в следующем: доктор допрыгался, Конкордия требует, чтобы он на ней женился, в противном случае грозит донести и угробить. Бояров имел неосторожность рассказать о себе слишком много.

— Все летит в тартары: научная карьера, душевное спокойствие — все! — говорил доктор. — Всю жизнь старался держаться подальше от «семейного счастья», и вот проклятая ведьма . . .

— Как же, доктор, обстоит дело с психологией: вы же с первого взгляда умеете определять человека! — спросил я.

— Не нарушил ли Арий Евстигнеевич 20-ти минутной нормы, которую джентльмен может уделять женщине? — тявкнул со своей койки Овод.

— Братцы, довольно! — знакомой нам формулой взмолился Бояров. — Я вас серьезно спрашиваю: как мне спастись от катастрофы ? !

Заговорил Наум Львович:

— Это называется шантаж, классическая форма вымогательства! Ничего, не унывайте, доктор, я берусь все уладить. Конкордия живет в одной палате с моей женой и очень меня уважает. Я ей как юрист объясню все последствия ее поведения, она поймет, что насилием в таком деликатном деле губит себя и вас.

— Эх жалко, что Наум Львовича не было на нашем первом совещании, — пожалел Овод.

На следующий день Томин признался в своем полном поражении. Объяснение с Конкордией произошло на так называемом семейном пляже, в присутствии жены. Наум Львович говорил долго, пламенно, мобилизовал все возможные доводы, пугал и убеждал.

— Мой муж был исключительно красноречив, — было мнение Ольги Сергеевны.

Конкордия во время этого словесного потока неподвижно лежала на спине, прикрыв от солнца свое лицо носовым платком и молчала. Когда он, наконец, кончил, она поднялась, лениво потянулась и стала стройной ножкой пробовать воду.

— Ну? — не вытерпел Наум Львович. — Я здесь, я жду решения ? !

Конкордия повернула к нему голову. Прекрасные уста открылись:

— Терпеть не могу жидовочков, — оговорилась красавица, но тут же поправила: жидочков.

— Так и сказала: раздельно и внятно. И главное — по существу! — комически рассказывал Томин. — Я совсем не обиделся, мне только стало неловко за свои кривые, волосатые ноги. Королева же моих сновидений уже плыла вдали, сильными движениями рассекая волны.

— Что, Наумчик, получил? Будешь теперь впутываться в чужие дела? — не без злорадства сказала Ольга Сергеевна. — Я, кажется, единственная женщина, которую ты сумел уговорить!

VII

«Праздник жизни» окончился, надо было сматывать удочки. Первым двинулся в путь Арий Евстигнеевич.

— Как же у вас дела с любовью? — спросил я при прощании.

— Будь, что будь! Пусть она доносит, жалуется папеньке чекисту! — махнул рукой Бояров. — Я с ней не разговариваю! Вам же, Андрей Иванович. позвольте дать товарищеский совет: бросьте вы возиться с вашей Татьяной. Одна обманчивая оболочка, ценный сосуд, наполненный Бог знает какой дрянью! Не обратите и не перевоспитаете, только влипнете на мой манер.

На следующий день городской лимузин увез Конкордию, затем уехал Овод и Таня. Меня провожала на причале чета Томиных.

— Бывайте здоровы, пишите! — кричал Наум Львович, бегая по берегу и заблаговременно махая платком. — Гора с горой не встретится, а человек с человеком, как говорится!

Катер вывернулся и взял курс на Геленджик. Прощай, «Солнцедар»!

VIII

МОСКВА... В конце мая мне пришлось быть в красной столице. Я позвонил по телефону в библиотеку Ленина и воскресным утром прогуливался у выхода в метро. Поминутно выливались на улицу людские потоки и быстро растекались в разные стороны.

Наконец, волна вынесла и малую серую песчинку — Таню. Бледную, похудевшую, в скромном, массового покроя, костюмчике. Сказывалась, очевидно, «счастливая жизнь» — от летних красок, солнечного загара и следа не осталось. Таня жила где-то далеко в дачном поселке, в одной комнате с сестрой и другом сестры «хорошим парнем» Петром.

— Все же вспомнили, — говорила Таня, сбоку осторожно на меня посматривая. — Я чувствую себя иногда такой одинокой.

Поехали за город. На Химкинском речном вокзале наткнулись на Наума Львовича Томина.

— Я же вам говорил, что наш мир в пятачек! — весело суетился он, пожимая нам руки. — Куда ни киньса — всюду сопалатники! Сегодня вас встретил, а в декабре имел удовольствие беседовать с молодым профессором Бояровым и его красавицей женой Конкордией Максимовной.

— Да ну! Что-ж они?

— Законные и счастливые супруги! Конкордия Максимовна приезжала в Харьков с Ленинградской балетной студией, а Арий Евстигнеевич так . . . при ней.

— Воистину чужая душа потемки!

— Совершенно справедливо, — согласился Томин. — А меня можете поздравить: Ольга Сергеевна надняx благополучно родила. Третье! Замного уже, как говорится! Придется искать еще одно совместительство.

Расставшись с Наумом Львовичем, мы долго катались на катере по сооруженному на человеческих костях каналу Москва-Волга. Вечером я провожал Таню домой и она по пути рассказала, как великолепна была первомайская демонстрация, и что она видела самого товарища Сталина.

— Какое счастье! — вырвалось у меня.

— Да это большое счастье. Теперь у меня зарядка на целый год, — с воодушевлением говорила Таня. — Я так кричала ура, что на сутки охрипла.

Мы проходили в районе Кузнецкого моста. Здесь, я знал, чудом сохранилась домовая церковь-часовня. Когда мы проходили мимо этой часовни я, внезапно поддавшись какому-то смутному импульсу, покрепче взял Таню под руку и вместе с ней, ничего дурного не подозревавшей, резко повернул и вошел в дверь храма. Внутри царил полумрак, сверкали древние образа, тихо и благолепно пел хор. Таню первое мгновение поразил, казалось, нервный шок, она вросла в землю и с минуту не шевелилась. Потом очнулась и бегом кинулась вон, на улицу. Я настиг ее лишь на следующем квартале.

— Постойте, Татьяна Николаевна! Я ошибся, думал, что там музей!

Таня остановилась в подворотне и как затравленный, злой зверек, горящим взором смотрела на меня.

— От вас я этого никогда не ожидала! — дрожащим от обиды голосом говорила она. — Такая жестокая и подлая шутка! Знайте теперь: мой отец был служителем религиозного культа!

— Тем более! — подал я неудачную реплику.

— Что «тем более» ? ! — возвысила голос Таня. — Это проклятие губит меня, висит над моей жизнью, мешает моральному возрождению!

До станции метро мы шли молча.

— Прощайте! — сухо бросила мне Таня у входа.

Больше я Тани не видал.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ВЕГЕТАРИАНЦЕМ

Рассказ архитектора.

I

Александр Ильич Капустин окончил в 1912 году Училище Правоведения и начал свою юридическую карьеру товарищем прокурора при Н-ском Окружном суде. Жизнь в то время свела нас и мы были очень дружны. В начале революции Капустин эмигрировал, с тех пор я потерял всякую связь с ним.

Мы снова встретились в 1944 году, в Баварии, при исключительных обстоятельствах. В общественном бункере при ужасающей бомбежке, когда потух свет и крепкие своды здания сотрясались от сыпавшихся с неба бомб, я неожиданно услышал в ближайшем углу русскую речь.

— Не бойся, Леночка, — говорил спокойный и приятный баритон. — В таких случаях нужно быть фаталистом. Ты знаешь, детка, что такое фаталист?

— Дззз . . . бум, бум, — слышалась тем временем адская музыка снаружи.

— Фаталист — это человек, который ничего не боится . . .

— . . . по глупости, — вставил женский голос.

— Нет, Оля, не по глупости, а по глубокой вере в предначертанность земного пути человека.

— Замолчи, ради Бога! Опять летят . . . предначертанности!

Раздался где-то очень близко взрыв, от которого екнуло в душе. Кто-то в темноте шарахнулся и взвизгнул. Стены бункера удушливо запылили.

— Вот у меня еще в России был приятель, дядя Ваня, как его все мы звали, — начал снова баритон (я стал теперь слушать с большим вниманием). Так этот дядя Ваня был на германском фронте в самых невероятных переделках, и тем не менее вернулся домой невредим. Когда же поступил на гражданскую службу, — он был архитектором, — то на второй день ему на постройке упавшей с лесов балкой оторвало руку.

Я не выдержал, вскочил и, нащупывая своей единственной рукой стену, стал пробираться в угол.

— Александр Ильич, где вы?

— А ? ! Кто ? !

— Это я — дядя Ваня!

— «Чудесная встреча» — кажется, О. Генри, — произнес в темноте женский голос.

Неисповедимы пути Господни. Так через 25 лет я снова обрел друга.

Бежало время, назревали мировые события. После капитуляции я поселился в городке Ф. вместе с семьей Капустиных, состоящей из Александра Ильича 58 лет, его супруги — Ольги Николаевны, лет на 20 моложе, и 14-летней Леночки. Мы сняли небольшую квартиру в доме вдовы с примечательной фамилией Zehnpfennig. Дом помещался в фруктовом саду и, кроме нас и вдовы, в усадьбе иных людей не было. Здесь проживали мы в труде (Александр Ильич давал уроки английского языка, я работал чертежником) и бедности, но в мире и душевном спокойствии более двух лет, когда случилось трагикомическое событие, о котором я хочу рассказать в настоящем повествовании.

Однажды вечером, когда мы с Александром Ильичем, в ожидании ужина, играли в шашки, Ольга Нико-

лаевна, хозяйственный шеф нашей маленькой колонии, с грустью сказала:

— Сегодня у нас опять будет один голый картофель; ни мяса, ни масла, ничего у меня нет. Как это надоело!.. Надо что-то предпринимать.

Александр Ильич, не отрывая взгляда от доски, философски заметил:

— Терпение, Оля. Были времена и более ужасные и государство не разрушалось, устояла матушка Русь.

Ольга Николаевна качнула головой и презрительно про себя произнесла:

— Мужчины.

— Мужчина пошел мелкий, — охотно согласился Александр Ильич, раздумывая над ходом, — наголо бритый и вислоухий.

— Скоро кушать? — отозвалась из соседней комнаты Леночка.

— Сейчас. Но картошка в мундирах только!

— Ce sont мне égal, мамочка, — проговорила побывавшая во многих европейских школах дочь.

За ужином, во время процесса глотания довольно-таки безрадостного картофеля, Ольга Николаевна сказала:

— Ты, папа, идеалист. В жизни ты ничего не понимаешь и понимать не хочешь. Нельзя питаться воспоминаниями прошлого и мечтами о светлом будущем. «Жизнь начинается завтра» — роман Гвидо-де-Верона... Дядя Ваня, хотите еще картофеля?

— Покорно благодарю. Я сыт.

Александр Ильич нахмурился:

— Что же по-твоему нам с дядей Ваней делать, если честный труд не обеспечивает жизненного минимума?

— Не знаю, право, — вздохнула Ольга Николаевна. — Леночка потеряла за этот месяц около двух кило.

Случилось так, что вскоре после упомянутого разговора в гости к Капустиным приехал из ближайшего лагеря Ди-Пи бывший колхозник Степан Мурый. Это был пожилой уже человек, но очень бодрый и полный энергии. Одет он был в новый костюм, при ярком галстуке; на пальцах блестели золотые кольца, пахло от него американскими папиросами и чем-то спиртным. Словом, все свидетельствовало, что человек в Европе не растерялся и преуспевает.

В тот же день Ольга Николаевна съездила с Мурым в деревню за яблоками к знакомому бауэру. Вернулись они вечером с полными рюкзаками, и имели вид заговорщиков. Непосредственно за ужином, — на этот раз подано было жаркое, сладости и даже бутылка водки (все это навез Мурый), — началась атака на бедного Александра Ильича.

— Представь себе, папочка, в деревне у мужиков все есть, — сказала Ольга Николаевна. — Нас угощали превосходной копченой грудинкой, белым хлебом, яблочным вином . . . И скот очень дешев. Мы, например, со Степаном Романовичем купили корову всего лишь за 1500 марок.

— Что . . . о . . ? ! — подавился куском Александр Ильич.

— Корову, — подтвердила Ольга Николаевна. — 15 центнеров живого веса.

— Допельцентнеров, — вставил Мурый.

— Нет, Оля, постой, — Александр Ильич медленно покраснел. — Насколько я тебя понял, и если ты не шутишь, ты приобрела совместно с господином Мурым корову ? !

— Да, корову.

— Гм . . . м . . . — Александр Ильич снял и снова надел очки.

— Что же вы с ней, с коровой, думаете делать, разрешите спросить ? !

— Конечно, не целоваться с ней, а немедленно ей секим-башка делать, — захохотал Мурый. — С немкой, хозяйкой вашей, уже условлено: она предоставляет нам свой сарай. Я же, как старый мясник, берусь за два часа все покончить.

— Да, фрау Zehnpfennig согласилась, — подтвердила Ольга Николаевна, — за центнер мяса и голову.

— Немецкий центнер, — поправил Мурый.

— Оставшееся мясо мы делим пополам; часть продаем, и для себя имеем мясо совершенно даром. Деньги на покупку коровы дает Степан Романович.

Александр Ильич встал и начал ходить по комнате.

— Признаться, это настолько невероятно, что я просто не нахожу слов, — произнес, наконец, он. — Известно ли тебе, Оля, что задуманное вами деяние — уголовное преступление?

Мурый утром уехал, пообещав через три дня прибыть со всеми инструментами. За этот промежуток времени Ольге Николаевне предстояло почти невозможное: убедить бывшего прокурора согласиться на преступление. Было мобилизовано все: и слезы, и худоба Леночки, и даже угроза семейного разрыва. Ничего не помогало. В канун приезда Мурого, Александр Ильич был еще непреклонен.

Приготовляя ужин — был снова голый картофель — Ольга Николаевна, роняя на сковороду слезы, размышляла вслух (Александр Ильич куда-то сбежал, а я читал в углу газету):

— Конечно, хорошо ему быть честным... А я какое-то чудовище и должна нести ответственность за семью... Леночка голодает... Зимой будет еще хуже... Дядя Ваня, — вдруг отнеслась она ко мне. — А, дядя Ваня, помогите! Вас одного только он может послушать.

Я был в затруднении. У меня тоже не лежало сердце к этой афере. Не то, что моральные соображения, как

у Александра Ильича, меня останавливали. Суровая жизненная школа в Советском Союзе научила меня всячески изворачиваться и не быть слишком щепетильным. Но я считал предприятие рискованным, и Мурый был мне несимпатичен. С другой стороны, в благополучии семьи Капустиных, к которым я привык и которых полюбил, я был тоже заинтересован. Я не мог отказать Ольге Николаевне, так много для меня сделавшей, в поддержке.

— Хорошо, я попробую, — решился я. — Только вы, Ольга Николаевна, напрасно волнуетесь и вкладываете столько души в это, по существу мелкое дело.

Ольга Николаевна протянула мне свою маленькую, энергичную руку.

— Спасибо, дядя Ваня, — с чувством сказала она. — «Свои люди сочтутся» — Островского.

Я направился в город искать Александра Ильича. Я вполне сознавал, что взялся за довольно отчаянное предприятие: Александр Ильич всю жизнь построил на семи добродетелях, — как-то: честность, неподкупность, уважение к законам и т. п. и не на страх, а на совесть их придерживался. Нужно было найти какие-то совершенно новые доводы, придумать какой-то трюк, чтобы сломить его сопротивление.

Я нашел Александра Ильича в городском саду. Он одиноко сидел, глубоко задумавшись, на скамье под большим дубом. Полная луна освещала его представительную фигуру; седые его волосы казались при лунном свете совсем белыми. Я тихо подошел к нему; он вздрогнул.

— А, это ты, — сухо сказал он, — что скажешь?

— Ольга Николаевна зовет ужинать, — и после паузы, — Александр Ильич, я вижу, насколько тебе неприятна вся эта возня с коровой.

Александр Ильич насторожился, но промолчал.

— Извините меня, пожалуйста, что я решаюсь вмешаться в не свое дело. Но я считаю себя членом вашей семьи и потому не могу оставаться в стороне. Ольга Николаевна страдает, когда видит, что мы все голодаем. Ты ссылаешься на принципы, все это очень красиво, но мне кажется, что если глубже вдуматься в проблему, то справедливость не на твоей стороне. Что собственно говоря происходит? Ольга Николаевна хочет купить корову, не украсть, заметь, а купить, для того, чтобы иметь средства к существованию. Конечно, здесь нарушаются в известной степени действующие в Германии на сей предмет законы. Но обязаны ли мы, эмигранты, морально, я подчеркиваю — морально, всегда и слепо им следовать? Вот в чем вопрос. Если учесть все те преступления, весь тот вред, который германцы, начиная еще с первой войны, причинили нашей родине, как-то: Ленин в пломбированном вагоне, дважды интервенция с огнем и мечем, повальный грабеж и т. д., — то будет совершенно ясно, что русское государство и отдельные его члены имеют святое право на какое-то удовлетворение. Но так как Советы ни в коем случае не могут считаться законными правопреемниками на такого рода удовлетворение, то не в праве ли мы, изгнанные за правду, в известной степени претендовать на него? Конечно, да. Приобретая для себя корову, которая должна по германскому закону пойти в общий котел, мы всего лишь осуществляем свое право, и то в самом незначительном размере.

Александр Ильич презрительно зафыркал. Подожди же, дружок, это только психологическая подготовка, главный удар еще впереди: я намеревался одну добродетель прогнать сильнейшей добродетелью же.

— Александр Ильич, у меня к тебе большая просьба, — продолжал я уже другим тоном. — Так как тебе неприятны весь риск, возможно объяснения с полицией, может даже суд и отсидка, то разреши мне все это взять

на себя. Я куплю корову на свое имя, и в случае чего буду ответ держать и высижу положенное. Мне, как человеку одинокому и уже запятнанному 25-ти летним, так сказать, сожительством с Советским Союзом, это и более приличествует.

Удар был слишком силен для Александра Ильича. Так низменно истолковать его поведение, объяснить все трусостью — было просто жестоко. Нет, трусом он никогда не был!

— Где эта корова? Едем!

Александр Ильич стремительно вскочил и ринулся вперед в темную аллею.

— Куда же ты, постой, — смущенно говорил я, с трудом за ним поспевая. — На дворе ночь. Завтра приедет Мурый, тогда. Сейчас же Ольга Николаевна ждет нас ужинать.

II

Мурый прибыл в положенный день и час и немедленно нами было проведено производственное совещание. На совещании было решено, что за коровой отправимся мы все с ручным возиком. В лесу, невдалеке от села, мы нарубим дров (одно преступление влечет за собою другое — заметил при этом Александр Ильич), потом один из нас пойдет к бауэру, заплатит ему и вместе с ним пригонит корову в лес. Далее мы запряжем бурёнку в возик с дровами и замаскировав таким ловким образом наши действительные намерения, проследуем домой, не возбудив подозрения шныряющих по шоссе агентов полиции. В последнюю минуту Мурый неожиданно уклонился от поездки за коровой, сославшись на необходимость произвести дома приготовления к убою.

— Неблагоприятный омен, — решил Александр Ильич.

— Не нужно мне никакого Омеля, — возразил на это Мурый, который, бросая нас, чувствовал себя не совсем ловко. — Я справлюсь потом с коровой сам.

Итак, в путь тронулись мы вдвоем. За ворота выскочила нас проводить Ольга Николаевна. На душе у ней, бедняжки, скребли, должно быть, кошки.

— Возвращайтесь, дорогие, скорей, — сказала она, чуть не плача. — Я уверена, что все кончится благополучно. Не забыли ли вы чего: документы, деньги... Жалко, конечно, что с вами не идет Мурый. «Юлиан Отступник» — Мережковского.

— Скорей «Мелкий бес» — Сологуба, — пробурчал Александр Ильич, впрягаясь в тележку и прибавил почти весело: — Не тревожься, Оля, о нас. Мы чувствуем себя героями Пинкертона.

Первую часть нашей программы мы выполнили вполне благополучно и скоро. Правда, Александру Ильичу пришлось трудновато с дровами, я своей одной рукой и протезом был ему плохим помощником. Я сходил на село и мужик, трепеща и озираясь пригнал корову, и помог ее запречь. Часов в восемь вечера мы тронулись, наконец, в обратный путь, нам предстояло пройти 10 с лишним километров.

Наша группа представляла собой картину в мрачном стиле Гойа: однорогая коровенка, довольно грязная и худая, запряженная в низкий возик, груженный черным, горелым лесом, за веревку ее тянет однорукий субъект с изможденным лицом; поверх дров восседает седоволосый, запачканный сажей, господин, с виду ученый или престарелый поэт. Нехватало только за возом шелудивого пса, видавшего лучшие виды.

Александр Ильич был, однако, в хорошем настроении. По детскому ли легкомыслию или по душевной своей невинности он совершенно ничего не боялся, и я заметил, что его увлекает даже приключенческая сторона нашего рискованного путешествия.

— Я недавно прочел в газете, что перелет из Европы в Америку длится около 12 часов. Интересно, сколько потребовалось бы времени при наших темпах продвижения, — говорил он. — Мне сверху кажется, что наше упряжное животное как бы пританцовывает, делая два шага вперед и один назад.

— Она прихрамывает, — пояснил я.

— Плохо. Впрочем, почтенный хозяин и не продавал нам выездного рысака... Как в сущности люди жестоки, — продолжал Александр Ильич. — Поймали бедную коровку, запрягли в воз с дровами, и таким обманом ведут ее на казнь.

— Мы обманываем не корову, а полицию, — заметил я. — Муньку можно было пригнать и без этой канители.

— Не надо, не надо имени, — испуганно попросил Капустин. — Поскольку она обречена и мы готовимся ее съесть, она должна для нас быть совершенно безымянным субъектом или лучше объектом Х. Не надо даже на нее смотреть и привыкать к ней.

— Ну и ну! Чудак, вы, сударь, старый эмигрант, — нашелся я только ответить.

— В Белграде завели мы кролика и так привыкли к нему, что даже было смешно подумать, что его можно убить. Он жил у нас долго в качестве почетного пансионера и когда состарился, ему Ольга Николаевна ежедневно варила чашку каши Геркулес.

— Как бы нам не пришлось ежедневно варить ведро Геркулеса для этого шагающего объекта, — пророчески вырвалось у меня.

Лес кончился и мы въехали на главную улицу небольшого поселка, единственного на нашем пути. Красивые, чистенькие домики, окруженные садами и огородами, выглядели в лучах заходящего солнца особенно нарядно и уютно. Хозяева спешили окончить вечерние работы и суетились во дворах.

— Моя мечта дожить свою жизнь в такой собственной дачке и разводить розы, — проговорил Александр Ильич. — Скажи, как обстоит дело в этом отношении в Советском Союзе?

Я пояснил.

— Скверно, — вздохнул Александр Ильич. — Обречь людей жить в казармах, лишить их права обзаводиться собственностью, это все равно, что лишить их права материнства. Посмотри, с каким прилежанием и любовью вон тот молодой человек возделывает грядку возле дома; красивая молодая женщина, вероятно, его жена или невеста, несет уже ему для поливки ведра с водой . . .

— Ведра с нечистотами, судя по запаху.

— Все равно. Собственные нечистоты, на собственную грядку, от собственной жены — вот формула счастья человеческого. Без собственности жизнь лишена радости.

По выезде из поселка мы поменялись ролями: я полез на воз, а Александр Ильич взялся вести корову за повод. Шоссе было пустынно. С обеих сторон бесконечной лентой тянулся хвойный лес. Я очень устал за этот день и с удовольствием вытянулся на дровах, и не заметил, как задремал.

Когда я проснулся, было уже совершенно темно, все небо было обложено черными тучами, начал накрапывать дождь . . . Воз почему-то неподвижно стоял на месте.

— Эй, Александр Ильич, что случилось? — испуганно спросил я.

— Ничего не случилось, — ответил из темноты спокойный голос.

— Так почему мы не двигаемся ? !

— Она не хочет дальше идти.

— Черт возьми, так потяни ее за бичеву!

— Когда я тяну за один конец веревки, то она тянет за другой в противоположном направлении, и так как ей при этом неудобно двигаться вперед. вернее — даже невозможно, то она останавливается.

Я нащупал и выломал сухую ветку в дровах и довольно нелюбезно стегнул корову сзади.

— Что ты делаешь, не бей животное, — рассердился на меня Капустин, — она подумала бы и пошла бы и так.

— Она будет раздумывать, а Ольга Николаевна нас ждет и наверно ужасно тревожится. Учти, что очень поздно.

Начался спуск с горы перед городом, вдали виднелись его приветливые огоньки. Я слез с воза, чтобы помочь Александру Ильичу при спуске.

Через полчаса мы достигли, наконец, нашей усадьбы. Ворота беззвучно открылись и мы въехали во двор. Нас встретил Мурый и Ольга Николаевна.

— Наконец-то! Почему так поздно? — шопотом говорила она. — Все ли благополучно ? . . Ну, слава Богу. У нас тоже все в порядке. Фрау Zehnpfennig ушла дипломатически ночевать к родственникам, так что мы одни. Дядя Ваня, голубчик, заприте, пожалуйста, ворота.

Я направился закрывать ворота, прикрыл одну половину и потянул было другую, но кто-то придержал ее и две темные фигуры проскользнули во двор. Это была полиция.

Впоследствии мы никогда не смогли установить с достоверностью, что послужило причиной неожиданного визита. Возможно, что мы были замечены и зарегистрированы, как подозрительные, уже по дороге; не исключено, однако, что появление стражей порядка у нас, было случайностью. Так или иначе они были во дворе.

Полицейские довольно невежливо сверкнули нам в глаза своими электрическими фонарями, потом свет их фонарей забегал по двору и остановился на нашей упряжке.

— Чья это корова? — строго отнесся к нам один из них.

Александр Ильич выступил вперед.

— Корова принадлежит нам, — твердо по-немецки ответствовал он и по-русски к жене: — Чего же мы мокнем под дождем. Зови, Оля, дорогих гостей в хату.

В квартире, попросив полицейских обождать в жилой комнате, мы прошли в кухню, чтобы помыть себе руки.

— Итак, господа, — насмешливо посмотрев на нас, сказал Александр Ильич. — Любишь на коровах кататься, люби и ответ держать . . . А где же господин Мурый?

Только сейчас мы заметили, что Мурый незаметно и бесследно исчез.

— Удрал, бестия, — констатировал Александр Ильич. — Ничего, и без него как-нибудь справимся. Не вешай головы, Оля!

Ольга Николаевна совсем пала духом.

— Это я вас подвела, — покаянно произнесла она, — что же мы будем делать? «Страшная ночь», кажется, Гоголя.

— Нет, «Преступление и наказание» — Достоевского, — «Бежин луг» — Тургенева, «Фрегат Паллада» — Гончарова . . . Дядя Ваня, ты готов? Пойдем договариваться с властями.

Власти оказались несговорчивы. Когда мы вошли, два рослых, в черных клеенчатых плащах немца стояли посреди комнаты. На головах у них красовались полицейские кепки нового образца, на поясах пистолеты и в зубах — потухшие трубки. Один из них повидимому, начальник, с чрезвычайно толстым, выпирающим по бокам плаща задом, неодобрительно обратился к нам,

совершенно не скрывая, что он подозревает нас в массовых грабежах, поджогах и убийствах.

— Was ist, meine Herren, bei Ihnen mit der Kuh los ? !

— Die Kuh habe ich für mich gekauft bei einem Bauern! — сказал я.

— Позволь, позволь, — запротестовал Александр Ильич, — какое там „ich gekauft". Почему это ты ? !

— Сделай милость, Александр Ильич, не вмешивайся. У меня есть бесспорное доказательство, что корова принадлежит мне.

Я вынул из кармана и протянул старшему полицейскому расписку бауэра. Он бегло заглянул в нее и, повидимому, еще тверже утвердился во мнении, что имеет дело с крупными преступниками. Не буду передавать дословно длительных пререканий между нами и добродетельными представителями власти. Мы утверждали, что купили корову на племя. Толстый все отвергал и ничему не верил, даже тогда, когда мы говорили правду (например, что я за корову заплатил 1 500 марок).

Наконец, полицейскому начальнику надоели бесцельные споры и он «закруглил» таким образом:

— Итак, господин доктор (Александр Ильич держал себя с таким достоинством, что полицейские под конец разговора стали его звать Herr Doktor,) мы арестовываем все мясо, а господина . . . (кивок на меня) привлекаем к ответственности за черный убой.

— О каком мясе вы говорите, — возразил я. — Пока что есть живая корова, которая сейчас мокнет под дождем.

— Не угодно ли вам за нами следовать в полицейское управление, — строго и окончательно предложил мне полицейский.

Ситуация складывалась совершенно безнадежная; я собирался уже идти за пальто и шляпой — и вдруг . . .

Сидящая скромно в уголку за приготовлением уроков Леночка, до того незамеченная и нами забытая, неожиданно подала свой голосок:

— Herr Hauptmann, — заикаясь и краснея, произнесла она, — не делайте зла моему дяде — старому и больному инвалиду. Он такой добрый и купил себе корову, чтобы пить молоко. Он, видите ли, кроме молока, овощей и фруктов ничего не ест, так как он . . . Как будет по-немецки — вегетарианец, мам? Menschenfresser, — oder was sage ich, — umgekehrt . . .

— Wie ? ! — оторопел, а потом засмеялся полицейский первый раз за вечер. — Was meinen Sie?

— Kein Fleischfresser, — поправилась Ольга Николаевна и присоединила свою просьбу к просьбе дочери. — Будьте человечны, Herr Hauptmann. Не ввергайте, нас, изгоев, в бедствие.

Толстый полицейский опустился на стул и задумался.

— Хорошо, — наконец ехидно произнес он, — если дамы просят, то я готов поверить, что корова куплена вашим дядей на племя. Пусть она растет и плодится у вас, и вы пейте молоко всласть, Но, прошу учесть, что корова должна быть завтра зарегистрирована и что ее нельзя продать, она не имеет права также заболеть и подохнуть. Я еще приду и проконтролирую вас . . .

Когда мы выпроводили полицейских, Ольга Николаевна перекрестилась и облегченно вздохнула:

— Неужели пронесло благополучно ? ! Ну и Леночка, как ты только догадалась?

— Спасибо, Леночка — выручила! — сказал я, и когда довольная и гордая Леночка, красная как пион, протянула мне свою ручку, добавил: — «Почему я стал вегетарианцем» — Толстого.

Прошло два месяца. На дворе зима. Корова заметно поправилась и чувствует себя у нас превосходно. Мы ее

не доим, так как она дает за сутки всего полстакана молока... Ест она ужасно много; покупаем сено втридорога и кормим.

Полицейский навещал нас и мило улыбался. Каждое утро ношу его жене литр молока от соседки. Мурый до сих пор не появлялся, хотя корова куплена на его деньги и, следовательно, принадлежит ему.

Когда и как мы избавимся от коровы — неизвестно. Не знаете ли вы, любезный читатель, где можно купить подешевле стожок сена или отрубей, или крупы Геркулес, что ли?

УРОК АНГЛИЙСКОГО

Пять лет живете в Америке и не говорите еще по-английски ?! Не может этого быть, не верю!

— «Чикен», «гут-бай» — знаете; «о-кей», «веримач» — наверно тоже, прибавьте к этому сотню других слов, которые к вам невольно привязались, чтож вам еще нужно? Вы наверно просто стесняетесь, по научному говоря — у вас психологическое торможение. Ничего, это поправимо, я помогу вам «поставить» ваш английский. Вмиг у меня заговорите!

Постарайтесь усвоить некоторые основные положения. Во-первых, ничего не бойтесь. По моему методу не надо заглатывать язык, выворачивать глаза и совершать прочие, несовместимые с человеческим достоинством, действия. Напротив, при разговоре держите себя свободно, молодо, как будто вы совершаете что-то приятное, скажем — ловите для «нее» в саду изумрудных мошек.

Во-вторых, ничего не критикуйте и не ожесточайтесь. Из английского алфавита, как известно, исчезло классическое «а» и милейшее «и» превратилось, словно его потянули за хвост, в испуганное «ай». Это, как дурной сон, бороться тут бесполезно. Относитесь к прискорбному явлению чисто философски: нет буквы «а», и пес с ней!

На днях дочка приготовила мне ванну. Иди, зовет, папочка, купаться. — Надеюсь, отвечаю, вода не слишком горяча!

— О нет, не более 100 градусов.

Потемнело у меня в глазах, началось сердцебиение, Потом, однако, сообразил: пес с ним, думаю, с Фаренгейтом!.. Успокоился, полез в ванну.

Но мы, кажется, отвлеклись от темы... Итак, в-третьих, вы должно быть сами заметили, что в звучании английского и русского языков много общего. Например букву «ш» они любят и чисто выговаривают, в букве «ч» тоже толк понимают, «ю» и «ы» — у них определенно хороши, слова же керосин и гусь — они просто у нас сперли. Издали английскую мову очень за нашу принять можно. Я неоднократно уже ошибался, подойдешь же ближе и, конечно, плюнешь.

С другой стороны и у нас молодуха, у которой я жил когда-то на юге, фразу «я натрушу вишни» произносила так: «я натрюшью уышни». т. е. чисто по английски. Все это я говорю к тому, чтобы убедить вас, что английський язык нашему родственен. Старайтесь внушить себе это!

Тут мы подходим к четвертому пункту нашей лектюры — к зубрежке слов и грамматике. И то и другое вам совершенно ни к чему. Вы страдаете не от недостатка слов, а скорей от их избытка. Девченка из ночного клуба слов куда меньше вашего знает, болтает же как тарахтушка, снимается без ничего и вообще преуспевает. Не вторым же Шекспиром стать собираетесь! Грамматика же нам не по зубам, оставим ее детям школьного возраста.

Навестил я как-то господина Алмазова, московского балетмейстера. Здесь, между прочим прекрасно устроился — работает истопником при больнице. Застал я его в упадочном состоянии: сидит осунувшийся, не бритый, в помятой рубашке. А ведь всегда выглядел франтом, хоть сейчас выпускай на сцену!

— Что с вами, Владимир Александрович, спрашиваю. — Нездоровы, что-ли?!

— Иное, отвечает. — У меня сейчас отпуск и я решил использовать время для изучения английского. Две недели уже без просыпа зубрю и кроме, извините, Кока-Коловского декокта ничего во рту не было!

— Так что вас доканало: наука или добровольное воздержание?

Одна наука, отвечает, была бы бессильна.

— Вижу, что подоспел вовремя. Будем, как говорят большевики, переключаться на ходу. Бросайте немедленно все чернокнижье под кровать, ночью вынесете на бульвар. Я берусь за три урока научить вас английскому!

— Не может быть! — обрадовался Алмазов. — Что-же мне для этого прикажете делать?

— Помойтесь, побрейтесь и наденьте свежее белье, я же тем временем сбегаю в ближайшую ликерную сторку. Потом поговорим.

Через месяц случайно встретились в сабвее. Совсем другой человек: подгримирован, в светлом костюме, с цветком в петлице. Благоухает чем-то лесным — не то можжевеловой ягодой, не то коньяком три звездочки. Словом настоящий щелкунчик, музыка Чайковского.

— Красавец вы мой, Владимир Александрович, говорю. — Вижу и душевно радуюсь, что вы уже оправились от Кока-Коловского тумана. Как ваши успехи в языке?

— Не только с инородцами, отвечает, но и со своими говорю теперь только по английски. Не знаю как и благодарить вас, дорогой учитель. Для иллюстрации хотите я сейчас пристану к дамочке, что сидит напротив, наговорю ей комплиментов.

— Воздержитесь, говорю. — Рядом с ней сидит субъект, судя по скучающему виду, ее супруг.

— Пес с ним, с супругом! — отвечает.

— Не следует к собственникам относиться столь философски. Этому я вас не учил. Супруг может вас пробоксовать, или по русски говоря — учинить некрасивый мордобой.

С трудом его отговорил от нападения.

Пятый и последний пункт касается, так сказать, стратегии и тактики разговорного искусства. Сегодня мы остановимся на этом важном вопросе лишь вскользь.

Если печальной необходимостью вы вовлечены в собеседование, не изображайте из себя нелюдимую «буку» и не старайтесь уклониться от него. Помните положение генерала Клаузевица: наступление лучший вид обороны! Ошибочно также на поставленные ребром вопросы отвечать категорически «да» или «нет», лишь бы от вас отвязались.

Вблизи моей резиденции купила домик украинская семья, состоящая из папы, мамы и сына школьника. Днем, когда одна мама была дома, забежала соседка, рыжая ирландка и в большом возмущении наговорила за пять минут кучу вещей. Мама из всего словесного навоза ничего не поняла, но скромно на все поставленные вопросы отвечала «yes».

В полдень на велосипеде приехал из школы длинноногий Ванюша, мать ему и говорит:

— Тут приходила эта рыжая, что-то стрекотала. Поезжай, пожалуйста, узнай что ей надо. Ваня оттпихнулся ногой от крыльца и выкатил на улицу. Вернулся он не скоро и сильно не в духе.

— Эх, маманя, наделали вы делов! — сердито отнесся он к матери. — Без воды, можно сказать, меня утопили! Соседке ночью на веранду подбросили корзинку с кошкой и восемью слепыми котятами и она вас спрашивала, не я ли это сделал, вы охотно подтвердили. Кошка же принадлежит вислоухому Бабу, и вся улица

это знает. Я уже заезжал к нему и сказал, что его выдал. Вечером у нас назначена встреча. Он фунтов на десять тяжелей меня, но отказаться теперь мне невозможно.

Вечером Ваня был жестоко избит.

На вопросы, смысл которых сокровенен, лучше всего неопределенно мычать, многозначительно и странно подмигивать кому-то в угол и в свою очередь что-либо спрашивать. Если воскресный, хорошо выспавшийся сосед, к вам подойдет и залопочет, то займите удобное положение, облокотитесь, скажем, на его плечо, часто и громко смейтесь и невпопад, дергайте негодника за ухо, тыкайте пальцем в живот и, главное, сами говорите — пусть соображает! Лишь когда он, негодник, изображая наклонную башню в Пизе, взмолится о пощаде, милостиво отпустите, в последний раз хлопнув его чувствительно по спине и радостно улыбайтесь. Больше он вас не затронет!

Вы говорите, что такое амикошонство вам претит и несозвучно вашей натуре?! Ну, батенька, знаете! Не надо было устраивать революции и, возможно, отменять крепостное право. Тогда приезжали бы вы из разных «заграниц» в свое «Отрадное», любовались бы столетними липами, и мужички ловили бы вам в пруду карасей в сметане!.. Теперь же... теперь же нам самим скоро сто лет!

В начале нашего урока я отметил, что вы знаете достаточно английских слов для светского разговора. Конечно это так, но все же, откровенно говоря, 100-200 слов не бесть какой запас. И потому вам надо научиться с малыми средствами совершать большие дела. Весь ваш запас непрерывно пускайте в игру. Произнося любую фразу, вы пересыпайте ее, как самоцветами, хорошо известными вам словами, громко и радостно их выкрикивая, неудобопроизносимые же и сомнительные —

выговаривайте тихо и невнятно, одним намеком. Лучше даже — произносите только ударный слог в облаке ложных шумов: шипения, свистка, мяуканья, детского плача и пр.

Не скупитесь также, пожалуйста, и на выразительную мимику и оживленный жест рукой, ногой, ушами, словом чем придется. Вы, например, желаете купить спаржу, но не знаете как она называется. В этом случае вы говорите, посмеиваясь, продавцу:

— Хе, хе, дайте мне также и этой зеленой «морковки», и одновременно указываете на спаржу пальцем и глазами.

Продавец, если он не глуп, оценит вашу шутку.

— Сколько пучков «морковки» прикажете, сэр, хе-хе?

И дело сделано.

Трудновато сначала, согласен, но что поделаешь... Бывает, правда редко, повезет.

Я работаю в столярне, мастером лодки. Наш хозяин мистер Дэкон — швед, команда же его вся, человек 20, беглые из СССР. Однажды он говорит нам:

— Вы, русские, хорошие работники, я вами доволен, но объясняться с вами все равно что мордой об скалу. Убиться можно! И как вы навряд-ли скоро научитесь говорить по английски, то я сам хочу изучить ваш проклятый язык.

— Правильно, отвечаем, мистер Дэкон. Давно бы так, тебе сподручней. Ты один и молодой еще, а нас много. И наш русский язык вовсе не проклятый, а не в пример английскому, легкий. Не даром мы все на нем изъясняемся без затруднений!

Засел мистер Дэкон за книги, нанял даже хорошенькую учительницу и, что вы думаете, оказался спо-

собным парнем. Теперь уже бойко болтает по русски, только произношение неважное и ударения ставит неправильно. Когда ругается, некрасиво получается!

На этом мы и закончим, пожалуй, наш первый урок. В следующий раз мы с вами разовьем некоторые положения и приступим к практическим занятиям... Нет, спасибо, не наливайте больше!.. Или, так и быть, еще одну — расходную. За ваши успехи в английской науке!

ИДЕАЛИСТКА

I

Владимир Брагин с букетом белой сирени в руке стремительно выскочил из-за кустов. На скамейке Гретхен не было. На ее обычном месте сидела незнакомая немочка и прилежно вязала чулок.

Брагин медленно побрел по скверу, обошел несколько раз вокруг высохшего фонтана. Вдали на церковных часах пробило четверть первого. Молодому человеку стало тревожно и гадко на душе. Он подошел к ограде и вопросительно посмотрел через улицу на окно большого, сохранившегося от бомбардировки здания. В нем помещалось бюро, в котором Гретхен работала стенографисткой. Брагину пришла мысль, что может быть Гретхен из окна заметила, что ее скамейка занята и потому не выходит в сквер. Брагин почти бегом кинулся снова к немке с чулком.

— Прошу, фрейлен, извинить мою смелость, — взволнованно проговорил он. — Но когда решается судьба человека, когда . . . Словом, я убедительно прошу вас пересесть на другую скамью.

Немочка вспыхнула, но безропотно стала аккуратно укладывать свое рукоделие в плетеную корзиночку.

Брагину стало совестно:

— Я надеюсь, фрейлен, что вы на меня не очень рассердились? — смиренно проговорил он и снял шляпу. — Разрешите вам представиться. Моя фамилия —

Брагин. Владимир Брагин. Эмигрант и инженер по профессии.

— Ach so...o..! — протянула немочка и в свою очередь отрекомендовалась:

— А меня зовут Аннелиз фон-Маул.

Молодая пара пожала друг другу руки.

Покончив с перемещением Аннелиз, Брагин снова стал томиться в ожидании Гретхен. Часы на церкви пробили половину, без четверти и наконец час дня. Обеденный перерыв закончился! Брагин бросил букет сирени в кусты, пересек сквер и улицу и вошел в дверь дома, где помещалось бюро.

Глуповатый на вид привратник удивленно приподнял брови:

— Фрейлен Грета Кредмайер?! Разве господину неизвестно, что фрейлен Грета уже у нас не работает? Вчера состоялись товарищеские проводы, а сегодня утром она уехала в Гамбург к своему жениху.

Приниженный, словно побитый, побрел Брагин прочь. Пересекая сквер он случайно глянул вдаль, по ту сторону фонтана. Там скромно сидела фрейлен фон-Маул с чулком в руках и ласково на него смотрела.

Это было то, в чем Брагин в настоящую минуту больше всего нуждался: в милой наперстнице, поверенной тайн, на груди которой он мог выплакать свое сердечное горе. — Брагин подошел, попросил разрешения присесть.

Аннелиз оказалась идеальной наперстницей. Она так внимательно слушала, проявила столько женской мягкости, такта и искреннего участия, что Брагин в порыве откровенности вскоре поведал ей все, в частности рассказывал:

— ... Что он совершенно одинок на свете и глубоко несчастен. В особенности теперь, когда его так... так

бессовестно обманули. Месяц тому назад он случайно познакомился в этом сквере с одной девушкой по имени Гретхен. Светлая блондинка с небесно-голубыми глазами. Ничего низменного, ничего грубо-земного. Ей нельзя было не верить, ее нельзя было не любить . . . Но нет, всего невозможно рассказать. Да кроме того все это наверно непонятно и неинтересно для других . . .

Фрейлен Аннелиз прикоснулась своей полной ручкой к его руке:

— Не говорите так, — взволнованно, со слезами на глазах, сказала она. — Я тоже одинока. Родители мои погибли от английских бомб. Папа был торговцем и прежде бывал в России. Он любил эту страну и уважал русский народ. Я вас, господин Волдемар, хорошо понимаю.

Молодые люди стали встречаться.

II

Прошел год. Была весна и праздник Пасхи. Владимир Сергеевич Брагин с супругой Анной Максимовной (урожденной фон-Маул) в два часа ночи вернулись с заутрени домой.

— Первое, что мы сейчас сделаем, — весело говорил Владимир Сергеевич, сбрасывая пальто, — давай, Аннушка, по русскому обычаю, трижды похристосуемся.

— Давай, дорогой Владя, пожалуйста, — с забавным акцентом, но довольно правильно выговаривая по русски, сказала молодая женщина.

Они поцеловались. В это время кто-то запищал в углу. В белой, лакированной колясочке, под кружевным пологом возлежал наследник престола, маленький Николенька, и презабавно сучил ножками. Родители молча в умилении склонились над своим первенцем.

Потом они вдвоем пили вино и закусывали. Брагин подарил жене две пары тончайших чулок и искусно раскрашенную писанку.

— Aber so-etwas! Großartig! — проговорила сияющая Аннелиз. В свою очередь она вручила мужу перевязанный алой ленточкой, пакет. В нем оказался связанный ее руками прекрасный, шерстяной пуловер.

Словом было очень, очень мило. Должно быть по этой причине, от такой неумеренной порции благополучия, Брагин к концу вечера впал в мрачное настроение.

— Все это не то. Немецкий «эрзац»! — хмурясь думал он, расшнуровывая ботинок. — Ничего она не понимает, ничего не чувствует! В церкви сегодня присутствовала, как на представлении в кино.

— Liebling, warum kommst du nicht, — позвала уже лежащая в постели Аннелиз.

— Liebling, Liebling! — передразнил Брагин. — Я прошу тебя, Анна, не звать меня этим «вашим» паршивым именем.

И тут Брагин сгоряча наговорил жене всяких обидных и несправедливых вещей. Он упрекал ее в том, что она его не любит, что она лишь формально перешла в другую веру, что она ненавидит все русское, что она мелочна, насквозь земная и многое другое.

Аннелиз с ужасом смотрела на расходившегося супруга:

— Но зачем же ты тогда на мне женился? — в отчаянии вырвалось у нее.

— Зачем ? ! — Брагин презрительно чмыхнул. — Да потому, что ты тогда была «эрзацем» для меня! Помнишь я тебе рассказывал, что я был увлечен голубоглазой Гретхен. Эта девушка мне была близка по духу. Она никогда не держала в руках спиц, зато была человеком возвышенной души. Идеалистка!

Аннелиз соскочила с кровати и вплотную подошла к мужу. Вся полная фигура ее в красной, развевающейся пижаме дышала ревностью и гневом.

— Послушай ты, глупый! — начала она с высоких, еще не слышанных Брагиным за год их супружества, нот. — Ты вынуждаешь меня рассказать тебе то, о чем я обещала молчать. Да будет тебе известно, что однажды вечером перед своим отъездом Грета Кредмайер пришла ко мне на квартиру . . .

— Позволь, — оторопел Брагин. — Ты разве была с ней знакома ? !

— Конечно. Мы были подругами . . . Грета пришла и говорит:

— Аннелиз, я уезжаю к своему жениху в Гамбург и хочу передать тебе в наследство одного русского парня. Он мне излишен, а тебе, я знаю, может пригодиться. Он основательно обработан мной, влюблен по уши.

— В тебя, а не в меня! — заметила на это я.

— Понятно — в меня, — согласилась Грета. — Но это не так существенно, важно, что влюблен. От твоего умения зависит поймать оглушенного воробья в свои сети. Парень не дурен собой, одинок, питает честные намерения, инженер и служит у американцев.

— Познакомь меня с ним, — попросила я.

— Познакомить я тебя не могу, — решительно заявила Грета. — Но я укажу тебе, если хочешь, точные координаты, где ты его можешь найти. Какие материальные ценности ты можешь мне предложить взамен?

— Она выцыганила у меня новые кожаные туфли. Кроме того я обязалась, в случае успеха, высылать ей продовольственные посылки. Не менее 15 тысяч калорий каждая, точно обусловила она.

— Так значит ты высылала посылки не голодающей тетке, как говорила мне, а ей? — содрогнулся Брагин.

— Конечно! Никакой тетки в Гамбурге у меня не было . . . Это она меня шантажировала, твоя идеалистка!

Брагин стал снова зашнуровывать ботинок. Потом он молча оделся и вышел, неслышно притворив за собой дверь. Где он бродил в эту темную, пасхальную ночь, он наверно и сам не запомнил.

На следующий день супруги примирились, о голубоглазой Гретхен Брагин больше не вспоминал.

НАША КОЛОНИЯ

О докторской чете говорили: утешительные старички, и дамы прибавляли: прямо старосветские помещики. Только бывший бухгалтер Коопинсоюза Расчетов высказывался более сдержанно:

— Ирина Захарьевна, спору нет, светлая старушечка, но сам доктор, извините, бонза!

Марк Леонардович — «сам» доктор, был немногословен и во всем очень основателен.

— Какого я мнения о нашей колонии? — спрашивал он и морщил свое большое, и без того некрасивое лицо. — Народ сравнительно не плохой, но авантюрист поневоле.

При разговоре присутствовала Женя, элегантная девица лет 26-ти и штабс-капитан Николай Иванович Козлов — наш «настоящий» и единственный старый эмигрант.

— Ненавижу! — проговорила Женя и в ее черных, чуть косящих, глазах зажглись злые огоньки. — Ненавижу все русское.

— Как же это так? — удивился доктор. — Вы же, мадемуазель, как-будто сами русская!

— Ненавижу! — повторила Женя, не пускаясь в дальнейшие объяснения.

Гости вскоре стали прощаться.

— Заходите же, Женичка, — радушно приглашала Ирина Захарьевна, — и вы, Николай Иванович, нас не забывайте.

После их ухода доктор был не в духе.

— Иной человек любезен на пороге, другой — за порогом, — ворчал он. — Готовь, старуха, чего-нибудь закусить, — обратился он к жене, просветлев лицом.

— Какая Женя хорошенькая, — проговорила докторша и вздохнула, вспомнив, вероятно, оставшуюся в России, дочь. — А вот настоящих женихов нет!

— Нечисть! — сказал доктор, снова хмурясь.

Тем временем Женя с Николаем Ивановичем шла по улице.

— Я просто не могу себе представить, — волновался Николай Иванович, — как можно порочить свой народ. Даже большевики этого не делают.

— Знаете, лучше оставим этот разговор.

— Извините . . . Но я все же хоть убейте, не пойму вашей психологии . . .

— И не поймете . . . Женя вдруг затормозила на месте: — Ах-ти! Забыла у стариков свою сумку и в ней юбилейный портсигар папочки, носила Ирине Захарьевне показать . . , и Женя, долго не раздумывая, быстро застучала каблучками в противоположную сторону.

Через минуту она была возле открытого окна докторского дома.

— Какая Женя хорошенькая, — услыхала она женский голос. — А вот настоящих женихов нет!

— Нечисть! — придавил бас доктора.

Как вихрь влетела Женя в комнату.

— Что вы, Марк Леонардович, сейчас обо мне сказали ? ! Как вы изволили обо мне выразиться. а ? ! — налетела она на доктора.

Марк Леонардович весь ощетинился.

— Я сказал, что вы — нечисть! — твердо воспроизвел он.

— Ах так . . . очень хорошо! — заревом вспыхнула Женя. — Буду теперь знать . . . Прощайте, Ирина Захарьевна ! . .

Женя схватила свою сумку и выскочила наружу.

— Это вы быстро обернулись, — с удивлением произнес Николай Иванович, увидя несущуюся на него девушку. — Что случилось ? !

— Все люди мерзавцы и ваш хваленый доктор тоже!

— Портсигар сперли, что-ли?

— Вы ничего глупей не могли придумать? — огрызнулась Женя, не замедляя хода.

С той поры Женя вместе с бухгалтером Расчетовым возглавила оппозицию к «утешительным» старичкам.

— Выживший из ума старик, — говорила она. — Эгоист, человеконенавистник! Я не понимаю, почему он у Советов не остался.

— Ну, это вы, Евгения Павловна, уже слишком, — вяло протестовал Расчетов. — Доктор просто самоуверенный в себе человек, бонза словом!

Баварский городок был небольшой и разбросанный, так же разбросанно, словно случайно уцелевшие после дезинфекции тараканы, по углам и щелям жили мы — российские эмигранты. Все мы чудесным образом ушли от «волка», были цепки как плющ, и способны произрастать на самой каменистой почве. В жестокой борьбе за существование обострились не только наши простейшие чувства, но мы развили в себе также редкие у цивилизованного человека инстинкты и качества. Так, например, мы могли опознавать притаившуюся беду или опасность, объясняться не зная языка с человеком любой национальности, разводить скот, плести корзины, и многое другое. Словом мы были всесторонне развиты; со скептическим взглядом на мир, на его зло и его добродетели; мудры как многотравленные звери.

История ссоры Жени с доктором неведомыми путями стала известна и быстро облетела все наши убежища. Симпатии были не на стороне Жени.

— Многое о себе воображает, — говорили дамы. — Так ей и следует, трепушка несчастная!

Дамы наши были уже не молоды и не имели таких, как у Жени, высоких каблучков на красных туфельках. Но жизнь, увы, полна не одними мелкими радостями, вскоре пронесся слух, что Николай Иванович сделал Жене предложение, и что молодая пара уезжает в Америку, к разбогатевшему там родственнику Николая Ивановича.

— И не глупый человек, а вот поди же . . , — поджимали губы представительницы прекрасного пола. — Она лет на двадцать его моложе, будет ему.

Впрочем и сам Николай Иванович довольно верно оценивал ситуацию.

— Моя жизнь клонится уже к закату и мне смешно думать о счастье, — говорил он Жене наедине. — Но что ждет вас, какая будущность? Не думаю, чтобы субъекты вроде Зайцевского могли вас устроить, это пустое. Здесь же представляется такой случай: Америка, богатый дядя и тому подобное. Мы с вами одиноки на свете, я вас очень ценю (Николай Иванович постеснялся сказать — люблю), и если я вам не противен . . .

Женя, девушка далеко не глупая, понимала, какой исключительный шанс ей дает жизнь.

— Николай Иванович, не говорите так, — просила она, легонько подергивая штабс-капитанское ухо. — Я очень, очень уважаю вас и ваше внимание для меня значит много.

Однако с паном Зайцевским надо было покончить. Это также прекрасно понимала Женя. И в тот же вечер, кружась в фокстроте в зальце гастхауза, она сказала своему партнеру:

— Юзек, я сегодня танцую с тобой в последний раз. Понимаешь ? !

Юзек, красивый, стройный блондин от неожиданности сбился с такта.

— Почему? — удивленно спросил он.

— Я выхожу замуж и уезжаю в Америку.

— Ну так что ? ! Ведь не завтра?

— Пане, не будьте дураком, — сухо сказала девушка.

Хлопот было много. Месяца три носился Николай Иванович по учреждениям, выправлял себе и Жене многочисленные документы, раздобывал деньги и закупал нужную на дорогу снасть. Изменился за это время наш штабс-капитан до неузнаваемости: помолодел, отрастил бородку, стал ходить в светлом костюме с цветком в петлице.

— Договорился с батюшкой, на днях он нас повенчает, — однажды с улыбкой сообщил он Жене.

— Почему так скоро, — испугалась Женя, но увидя как потускнел вдруг Николай Иванович, тихо прибавила: — У меня, мой хороший, ведь не готово еще новое платье!

***

Марк Леонардович заведывал в России хирургическим отделением большой областной больницы. В эмиграции он всячески уклонялся от врачебной практики, но пациенты — колонисты и немцы, — его все же осаждали. В полдень в палисаднике докторского домика обычно терпеливо ждало несколько человек.

— Ну что мне с ними делать? — говорил Марк Леонардович. — Разрешения от властей у меня нет, местные врачи косятся, но не могу же я их гнать ? !

Больные были особенно неприятны ему теперь, когда он отпустил свою старуху погостить к знакомым и сам вел хозяйство.

— Следующий, — невесело произнес он, выпуская пациента и выглядывая наружу. «Следующей», к его

удивлению, оказалась Женя. Девушка проскользнула в дверь и в нерешительности остановилась посреди комнаты.

— Тэк-с, чем могу служить? — отчужденно спросил Марк Леонардович.

Дело оказалось запутанным. Произведя обследование, Марк Леонардович определил:

— Примерно, третий месяц.

— Не может этого быть, — вспыхнула Женя. — Клянусь вам, что ни один мужчина . . .

— Вам видней, — пожал плечами доктор.

— Нет правда, как же это могло случиться, — выбитая из всех своих гордых позиций, лепетала Женя. — Может быть, когда я ходила в водолечебницу, брала ванны . . .

— Возможно. В научной литературе описаны такие случаи, — согласился Марк Леонардович. — Это может быть, но . . . — Марк Леонардович криво усмехнулся, — но этого никогда не бывает. Вы, мадемуазель, готовы? Прошу . . . — недвусмысленно приоткрыл он дверь.

Венчание Николая Ивановича с Женей было для всех нас большим событием. В церкви присутствовали, за исключением докторской четы, все колонисты . . . Некоторые дамы расчувствовались и рыдали. Жених выглядел совершенным молодцом; невеста в белом платье была нарядна, но скучновата.

Когда мы веселой толпой возвращались лесной тропкой домой, супруга Расчетова оступилась и чуть не упала.

— Плохой признак, — решила она. — Между прочим вы заметили, что Женюшка то наша не особенно ликовала ? !

Федор Антонович, скрипач и философского склада ума человек, изрек:

— Замужество — вещь темная. Вперед не узнаешь, как обернется . . . Смотрите, смотрите . . . — вдруг вскричал он, — вон зайчик скачет!

— Зайчиков или Зайцевский ? ! — многозначительно спросила Расчетова.

Шутка попала в цель, мы долго смеялись.

После свадьбы Николай Иванович снова уехал хлопотать, Женя же зачастила на приемы к доктору.

На первый день Троицы, Марк Леонардович, воспользовавшись прекрасной погодой и захватив еду, плед и газеты, углубился в лес. На высоком берегу у быстрой горной реченки расположился он с большим удобством, предвкушая углубиться в интересную передовую. В это время, словно из под земли, за кустами возникла Женя. Она была в стоптанных башмаках, кокетливый чуб волос на лбу сполз на висок, взгляд она имела рассеянный, — ну, словом, не наша нарядная и самоуверенная Женя, а бедная Лиза какая-то! Женя, не здороваясь, присела рядом на камне и обхватила колени руками.

Марк Леонардович недовольно задвигался, затем решил этому появлению не придавать значения, развернул газету, надел очки, но тут Женя заговорила:

— Ужасная жестокость! — произнесла она, обращаясь к журчащей под обрывом реке. — Я понимаю, убить человека в припадке раздражения, но сознательно мучить, не подать тонущему руки помощи, — на это не каждый способен . . . Ну что мне теперь делать ? . . Остается только в реку броситься.

— Не броситесь, — подал из за газеты голос Марк Леонардович. — Вы, мадам, слишком привержены к жизненным благам, чтобы в реку!

Женя медленно повернула к нему свою красивую голову.

— Нет, ошибаетесь, мне одно осталось . . . — грустно проговорила она, и на глазах у нее навернулись слезы. — Марк Леонардович, у вас осталась «там» такая

же, как я, дочь, может быть она сейчас тоже кого нибудь молит . . .

Марк Леонардович в сердцах скомкал газету и вскочил. Остатки его седых волос полукругом поднялись вокруг лысой головы.

— По какому праву вы меня мучаете ? Что вам наконец от меня надо ? ! — закричал он и затопал ногами. — Вы хотите, чтобы я для вас пошел на преступление ? ! Не будет этого! Обратитесь к вашим немцам, покайтесь мужу, я ничего больше не хочу о вас знать!

Марк Леонардович схватил с земли плед, и как медведь ломая сушняк, исчез в кустах.

Недели через две вернулась Ирина Захарьевна.

— Ну, как вы, Марк Леонардович, без меня обходились? — говорила она, быстро передвигаясь по комнате и заглядывая во все темные углы. Марк Леонардович тоже суетился, стараясь услужить своей старухе и опасаясь какой либо промашки по хозяйству.

— Что это значит, почему здесь лежит Женин портсигар ? ! — удивленно спросила Ирина Захарьевна, обнаружив в бельевом шкафу дорогой, украшенный художественной мозаикой, портсигар.

— Я еще не успел тебе рассказать, что Женя с Николаем Ивановичем наконец уехали, — не совсем по вопросу отвечал Марк Леонардович.

— Уехали? Дай Бог им счастья, — пожелала Ирина Захарьевна. — Да, но все же, почему у нас портсигар?

— Какая ты право! Ну, Женя его мне подарила, — хмурясь сказал Марк Леонардович.

— Вы примирились? — обрадовалась Ирина Захарьевна. — Право же, Женичка не плохой человек! Она к нам заходила, когда же?

— Заходила, кажется на Троицу, — недовольно проговорил доктор. — Знаешь что старуха, я к твоему приезду накупил разной снеди, разберись ка лучше во всем этом.

КАНИТЕЛЬ

I

По возвращении Ивана Филипповича из психиатрической больницы спрос на него заметно возрос. Приходили знакомые, малознакомые и даже незнакомые; последние — познакомиться. Но все были разочарованы: человек как человек, ничего особенного. Общую мысль, как всегда, выразила госпожа Расчетова:

— Представляется! — решила она. — Не может быть, чтобы окончательно вылечили. Такого не бывает!

— Ку-ку-ре-ку! — без особой на то необходимости петухом вскричал господин Расчетов, и захлопал воображаемыми крыльями.

— Тю! Замолчи ты, псих несчастный! — прикрикнула на него недовольная супруга.

Поехали навестить Ивана Филипповича и мы, старые его соратники.

По дороге Толя усмехнулся и сказал:

— В данном случае не спросишь: ну как, Иван Филиппович, ваши дела? Совсем поправились?

— Да, это не удобно, — согласился я. Решили вопросов о здоровье больному не задавать.

Вскоре мы подъехали к нарядному, двухэтажному дому, стоящему в глубине сада.

— Кажется здесь, — сказал я. — Однако отхватил себе Иван Филиппович именьице, нечего сказать!

— Приличный бюльдинг, — подтвердил Толя. — И выплачивать за него, вероятно, нужно всю жизнь и даже дольше!

Встретила нас в гостиной дочь Ивана Филипповича — Лена, русско-американская девушка. Она была одета по модному: в стоптанных башмаках на голую ногу, мужской ночной сорочке и в синих, смытых штанах. Волосы у нее ввиде метелки были повязаны на затылке красной ленточкой. И все же девушка выглядела миловидно.

— Пришли Василий Николаевич и Толька, — вглубь крикнула и сообщила нам:

— Папка где-то близко, сейчас сюда присунет. Как, господа, поживаете?

— А, Лена! Как поживаешь, — отпарировал Толя, и разговор иссяк.

За четыре года, прожитых в Америке, семья Ивана Филипповича, советского учителя географии в городе Ессентуках, обросла недвижимым и движимым имуществом. Процесс первоначального накопления протекал естественно и незаметно. Началось с переезда из Нью-Йорка в поселок на Лонг-Айланде и покупки там усадьбы. Затем были разновременно приобретены нужные и ненужные предметы: рефрежиратор, стиральная машина, пылесос, телевизор, вентиляторы и прочее. Куплено было и множество часов. Часы постукивали во всех углах, висели на стенках, стояли на столах и комодах. При таком обилии часовых механизмов отгадать примерно время было не столь трудно.

За все это великолепие Иван Филиппович должен был не обижаясь платить. Механизмы по очереди портились, и в доме всегда было что выбрасывать и что чинить.

Сведения эти мы добыли из последующей беседы с хозяевами.

— Так что, господа, Бога нам гневить нечего, — вяло, избалованный общим вниманием, говорил Иван Филиппович. — Живем, хлеб жуем, все работаем и приобретаем!

— Папка! — из соседней комнаты капризным тоном отозвалась Лена. — Почему теливизор не играет ? ! Наверно ты его опять крутил?

Становилось скучновато. Толя оглянулся и, воспользовавшись, что вышли все родственники, небрежно заметил:

— Все, я вижу, у вас, Иван Филиппович, уже имеется: и дом и часы и пенкосниматели новейшие, одного не хватает — автомобильки! — Хотя-бы поганенькой!

При этих словах хозяин наш заметно оживился:

— Автомобильки! — сердито фыркнул он. — Мы, молодой человек, приобрели не автомобильку, а 8-ми цилиндровый Бюик 54-го года!

— Ах так! Но чтож его нигде не видно?

— В гостиной не держим, — сухо отвечал Иван Филиппович.

— Бюики тяжеловаты, не угонисты, — не отставал Толя.

— Бюики не угонисты ? ! — засверкал глазами Иван Филиппович. — Да я на моем Бюике всякую шваль вроде вашего Шевроле . . .

Тут в комнату вернулась Арина Алексеевна, и Иван Филипович на полслове оборвал, продолжая, однако, сердито фыркать.

— Вот оно, где собака зарыта! — на обратном пути решил Толя. — И сумасшедший дом и прочие любопытные вещи. Только при жене у него ничего не выпытаешь!

— Да и нехорошо, возможно. Все же бывший больной . . .

— Знаете что, — не слушая моих возражений, предложил Толя. — Давайте в следующее воскресение

выманим Ивана Филиповича из дома и где-нибудь в тиши порасспросим. С научной целью конечно, — серьезно добавил юноша.

II

В следующее воскресение сидели мы вчетвером (к нашей компании прибился господин Расчетов) в садике, что позади русской лавочки, кушали домашнюю простоквашу и любовались видом на взморье. В беседе, между прочим, выяснилось, что Иван Филиппович верит в перевоплощение душ.

— Когда я был вождем индейцев, — повествовал Иван Филиппович, — мои воины загнали сюда стадо бизонов. Окруженные со всех сторон, и не видя возможности прорваться, животные кинулись с кручи и все разбились. Наверно еще и сейчас можно найти много костей.

Толя привстал со стула и глянул вниз.

— Бизоновых костей не видно, — сообщил он и подмигнул мне. — Наверно они в течении веков трансформировались в пустые консервные банки.

Иван Филиппович подмигивание заметил и огорчился.

— Напрасно, молодой человек, смеетесь, — с горечью в голосе проговорил он. — Разве я выгляжу сумасшедшим?

Мы дружно запротестовали:

— Совершенно нет, напротив, — сказал я.

Господин Расчетов пошел еще дальше:

— Что вы, Иван Филиппович, упаси Господи, — уверял он. — Вы поправились. Очень, очень красиво выглядите!

Толя, желая направить разговор по желательному руслу, нас перебил:

— Господа мы отвлеклись, — значительно произнес он. — Итак, Иван Филиппович, как вы начали уже рассказывать, в один прекрасный день вы с Леной направились к автомобильному дилеру с целью...

Иван Филиппович провел рукой по густой еще щетине подстриженных под ежик волос, напряг мускулы лица, внушительно крякнул. На нас вдруг повеяло чем-то монолитным, бронзовым. Вроде как на мгновение мелькнул солнечный лик городового добрых старых времен. Мы притихли...

— ...С целью, конечно, молодой человек, приобрести себе машину, — медленно произнес он. — Что же это такое, — рыдала Лена. — Мышкины давно ездят, князья Позаревские, Елагины, даже идиоты Бруки и те... Только мы, как зачумленные, по парквеям пешком шалаемся. Завтра в школу не пойду. Будет!

— Подожди. Вечером может соберемся, — сказал я. — Не говори матери и перестань плакать. И действительно вечером завернули мы к дилеру на большой дороге. Там прожектора, разноцветные флажки словно на карнавале, и ряды машин. Лена, не долго раздумывая, подошла к правофланговой машине и говорит уверенно:

— Вот эта серенькая мышка будет наша!

Признаться я оторопел немного:

— Подожди, говорю, почему именно эта серая мышка, а не та лиловая крыска?!

— Ах, папа, ты ничего не понимаешь, — рассердилась Лена. — Это Шевроле, в прекрасном состоянии. Посмотри получше!

Смотрю: колеса, фонари, крылья, все на месте. Блестит и серое.

— Может она тысячи стоит, — не уступаю еще я. — Надо спросить.

Тут уже нас заметили и к нам в развалку подходит испанского вида молодой субъект, улыбается.

— Халло, господа, — говорит. — Я вижу, что мисс понимает толк в машинах. Эту Шевроле наша фирма, собственно говоря, не намерена продавать. По причине исключительного качества.

— О, мистер, — зарделась Лена. — Она мне так понравилась!

— Только для вас, милейшая леди. Мой компаньон будет на меня сердит, — уверяет испанец. — Угодно господам, попробовать машину на ходу ? !

— Спроси сколько стоит, — шепчу я Лене.

Оказывается четыреста долларов со всеми потрохами! Я быстро соображаю: даром! У нас в Пятигорске за эти деньги наверно примуса не купишь! Для вида однако торгуюсь:

— Скажи, что больше трехсот не дадим! — шепчу дочери.

Но та махнула рукой и уже лезет в кабину. Субъект сел за руль и мы покатили. И приехали мы с серенькой мышкой прямо к нам во двор!

Утром машину обнаружила Арина Алексеевна, спрашивает:

— Кто это у нас свою машину оставил ? !

— Это наша машина, — отвечает Лена. — Правда, мамочка, прелесть!

Арина Алексеевна, однако, с этим не согласна:

— Что за дура петая! — говорит она с возмущением. — Немедленно доставляйте машину обратно. У нас и денег нету и управлять некому!

Тут я выступаю на передний план и говорю:

— За машину уже уплачено, обратно не пойдет. Что же касается управления, то не беспокойся. Вначале шоферить научусь я, а там Лена подрастет и Николай вернется из армии.

— Ты ? ! — презрительно сказала Арина Алексеевна. — Не забудь, что тебе уже стукнуло пол столетия!

В такие почтенные годы прямой путь в телеграфный столб!

— Не спеши, говорю, мать, вокруг столба объедем! И ты, Арина Алексеевна, вторую четверть столетия докушиваешь. Гордиться нечем!

Лена видя, что разговор уклонился в сторону, на всякий случай начала плакать и абстрактно причитать:

— Всегда они, проклятые, так! Сбегу из дома с негром, и все!

Иван Филиппович тяжело засопел и остановился. Почувствовалось, что повествование докатилось до какого-то рубежа, так сказать — станции. Толя, внимательно посмотрел на учителя и решив, что простоквашей уже не двинешь поезда на подъем, отлучился и вскоре вернулся с бутылкой Кагора и бокалами.

— Сейчас со льда, — сообщил он, наливая янтарную жидкость.

Мы отведали, одобрили и многозначительно замолчали. Молодому же человеку не терпелось:

— И что же, скоро вы получили право на езду? — спросил он.

— Двенадцать раз, — тихо отвечал Иван Филиппович.

— Что ? ! — поперхнулся юноша. — Как вы сказали?

— Двенадцать раз я держал испытание, на тринадцатый — преодолел!

Нам стало неловко и мы отвели взоры от преодолевшего.

— Бедняжка, что вы пережили! — наконец нашел господин Расчетов слова участия. — Вы просто герой!

— Да, я герой! — без ложной скромности подтвердил Иван Филиппович. — Простите, господа, я буду дальше краток. Слишком тяжело! Это испытание напоминает мне то время, когда я был проконсулом в северной Галлии и мне пришлось . . .

Толя решил не допускать больше никаких исторических воспоминаний, и потому решительно вмешался:

— Насчет вашего проконсульства, Иван Филиппович, мы готовы слушать до бесконечности. Преинтересная тема на следующее воскресение. Сейчас же разрешите вам задать несколько вопросов по существу. Вам не везло или вы оказались не столь способным?

Иван Филиппович недовольно посмотрел на неучтивого юношу, но к нашему удивлению легко смирился.

— Автомобильные мои способности средние, — сказал он. — Не везло же мне исключительно. На первом экзамене я с размаха въехал в задок чей-то подвернувшейся машины. Полицейский инспектор, который производил испытание, молча вылез, молча обошел вокруг сцепившихся машин, потом сам сел за руль и мы благополучно прибыли к месту старта. Затем я стал щелкать испытания как орехи. Второе, пятое, седьмое . . . Каждый раз почтой получалась бумага с указанием количества отрицательных баллов. Прошло пол года и положение стало невыносимым. Я потерял 12 фунтов живого веса, перестал спать, ночью мне часто являлся тот же кошмар ввиде обнаженного, извините, ниже пупка полицейского инспектора с советской государственной эмблемой в зубах. Арина Алексеевна, вместо того чтобы меня поддержать, вдохнуть волю к победе, своими репликами меня принижала.

— На твоем месте, говорила она, — я бы честно призналась, что я бревно и бросила всю канитель. Добром это не кончится!

Сечь по больному месту и не замечать этого, способна только любящая женщина! Я скрежетал зубами, и забившись в темный угол плакал горькими, мужскими слезами! Но как это в жизни бывает, в критический момент явился добрый ангел. Бывший боцман. Он попробовал мое искусство водителя и вдохновенно воскликнул:

— Да вы, Иван Филиппович, профессор! Они (дальше следовало несколько морских терминов) хотят с вас сорвать. В следующий раз на экзамен я поеду с вами. Готовьте пару десяток. Дело верное!

Перед стартом мой ангел меня поучал:

— Вот вам прозрачный конверт, вложите деньги и по дороге положите на сиденье между собой и инспектором. Перед отъездом я загляну в окошко и громко скажу: «пут конверт!» И дурак догадается!

Напутствуемые «путь конвертом» мы отъехали. Всю дорогу я только думал о том, чтобы во время положить деньги. В глухом переулке мне это удалось, но два колеса серенькой мышки оказались на тротуаре.

При прощании инспектор мне сказал:

— Вы здесь что-то обронили. Ответ получите по почте.

Количество отрицательных баллов на этот раз было исключительно высоко. Я понял, что боцман был ложным ангелом, и с ним расстался.

На тринадцатый раз наконец пришло разрешение на право езды. Когда я с драгоценным документом приехал домой, семья устроила мне торжественную встречу. Путь был устлан цветами, на деревьях зажглись разноцветные лампочки. Мы пили шампанское.

Иван Филиппович опять замолчал и стал вытирать вспотевший лоб.

— Ну слава Богу, слава Богу, — взволнованно шептал господин Расчетов. — Вы выстрадали себе, Иван Филиппович, мир и покой!

— Какое! — потупился вдруг Иван Филиппович. — Настоящие мои испытания с этого времени только начались!

— Не может быть, — подскочили мы.— Немыслимо!

Толя, воспользовавшись общим замешательством, поспешно снова наполнил наши бокалы.

IV

Иван Филиппович вскоре сам возобновил свой рассказ:

— Дальнейшие мои злоключения, — повествовал он, — шли по двум линиям. Оказалось, что механизмы серой Мышки изъезженная труха. Пришлось заменить ей внутренности, разные клачи, трансмиссии и прочее. Стоило это дорого! Потом начались у нас дорожные приключения. Когда после капитального ремонта, в первый раз с разрешением, я с Леной вечером выехали на проездку, нам повстречался грузовик.

— Да обгони же ты эту галошу, — сказала Лена.

Я нажал на газ, Мышка рванулась, но на повороте грузовик нас прижал. Я хотел затормозить, но наверно в спешке произвел не ту манипуляцию рычагами. Мы налетели на отставленную машину, руль у меня вырвало и, проломив ограду, двинули в пропасть.

— И Господь вас все же сохранил! — вырвалось у Расчетова.

— Сохранил! — мрачно, словно недовольный таким оборотом дела, подтвердил Иван Филиппович. — Но подождите !.. Первая пришла в себя Лена.

— Папка, ты жив? — потирая ушибленные коленки, спросила она. Затем с большим трудом выбралась из, стоящей почти отвесно, машины и исчезла в темноте. Довольно долго она блуждала, а я сидел неподвижно, с ощущеньями свалившегося с верхней полки куля. Все во мне и на мне звенело и тосковало. Наконец появилась снова перепачканная глиной Лена.

— Все благополучно — сообщила она. — Мы крепко висим на дереве над кручей. Чужую машину на дороге ты изуродовал, нашей Мышке тоже снес нос. Вылезь скорей, давай удирать, пока не подоспела полиция. Наш номер с машины я уже содрала!

И вот, «как тать среди нощи», я, почтенный гражданин и педагог, ползу на четвереньках по грязи в гору. Над нами распростерт величественный, ночной небосвод; ярко сияет созвездие Ориона.

Лена пыхтит, меня тянет, и рассуждает как взрослая:

— Лишь бы успеть удрать. Нашу Мышку мы оставляем в подарок желающим, побитый Каделак пусть чинит сам владелец. Да ползи же ты быстрей, моя радость!

К нашему счастью Арина Алексеевна уже спала. Утром мы ей рассказали, что дилер согласился переменить нашу Мышку на другую машину.

— Подумай мамочка, — врала Лена. — Доплатить придется гроши, и мы получаем роскошную, почти новую машину. Надо признать, что нашему папке везет!

Лена ездила несколько раз в прогулку на велосипеде мимо места катастрофы. Только на третий день серая Мышка исчезла из обрыва. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Иван Филиппович осушил до дна свой стакан и с видимой неохотой, устало досказал свою печальную повесть:

— Вскоре мы действительно приобрели в кредит Бюик 54 года и уже через несколько дней, с Леной же, на перекрестке сбили с ног двух неосторожных джентельменов. Они предъявили мне иск за материальный и моральный ущерб на смешную сумму в размере 38 тысяч долларов . . .

При этих словах в садик впорхнула госпожа Расчетова.

— А вот вы где! — плотоядно улыбаясь, произнесла она. — А я его, пьяницу, по всему городу ищу. Звонила к Арине Алексеевне. Мой, отвечает, тоже исчез!

— Когда я был египетским фараоном, — в сторону зашептал господин Расчетов, — я имел обыкновение

своих устаревших жен живьем замуровывать в пирамидах. Бывало только подмигнешь, а верный Фейзула, очень любивший такого рода поручения, уже скалит зубы.

— О-кей, отвечает, будет выполнено, мой великий фараон и повелитель!

— Какой фараон, что ты шепчешь?! — рассердилась госпожа Расчетова.

— Я говорю, — повысил свой голос Расчетов, — что тронут твоей заботой и спешу домой. Прощайте господа. Прощайте, Иван Филиппович, я буду молиться о вас!

Когда Расчетовы ушли, Иван Филиппович тоже поднялся. Бледен и значителен лицом. Глядя на него, даже Толя не решился дальше его расспрашивать. Всей группой медленно как на похоронах, двинулись к выходу.

НАШИ ДНИ

По случаю врачебного съезда нас с Иваном Филипповичем, одев в белые, лакейские кителя, отрядили в помощь к Толе на вешалку. С довольно кислым видом мы спустились в холл и предстали пред ясные Толины очи.

— Ожидается более пятисот делегатов, — сообщил наш новый начальник. — Если даже считать осторожно по гривеннику с носа, и то будет 50 долларов!

— Чаевые ? ! — сообразил Иван Филиппович. — Признаться, еще никогда лакеем не был! — По его лицу пробежала тень, впрочем он быстро овладел собой и даже заметно оживился. Стал стирать пыль, подравнивать вешалки и производить другие подготовительные и полезные действия.

— Вы должны называть гостей сэрами, — поучал нас тем временем Толя. — Например: вы забыли свой номерок, сэр! Премного благодарен вам, сэр!

— Как нибудь, как нибудь, — снисходительно улыбнулся Иван Филиппович. — Авось твою фирму не осрамим. Теперь же можно и покурить.

Мы осторожно опустились в глубокие, кожаные кресла, и странное дело, только опустились, тотчас почувствовали себя каналиями.

— Холлы роскошные понастроили, — оглядываясь и очевидно бравируя, говорил Иван Филиппович. — Настоящей же культуры и не нюхали!

— Действительно... А знаете все-же неудобно, возможно, что мы так расселись?

— Плюньте, здесь демократия. Нам, старым интеллигентам, может иной раз и странновато, молодежь же быстро осваивает. Недавно едем в бусе, басе или босе, чума знает как по ихнему. Словом всей семьей едем. Тесновато. Возле нас стоит нарядная американка, за ремень держится. Я толкнул своего Николая, шепчу:

— Уступи, оболтус, место. Видишь, дама!

— Нет, папа, принципиально не могу.

— Господа, говорю, что за дети теперь пошли. Прямо псы какие то, а не дети!

Тут мать в разговор впуталась:

— Что за ужасные сравнения у тебя, Иван Филиппович!

— Правильно! Заступайся всегда за них, еще не то увидишь!

— Ах, оставь пожалуйста... Но на самом деле, почему ты Коля, не хочешь уступить даме место ? !

— Если я буду уступать место каждой бруклинской шлюшке, — говорит Николай, — я потеряю к себе самоуважение.

Тут видим, что наша американка, до того державшая себя вполне индифферентно, начинает поводить глазами и краснеет. Мы тоже краснеем, так как чувствуем, что сейчас должно случиться что-то страшное.

— Поздравляю вас с сыном джентльменом, — говорит вдруг дама по русски, — и начинает пробираться к выходу.

— Понаехали тут разные.., — чтоб как-нибудь выручить брата, ворчит Лена. — Нарядилась под американку, дипишка несчастная, подумаешь!

Или в другой раз Николай мне заявляет:

— Знаешь, папа, я солидарист.

— Что ты дурак, мне известно, — осторожно говорю я. — Что-же касается солидаристов, то кто они такие?

— Так, папа, ты всегда, — обиделся Николай. — Критикуешь, не узнав еще в чем дело. Солидаристы это . . .

Узнать подробностей о солидаристах не пришлось. Появился Толя, дежуривший в тамбуре подъезда, и отдал приказ становиться по местам. Мы поспешно заняли позиции у временных вешалок. Толя стал у стационарной. Одна за другой стали подкатывать машины и из них вылазить громкие, самоуверенные господа, похожие скорей на акул капитализма, чем на врачей. Я снимал пальто и шляпы и передавал Иван Филипповичу. Последний с благожелательной улыбкой, но с большим достоинством их подхватывал и мелкой рысцой доставлял на вешалки. Когда поток гостей на время пресекся, Иван Филиппович, с озабоченным видом, отлучился.

— Сейчас, что нибудь учудит, — отозвался Толя со своей половины.

— Гм . . . Почему вы так думаете?

— Будьте уверены. Ивана Филипповича я знаю еще по Германии. Он в лагерях преподавал нам географию в русской гимназии. И его Николай и Лена со мной учились.

Запыхавшись, вернулся Иван Филиппович, в руках у него было две коробочки. Одну из них он поставил на видном месте на стойке и тут же запустил в нее пару карасей-полтинников.

— Пускай воздействуют на сэровскую психологию, — с улыбкой пояснил он. — Другую же мы поставим под стойку и вы отсыпайте в нее мелочишку — и тут же прибавил: — Не думайте только пожалуйста, что я вам не доверяю, но так будет целесообразней.

— О-кей, — охотно согласился я, понимая, что человеку бесконечно тяжело смотреть, как общие гривенники исчезают в чужом кармане.

Снова стали прибывать машины, в холле образовалась очередь. Вешалки гнулись под тяжестью шуб и пальто, и мы опасались, что не хватит места. К счастью делегатский поток вдруг оборвался и мы могли, наконец, вздохнуть свободно. Иван Филиппович заглянул в приоткрытые двери зала:

— Все места заняты, — констатировал он. — Красный стол президиума, пульт для докладчика, на стенах портреты вождей, словом все как у людей. Теперь можно часик, другой и отдохнуть.

Мы покосились на кожаные кресла, но вспомнив об их странных свойствах, предпочли простую лавку за стойкой.

— Если бы они только знали, кто их сегодня обслуживает, — вздохнул Иван Филиппович.

— Можно сказать коллеги!.. Эх, поздновато мы приехали!

— Но почему вы так задержались в Европе? — поинтересовался я.

— Все из-за жениных родственничков, — с горечью в голосе сказал Иван Филиппович.

— Дядя Отто и дядя Пьер! Не могу без содрогания о них вспомнить. Началось в Днепропетровске, куда нас к тому времени отнесло волной из родных Ессентуков. Нужно сказать, что моя супруга, Арина Алексеевна, по неизвестной причине чрезвычайно быстро осваивает чужие языки. Полагаю, что это происходит не от ума или больших способностей, напротив, просто по женскому легкомыслию. Нас, мужчин, с родиной связывают глубокие корни, у дамского же сословия какие же корни, одни перышки и хвост. Сегодня чилик-чилик по-воробьиному, завтра по-немецки, потом еще как нибудь. По случаю своих знаний и молодой наруж-

ности Арина Алексеевна работала у немцев в конторе, я же, как полагается пленному мужского пола, больше по задворкам, по помойной части. Однажды сидим мы вместе в подвале (большевики тогда уже осмелели и начали ночью налетать на город. Пошлют один два самолета, они кружат и через час швыряют по одной бомбе. При такой системе вероятность попадания в тебя лично небольшая, но нервы изматываются). Тут же с нами немцы-победители спасаются. Женин шеф, крупно-мордастый субъект с сутенерским пробором через всю голову, принес для развлечения гитару, трынкает и что-то поет. Я примостился в уголке, натянул на голову Леночкину шапочку ввиде вязаного чулка (хорошо уши прикрывает) и дремлю.

— Хочешь кусок кухена? — слышу возле себя голос жены. Шеф принес из кантины, нас угощает.

— Спасибо. Чему вы там так смеялись?

— Да как же не смеяться, — отвечает. — Херр Катердах сочинил романс: «Сегодня мне хочется обнять весь мир и в том числе тебя, моя Алиса». Алисой он окрестил меня.

— Что здесь забавного, — говорю я. — Довольно таки плоско. То же, что вы, Арина Алексеевна, позволяете какому то Дахкатеру коверкать ваше православное имя и вас публично обнимать, совсем гадко!

— Чему тут злиться, не пойму! Херр Катердах ведь только поет и кроме того он хочет обнять весь мир и, следовательно, хочет обнять и тебя.

— Покорнейше благодарю!

Леночка, которая у свечки перелистывала немецкий словарь, вдруг говорит:

— Как странно: русское слово «зацеловать» переведено на немецкий как «целовать до смерти». Ведь это смешно, правда мама?

— Что за мерзкие слова ты всегда откапываешь! — говорю я. — Совсем испорченная девченка!

— Посмотри, папа, сам, если не веришь!

— Чему здесь верить или не верить. (Только не плачь, ради Бога!). Почему же мне такие слова никогда не попадаются, а какой нибудь «забор» или «зулус», в лучшем случае.

— Удивительное пристрастие у тебя причинять людям боль, — говорит Арина Алексеевна. Наверно и тебе в пятнадцать лет попадались в словаре не одни только скучности вроде забора!

***

Появился запоздавший делегат. Когда мы его обслужили, я напомнил Ивану Филипповичу об основной теме его повествования, о дяде Отто.

— Имейте терпение, — недовольно глянул он на меня. — Сейчас подхожу к описанию проделок этого господина. Через несколько дней Арина Алексеевна в подвале же (был снова налет) небрежно так, словно мимоходом, заявляет:

— Я давно хочу себе и детям выхлопотать фольксдейчевские документы. Фолксдейтчам и пайки дают и вообще возятся. Херр Катердах мне часто говорит: — «Вы, фрау Алиса, так прекрасно говорите по немецки, что я никогда не поверю, что вы славянского происхождения». Эта дура Марта Иванова почти не говорит по немецки и то получила бумаги на том основании, что она «Марта» и у нее оберефрейтер Ганс состоит приятелем.

Я растерялся и нашелся только ответить:

— Как же ты, мать, такую могла штуку придумать!

— Очень даже просто! У меня есть фактические данные считать, что в моих жилах течет арийская кровь. Я кажется уже тебе говорила об онкеле Отто из Харькова, дяде по материнской линии?

— Что за чушь! Его фамилия, насколько я помню, что-то вроде Гаврюшкина и он, наверно вовсе не Отто, а просто Антон.

— Нет Отто, у меня документы случайно сохранились. Гаврюшин же он по русской транскрипции, понемецки же — Гавров, фон-Гавров. Все равно как фон-Бюлов, например.

Прозвучал отбой и мимо нас начали проходить к выходу немцы с дамами.

— Что он обо мне сейчас сказал и почему они засмеялись? — спрашиваю я о господине Дахкатере.

— Он сказал, что ты есть «тор», — отвечает Лена. — Подожди, я сейчас загляну в словарь... «Дас тор» — буквально будет «ворота».

— Ну причем же здесь ? !

— Подожди, папа. А «дер тор» буквально значит «глубокий дурак или идиот». Как странно, правда? Наверно он сказал это насчет твоего чулка на голове.

— Ты могла бы перевести это отцу и не так буквально, — говорю я. — Мой же головной убор чердачного кота совсем не касается!

Признаться, отнесся я ко всей пакостной истории с дядей Отто недостаточно вдумчиво (тогда уже было видно, что дело немцев проиграно!) и в результате натерпелись мы, когда пришли ИРО-вские времена, неизъяснимых бед и страданий. Еле-еле, правдами и неправдами, отмыли свою арийскую кровь. Но тут подоспел другой господин, по материнской же линии, дядя Пьер.

***

Из зала вышло проветриться несколько делегатов. За ними выбежал еще один господин и протянул нам номерок. Иван Филиппович вынес ему тяжелую, дорогую шубу. Господин не стал в нее облачаться, а поспешно полез во внутренний карман и, к нашему удивлению,

вытащил здоровенную пачку денег. Обрадовавшись, что деньги целы, он тут же подарил всем нам по доллару. Когда господин удалился, Иван Филиппович с возмущением сказал:

— Какая дерзость! Он нас наградил за то, что мы не украли его денег. Ну и нравы!

— Сволота порядочная! — согласился Толя. — Мы ему сохранили целый капитал, он же дал нам по талеру.

— Сохранили ? ! — удивился Иван Филиппович. — Гм . . , а ты разве полагаешь, что мы могли и «не сохранить»? !

Несколько озадаченный, понес Иван Филиппович шубу господина снова цеплять на крюк вешалки. И тут разразилась ужасная катастрофа!

Очевидцы происшествий несчастные люди. От них граждане требуют подробного доклада. Вместе с тем особенность всякой катастрофы (будь то обвал лавины, столкновение поездов и т. п.) — мгновенность. В какую нибудь долю секунды случается столь многое, что человеческий глаз не может всего запечатлеть. Менее добросовестных это не смущает и потому пошла поговорка: «врет как очевидец». Я слыхал однажды правдивый рассказ маленькой девочки, очевидицы столкновения автобуса с трамваем:

— «Он (автобус) не хотел уступить место ему (трамваю) и они друг на друга прыгнули и повалились на брюхо. Оба страшно кричали, моя же мама громче всех и меня увела».

Детскую правдивость стремлюсь сохранить и я при описании происшествия в холле.

Шуба делегата каким то образом нарушила шаткое равновесие вешалки и вся временная система мгновенно пришла в движение. Все зашаталось, загудело и рухнуло. Там, где только что гордо стоял человек и высились вешалки, не было ничего. У подножья же гро-

моздились руины из пухлого снега, камней и обломков столетних сосен и елей. Безучастно сияло солнце, кругом — жуткое безмолвие. Тишину нарушал лишь монотонный голос докладчика, чуть слышный из приоткрытых дверей зала заседания.

Первым опомнился я, и с тревогой позвал:

— Иван Филиппович, вы живы?!

В ответ послышался приглушенный, идущий как бы из перины, стон пострадавшего.

— Шевельните, голубчик, ножкой или ручкой, если они у вас еще целы, — попросил я. — Мы должны знать место, где начать раскопки.

Затем, используя, главным образом молодые силы Толи, нам удалось благополучно вытащить отважного альпиниста, и поднять вешалки вместе с висящими на них робами.

Иван Филиппович предстал перед нами несколько помят и красен лицом, но вполне еще жизнеспособен. И такова сила советской закалки, что он не стал себя ощупывать, а прежде всего поинтересовался состоянием вверенного ему имущества.

— Какое счастье, — сказал он, — что ни одна шуба не сорвалась со своего номера! А то было бы нам дело! — Потом обвел взором ряды вешалок и не без сарказма заметил:

— Вот вам и хваленая американская техника!

— А шляпы?! — воскликнул Толя.

Только тогда мы обратили внимание, что все головные уборы разлетелись по комнате, и не было никакой возможности снова водворить их по месту и номеру.

— Теперь, господа, мы пропали! — выразил общую мысль Иван Филиппович. — Пять лет «строгой» нам обеспечены.

Стали мы судить и рядить. Ничего лучшего не придумали, как принести длинный стол и разложить на нем для обозрения клиентов их злополучные шляпы.

— Не хотел бы я быть на месте одного из владельцев, — сказал Иван Филиппович. И действительно, казалось безнадежным делом среди сотни шляп найти свою, единственную.

— Считаю целесообразным, чтобы Толя перешел на нашу, а мы на его сторону, — предложил Иван Филиппович. — Он и опыт имеет и лучше владеет английским языком.

— Совершенно верно, — поддержал я Ивана Филипповича.

— Нет, господа, я не считаю это целесообразным, — сухо возразил Толя.

Стали мы с тоской на сердце, но и не без любопытства, ожидать нашей судьбы. Первыми появились бегуны, не досидевшие до конца заседания. Нечистая совесть не позволяла им быть слишком требовательными. Иван Филиппович сначала выносил пальто, потом жестом широкого гостеприимства указывал на стол, и предлагал выбрать шляпу по вкусу. Время от времени Толя со своей половины давал краткие разъяснения по английски. Делегаты задумчиво подходили к столу, обходили вокруг, иные по каким-то неуловимым для нас признакам находили свое имущество, другие долго беспомощно бродили, не зная, что предпринять. Когда начался массовый разъезд, возле стола образовалась настоящая ярмарка. Некоторые смеялись; желчные — начинали нам выговаривать. Но так или иначе число делегатов медленно, но верно убывало, убывали и шляпы.

— Уходят лучшие шляпные экземпляры, дрянь же остается, — тревожился Иван Филиппович.

Постепенно выявлялось чудо. Через час в зале оставался один только делегат (возможно сам докладчик!) и на столе в холле лежала одна шляпа. Когда запоздавший явился, я помог ему надеть пальто, Иван Филиппович же с большой готовностью подал последнюю шляпу.

Господин докладчик не раздумывая ее надел, но тут же снова сорвал.

— Это не моя шляпа! — сердито сказал он.

— Другой, сэр, у нас в настоящее время нет, — любезно сообщил Иван Филиппович. Нам на помощь прибежал Толя, с хода давая краткие пояснения по английски.

Господин докладчик презрительно отшвырнул от себя шляпу, церемонно поблагодарил нас за хорошее обслуживание и с обнаженной головой вышел на улицу, под снег и ветер.

— Вот еще чудак, наверно венеролог! Совсем еще приличный шляпец, — говорил Иван Филиппович, примеряя шляпу перед зеркалом. — Если не возражаете, я ее оставлю себе.

Очень довольные, что шляпная трагедия кончилась столь благополучно, мы быстро убрались, подсчитали чаевые (пришлось по 15 долларов на человека!) и на рысях двинули домой.

По дороге к собвею я вспомнил и попросил Ивана Филипповича досказать историю с дядей Пьером.

— Что тут досказывать, — нахмурился Иван Филиппович. — Этот субъект выплыл уже после капитуляции. Арина Алексеевна вспомнила тогда, что у нее есть еще один дядя, старый эмигрант, проживающий в Париже. По ее соображениям он мог бы нас выручить из скверного положения, в которое нас поставил дядя Отто. Она узнала его адрес и ему написала. Вскоре пришел ответ. Дядя Пьер сообщал, что он сейчас очень занят перед отъездом на родину. Он получил, мол, уже советский паспорт и надеется скоро быть в своем доме в Москве. Нам всем он советует ни мало не медлить и поступить так же.

Арина Алексеевна была заметно смущена посланием дяди Пьера.

— Насколько я помню, он всегда был притрушенный, — только сказала она.

— Нет ли у тебя в Америке еще дяди Джека? — спросил я.

— Такого нет, почему?

— Жалко! Мы, переехав туда, возможно могли бы ему помочь. Он, наверно, как рецидивист, отбывает пожизненное заключение!

— Какие ни есть, а все же родственники! — решила Арина Алексеевна по дамской своей логике. — А вот у тебя никого нет!

ВСТРЕЧА НА ПРИСТАНИ

I

Вскоре после войны выписал из Европы старый эмигрант, профессор Сергеев, нового, и стал ждать. Время идет, новый не едет и напали на профессора сомнения: не нажил ли себе беды. На родине он не был много лет (эмигрировал еще при царе), что там за люди, как преобразились, совершенно неизвестно. Может народились за советское время марлоки какие, приедет такой голубчик в стоптанных валенках на босу ногу, возись с ним! Может быть они по человечески и разговаривать разучились! Генеральша Авакумова, что из Югославии, женщина мистической складки, так и разъяснила: «В Совдепии говорят лишь начальники, остальные только взвизгивают». Профессор было испугался: — «Вы так полагаете ? ! , но тут же усумнился: — «Не может этого быть, Варвара Петровна, не думаю!», — впрочем с благодарностью взглянул на генеральшу: не рассказала на этот раз ничего об антихристе!

Вначале писал старый новому длинные, вдохновенные письма (писать любил и умел). В особенности когда узнал, что новый — врач, окончил Московский университет. — «Дорогой коллега! Я совершенно счастлив, что могу вам быть полезен по мере своих малых сил и средств. Приезжайте же поскорей, будет у нас с вами о чем поговорить, что вспомнить. Вечные идеалы, вдохновлявшие нас в юности, еще живут в глубине наших

душ. Стареет плоть, дух же вечно молод . . . и т. п.», на многих страницах.

Ответы получались без просрочки, но без всяких изъяснений чувств.

— «Многоуважаемый Николай Николаевич! Письмо ваше от такого-то получил и прочел с интересом. Полагаю только, что плоть наша еще кое-как сохранилась, с духом же слабовато, порастеряли в пути. Дело наше задерживается: документация, проверка личности и прочая скучная труха. Немедленно извещу при продвижении. Извините за причиненное неудобство, с уважением Р. Фокин».

Старый не унимался, все писал. И вот, однажды, получил ответ не от папаши, а от сына. Последний писал, что уполномочен ответить «на Ваше великолепное послание» и в дальнейшем, по случаю сильной занятости отца, переписку будет вести он, Фокин-младший.

Профессор Сергеев обиделся; писать Фокину-младшему интереса не было. Пол года прошло как в потемках. Все происшествие стало постепенно забываться, как вдруг пришла телеграмма из Бремена: — «Формальности закончены, выезжаем вчетвером, генералом Мюром. Просим встретить. Фокины».

И пошли по стоячей воде большие и малые круги. Надо было приготовить для новых жильцов комнаты, запастись лишними деньгами и продуктами, следить за ходом корабля в море, встретить на пристани и прочее. Практическая часть, как всегда. легла на Лику, единственную профессорскую дочь и «золотце», с молоду заменившую в доме рано умершую мать. Профессор же взял на себя научную разработку вопроса.

— Будь с ними осторожна и снисходительна, — поучал он. — Помни, мое золотце, что к нам едут люди

«оттуда». За время большевизма они одичали не только в моральном смысле, но вероятно и в своем поведении. Это примитивы!

— Но Фокин ведь врач, — осторожно сказала Лика.

— Врач! — скептически чмыхал профессор. — Это ничего не означает. Там не старые врачи, а советские лекспецы, то-есть малокультурные, узко обученные люди. Старая русская интеллигенция, явление мировое, небывалое, давно вымерла, народилась ... и пошел и пошел, лишь с трудом сумела Лика вставить:

— Почему Фокиных едет четыре персоны, документы ведь нами высланы только на трех ? !

— Действительно интересно, почему четыре ? ! — прервал свои рассуждения профессор. — Не совсем понятно ! .. Гм ... может быть они везут с собой Жучку или любимого петуха, так сказать, единственный сувенир с советской родины?

— Если четвертая персона дог, то его можно будет временно поместить под верандой, — деловито заметила на это Лика.

II

В океанском просторе попал генерал Мюр в полосу весенних бурь. Корабль сначала замедлил ход, потом стал кружить, нырять на месте. Пассажиры жестоко страдали, выли истошно, требовали немедленной высадки. Лике, дважды выезжавшей напрасно на пристань, стало тошно и на берегу.

— Ну и папка, всегда влипнет, — неодобрительно думала она об отце.

Снова выехала, только получив из Нью-Йорка сообщение, что «генерал» входит в гавань.

Перед самым отъездом профессор успел высказать несколько полезных суждений:

— Эти люди, вырвавшись за границу, несомненно впали в нервный шок, — говорил он, бегая вокруг машины. — По гениальному выражению Достоевского, они уязвлены. Уязвлены западной культурой, свободой, богатством, красивой одеждой, едой. В убогом рубище, с любимым петухом под мышкой, несчастные жмутся к стене . . .

— О-кей, О-кей, папочка . . . Отступи-ка немного!

Лика в сердцах безжалостно вздыбила свой новый Бюик и рывком вынеслась на улицу. Через полтора часа она была уже на пристани. Вдали, в обширном загоне виднелся кучами наваленный скарб — ящики из неструганных досок, распухшие баулы; тиграстые перины, чайники, детские горшки, и вокруг всех этих ужасов, вяло копошилось обиркованное человеческое стадо. У Лики тоскливо засосало в груди и возникло желание сбежать. Но отступать было уже поздно: к ней подскочил длинный, изможденный господин, судя по повязке на руке, благодетель от мировых церквей. Сей господин, не смотря на Лику, обращаясь к какому-то множеству на стороне, побежал на месте.

— Господа, господа! — с укоризной зачастил он. — Что вы с ними делаете? Опаздываете, а люди ждут, волнуются. Мы не знаем, кого куда списывать. Нельзя так, господа . . .

Лика осторожно оглянулась и определила, что «господа» это она в единственном числе, и это открытие придало ей смелости.

— Позвольте! — сказала она хмурясь. — Пароход опоздал на три дня, я уже выезжала.

Распорядитель обратил свой взгляд на молодую женщину и подобрел.

— Есть, есть в партии такие, помню, — проговорил он уже мягче, узнав, что она приехала за Фокиными. — Но уверены ли вы, что эти . . . (он, повидимому,

затруднился в определении) ...эти люди выписаны вами?!. Впрочем обождите, я сейчас позову старшего, познакомлю.

И не дожидаясь ее ответа и согласия, господин побежал зигзагами, как-бы следуя по извилистой тропинке, вглубь загона.

У Лики опять что-то оборвалось внутри и, в предчувствии беды, она стала медленно прохаживаться в промежутке от толстого полицейского, охранявшего выход в свободный мир — с одной стороны, и до белокурого мальчика, сидящего на ограде — с другой. Оба, полицейский и мальчик, скучали и были не прочь заговорить с ней (Лика это чувствовала) и потому она, не доходя несколько шагов до заставы, хмурилась, поворачивала и шла в противоположную сторону. Мальчику эта игра наконец надоела, он соскочил с ограды и пошел Лике навстречу.

Тут только Лика рассмотрела, она была близорука, что это вовсе не мальчик, а юноша редкой наружности. Бледненький, стройный, кудри цвета зрелых хлебов, большие серые глаза, и к тому же бархатная курточка и черный, шелковый шлипс.

— Боже мой, на кого он похож?! Из сказки прямо! Руслан или скорей Алеша Попович! — засмотрелась на него Лика. Она знала толк и была внимательна к интересным мужчинам.

— Извините меня, мэм, — тем временем вежливо, но без всякой искательности, отнесся Алеша. — Я слыхал, что вы выписали этих кретинов. Удивительно, как вы могли так влопаться?!

— Почему влопаться? Почему кретины?! — остановилась Лика и почувствовала, что краснеет. — Меня удивляет, молодой человек, ваше замечание!

Однако «молодой человек» пренебрег строгостью ее тона.

— Подождите, сейчас увидите «почему», — проговорил он весело. — Это белорусские сектанты, изуверы. Мы плыли с ними и они всю дорогу нас развлекали. То они отгоняли от себя бесов, то молились своему Даждь-богу, то просто выли со страха. И вот представьте. — ... Алеша не без лукавства глянул на Лику. — И представьте, вымолили таки себе в покровительницы прелюбезную этуаль!

Это было уже совсем непочтительно. Лика еще больше покраснела и смешалась.

— Бог знает, что говорите, — нашлась только она. — Но вообще.., я не знаю, что такое «этуаль».

— Я тоже не знаю, — чистосердечно сознался Алеша. — Так любил шутить мой папа, когда мама его спрашивала, что за особа была у него на приеме. — Одна этуалька под вуалькой, — обыкновенно говорил он. — Впрочем, дорогая, успокойся, «с хвистиком и двумя вушками» как оно и полагается.

— Ваш отец видно такой же насмешник как и вы, — не решив еще, за всей глупостью, обидеться ли ей или нет, сказала Лика.

— Нет, мой отец совсем в другом роде, — отчужденно проговорил юноша. — Он материалист и для меня неприемлем.

— Отец неприемлем!! — в сокрушении воскликнула Лика, но ответа уже не получила. Вблизи зароился новый народ и отвлек их внимание.

III

У входа почти одновременно появились: несколько мужчин в черных монашеских одеяниях, две разряженных дамы неопределенного возраста, и пожилой господин малых размеров с пышной дамой. На ремешке дама вела откормленного бульдога. Дама стала что-то объ-

яснять полицейскому, оживленно размахивая левой рукой (правую руку бульдог тем временем старательно выдергивал у ней из предплечья).

— Видно что это «наши» и по английски ни мур-мур, — решил Алеша. — Пойду им на помощь, возможно что они наши спонсэры.

Как только он ушел, из темной прелости закута вынеслась пара: знакомый уже распорядитель и огненный старец в белой, толстовской рубахе на выпуск. Пара быстро приближалась, уверенно кружа по той же волнистой, невидимой тропке. Впереди летел распорядитель, за ним поспевал, прихрамывая, старец, энергично стуча и помогая себе посохом.

— Прошу знакомьтесь и уславливайтесь о дальнейшем, — не останавливаясь крикнул Лике распорядитель и взял новый курс — к выходу, где он учуял свежую, его касающуюся, дичь. Вскоре оттуда донесся его полный укоризны голос:

— Господа, господа, что вы с нами делаете...

Возле же Лики, во внутренней стороне от ограды, остановился, опираясь на двурогий посох, загнанный старец и воспаленными, словно подведенными, глазами на нее уставился.

Лике, далекой от всякой чертовщины, обеими ногами твердо стоящей на этой земле, стало жутко. Этим утром она уже однажды ощутила на себе потустороннее дыхание. Но если светлоокий юноша вызвал ее сравнение с Русланом и Алешей Поповичем, радужными героями народного эпоса, то старец ассоциировался с обитателями по ту сторону светлой черты: бабой-ягой, лешими, упырями, русалками с рыбьими хвостами, Григорием Распутиным и другими мрачными «деятелями». Появилось даже чувство, не вполне осознанное правда, о какой-то причастности к афере самого генералиссимуса. Мысленно осенив себя крестным знамением и душевно подобравшись, Лика наконец выдавила из себя:

— Вы . . . вы доктор Фокин ? ?

—Верно, любова, верно, — закивал старец еще черной, смолистой бородой. — Мы целитель душ и телес, прозванный Фогиным. А тебя, матка утешительница, как прикажешь величать, за кого возносить моления?

Лике показалось, что старец готов немедленно, здесь, посреди людной нью-йоркской пристани, возопить к небу особым и предосудительным образом, и она растерянно протянула, защищаясь от удара, свои холеные с карминовыми ногтями, руки и даже зажмурилась.

— Не надо, прошу вас . . , — испуганно прошептала она. — Ради Бога не надо никаких молений! — и чтобы как-нибудь отвлечь внимание старца, встряхнулась, и заговорила быстро и радостно:

— Как поживаете, вас не укачало ? . . Меня зовут Гликерией Николаевной . . . Что будем, мистер Фокин, делать дальше . . . Вас сколько человек приехало из Европы, четыре ? . .

— Верно, матка Гликерия, — четыре человека и четыре женки, да еще детская поросль с нами.

— Что . . . о ? ! Не может этого быть, вы телеграфировали! — захлебнулась молодая женщина, и почувствовала, что тонет окончательно.

. . . И тут, озираясь вокруг в поисках спасительной соломинки, она к своей радости увидела, что на выручку к ней со всех ног бежит Алеша.

— Все выяснил, — кричал юноша. — Произошла, как говорится, досадная опечатка! Святой отец именуется Фогиным и за ним приехали его единоверцы, черная братия, что торчат у входа. Наше же славное имячко Фокины и вы, милейшая мэм, наша госпожа-спонсэрша. Ура!

Подтянувшийся к месту происшествия распорядитель подтвердил новую ситуацию.

— Прошу меня извинить, господа, — оправдывался он довольно вяло. — Фокины, Фогины — затруднительно разобраться во всем этом тумане. Кроме того я сегодня еще не курил.

И действительно, по страдальческому выражению его лица присутствующие видели, что человек сегодня еще «некуримши» и пожалели его. От «милейшей же мэм», все еще нервно вздрагивающей, шел пар дорогих, парижских духов.

— Хорошо, что кончился кошмар . . , — слабым голосом произнесла она и обратилась к Алеше:

— Принесите мне пожалуйста чего нибудь холодного, я хочу пить.

IV

Лика была ростом чуть-чуть поменьше, чем ей было бы желательно. Отчасти поэтому она носила туфли на очень высоких каблуках. Отчасти же она их носила и потому, что молодая и модная женщина, не потеряв уважения к себе, иначе и не могла. Благодаря каблукам полный ее корпус, при быстром продвижении, приходил в боковое и опасное колебание, так сказать, в вибрацию. Алеша (который, как угадала Лика, на самом деле так назывался) положение неустойчивого равновесия своей дамы заметил и мысленно не одобрил — ему нравились спортивного типа девушки. Девушки, легкие на бегу, которых с трудом можно нагнать. Пришлось укоротить свой шаг, хотя ему очень и нетерпелось. Молодая пара шла вглубь загона, к пришвартованному еще пароходу. Они намеревались вызвать из судового госпиталя и познакомиться с Фокиным-старшим. По дороге Лика узнала, — Алеша болтал непрерывно, — что их семейство явление сложное, рафинированное, как он выразился. Папа — доктор Фокин, прихо-

дился Алеше не родным отцом, а отчим. Мама, оперная артистка в прошлом, была трижды замужем. Первый супруг, настоящий отец Алеши, за аристократическое происхождение был ликвидирован. Затем был еще один, видный чекист и негодяй, тоже, когда пришло время, исчезнувший, и наконец, появился Фокин-старший. Последний был «материалистом» и модным врачем к тому же. Осев после войны беженцем в Германии, он умудрился оттеснить своих германских коллег и, несмотря на всякие каверзы, стоял во главе больницы в значительном рабочем поселке. Когда местные власти после крушения немного окрепли и попытались его снять с поста, чтобы заменить безработным немцем, женская половина поселка подняла бунт и настояла на оставлении господина русского профессора, «благодаря удивительным талантам которого, они только и живы».

— В день рождения папы, благодарные немки нанесли столько самодельных «кухенов», что мама три дня плакала, — рассказывал Алеша. — Теперь в Америке с первых дней начинается та же история. Наслышанные из-за океана неизвестным образом, дама с бульдогом (русская) и две другие дамы (немки) пришли на пристань, чтобы любой ценой выхватить с парохода чудесного доктора, так сказать, еще горячим.

После преодоления случая со старцем, все эти, по существу тревожные сведения, казались Лике вполне безобидными, даже симпатичными.

— Что вы, Алеша, кончили, что собираетесь делать в Америке? — спросила она, ласково улыбаясь, красивому юноше.

— В Германии я закончил среднюю школу, здесь, по настоянию отца, должен изучать медицину, но буду я поэтом, — уверенно сказал Алеша.

— Поэтом? — О поэзии Лика имела смутное представление, знала что этим денег не сделаешь. — Но

ведь это не бизнес, а . . . (она хотела сказать: «а блажь»), а «хаби», как говорят американцы.

Алеша, повидимому привык к возражениям в части поэзии и пропустил ее замечание мимо ушей. Откинув изящным движением руки свои светлые кудри, он с подъемом продекламировал:

«Что без тебя мне эта вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм без божества!»

— Кто это написал, я уверен, что вы не знаете? — задорно спросил он.

— Вы правы, и меня это не интересует, — сухо ответила Лика. — О таких вещах говорите лучше с моим отцом, он тоже знает наизусть много стишков.

— Стишков ? ! О, дитя ! ! (Нахал! — вспыхнула Лика). Вы чем живы? Где работаете? Почему вы «Лика»? В честь Бунинской Лики, да?

— Не несите чепухи! Не знаю я никакой Будийской Лики и не хочу знать, — всерьез рассердилась молодая женщина. — Я Лика в свою честь!

Алеша, повидимому, остался доволен, что ему удалось наконец вывести из терпения «милейшую мэм».

— Ладно, ладно! — примирительно и, вместе с тем, с обидным покровительством, произнес он. — Простите, если что не так, если «не пассует», как говорят поляки. Я как поэт, человек добрый и к человеческим слабостям понятливый.

Мальчишка, дурак! — недобро сверкнула Лика глазами. — Подожди же, «поэт», обломают тебе еще наши янки павлиний хвост!

Молодые люди были теперь у цели: перед ними мирно похлюпывал, постукивая широким своим бортом о причал, генерал Мюр.

V

У пароходных сходен дежурный моряк приветливо как старому знакомому, улыбнулся Алеше (как, впрочем ему улыбались все при встрече) и, выслушав его просьбу, с готовностью, излишне громко, прокричал на палубу, чтобы немедленно вызвали наружу русского доктора.

Вспышка гнева у Лики прошла, но остался на душе горький осадок глупой и незаслуженной обиды. Она теперь иными глазами смотрела на юношу: «красивая, но разбалованная и пустая балабошка!»

В ожидании отца «балабошка» заметно присмирел и не делал больше попыток задираться.

— Мама всю дорогу страдала и сейчас больна, — с грустным видом сообщил он. — Папа поместил ее в госпиталь и дежурит при ней.

Лика вспомнила и спросила о четвертой персоне, упомянутой в телеграмме из Бремена.

— Это наша Маруся, — пояснил юноша. — Она прибилась к нашей семье маленькой девочкой, когда ее родителей «кончали» на селе как кулаков.

Он намеревался еще что-то прибавить, но сзади их послышались шаги и низкий, мужский голос произнес насмешливо:

— Где красивые женщины, там и мой сын. Так было еще с малолетства!

К ним подошел эластичной походкой видный, отлично одетый, господин. Он был уже не молод, но держался по военному, весьма прямо. Лицом некрасив, скуластого, восточного типа; в движениях сдержан, по звериному округл; черные пронзительные глаза, — глаза человека властного и, возможно, недоброго.

— «Джек Потрошитель» — подумала Лика и тотчас удивилась своему дикому сравнению: почтенного доктора с удалым разбойником.

Алеша в присутствии отца стушевался, как самостоятельный индивидуум, совершенно.

— Мой отец доктор Фокин — Гликерия Николаевна Сергеева, — стоя почти на вытяжку, отрапортовал он.

— Значит наша спонсорша и профессорская дочка. Очень приятно познакомиться, — и Фокин-старший, с профессиональным радушием, протянул свои мягкие, докторские руки и молодая женщина почувствовала, как ее ручку словно приласкали.

Она пунцово вспыхнула и вознегодовала на себя за это.

— Что сын, то и отец! Одного поля ягода, — сердито подумала она. — Но почтенный «Джек» — похлеще!

— Николай Николаевич никогда не писал нам, что у него есть такая прелестная дочка, — вежливо улыбаясь, но наблюдая молодую женщину серьезными глазами, продолжал Фокин. — Мы бы поспешили . . . Как поживает ваш батюшка, он в последнее время не баловал нас своими письмами. Не сердит ли он на нас за опоздание? — и он умело, по следовательски, допросил Лику об интересующих его вещах. В частности узнал, что Сергеев — профессор археологии, в настоящее время занят в одной филателистической фирме; что Лика родилась в Америке, что ей исполнилось 25 лет, она не замужем и служит переводчицей в ООН; что Сергеевы живут в зеленом пригороде Нью-Йорка, в собственном, уже давно выкупленном доме; что у них два автомобиля и что живут они, вдвоем с отцом, в сердечном согласии, но довольно скучновато.

— Это поправимо, мы позаботимся о развлечениях, — решив, должно быть, что для предварительного диагноза сведения достаточные, проговорил Фокин и незаметно зевнул. — Спишите теперь, Гликерия Николаевна, «отдохновение и покой», как говаривал Иван

Никифорович Ивану Ивановичу, с вашего счета. (Опять литература! — взгрустнула Лика).

— Ну, а вы, молодой человек, как поживаете на новой родине? — насмешливо отнесся он к сыну.

Алеша бодро отвечал, что «поживает» он на новой родине не плохо, и поспешил доложить о дожидающихся у входа дамах.

— Может я их любезно турну, папа, — предложил он.

Фокин-старший пожевал губами и снова зевнул, видимо был утомлен.

— Нет, сын мой, «любезно турнуть» всегда успеется, — проговорил он наконец. — Пришли не дамы как таковые, а доллары. Или верней — дамы с долларами. Словом, для нас, безлошадных колхозников, комбинация довольно интересная. Я схожу проведать дам и, возможно, впоследствии займусь ими.

При этих словах у Лики на лице появилось некоторое недоумение, что не ускользнуло от Фокина.

— Докторских «правов» я, конечно, еще не имею, — пояснил он небрежно, — но. при наличии домашнего врача и мой совет может быть полезен . . . Но сначала, разрешите уважаемая Гликерия Николаевна, провести вас в госпиталь и познакомить с моей женой. Посещение парохода запрещено, но я надеюсь, что капитан, мой приятель, дело отрегулирует.

VI

Капитан дело отрегулировал и через несколько минут оба Фокиных и Лика находились уже в крохотной, одиночной каюте, приписанной к судовому госпиталю.

Фокин отрекомендовал Лику жене, Анне Леонидовне, и поспешно их покинул.

— Буду обратно в самой скорости, — сказал он уходя. — Прошу тебя, Аня, меня извинить и вести себя паинькой.

Анна Леонидовна лежала неподвижно на узкой, пароходной койке и большими, серыми, как у Алеши, глазами, почти безучастно наблюдала пришедших. Первое впечатление Лики было, что эта еще не старая, красивая, но уже поблекшая женщина, жестоко и безнадежно больна. Лике вспомнилась ее покойная мать и острая волна жалости сдавила ей грудь. Ей захотелось упасть на пол у изголовья больной и горько заплакать. Но так как плакать, очевидно, было нельзя, то она неудобно, бочком, присела на единственный стул и начала, по возможности спокойно, дамский «конверсешэн». В разговоре, между прочим, определилось одно странное обстоятельство, на которое Лика обратила внимание лишь позднее. Анна Леонидовна, говоря о приезде семьи в Америку, о самой себе выражалась в том духе, что она еще не прибыла, находится где-то «там», дома, или, по другой версии, что она намеревается скоро вернуться обратно домой. По всей видимости в ее сознании была опасная брешь.

Алеша стоял все время в углу и по его тревожному, полному заботы и беспокойства, взгляду, Лика поняла, что он страдает и нежно предан матери.

В каюту неслышно вошла рослая, одетая в больничный халатик, крестьянская девушка. Ее простое, смуглое, с живыми глазами, лицо, толстые, с вплетенными лентами, русые косы, высокая грудь и большие, ладные руки, были породисты, народны, умилительны. Лике представилось, что словно цветок подсолнечника, с каплями росы и суетливой пчелкой, заглянул в темную хату.

— Наша Маруся, — отозвался Алеша из своего угла. Но и без его представления было ясно, что это «Маруся».

Девушка держала в руках металлический поднос, со вдавленными для многих кушаний, местами. На подносе стояла лишь чашка и лежала сморщенная булочка.

— В столовой слаживаются, все уже поховали, — сообщила она. — Достала тилько капу кофия.

Потом, окинув быстрым и любопытным взором блистательную Лику, и, вероятно, сразу сообразив, кто она такая, Маруся, с подкупающей, ласковой улыбкой, обратилась к ней:

— Лихонько мне с ними, ничего не кушают. Осерчает на меня Роман Ефграфьевич, прибьет.

И вдруг в полной диссонанс со всей сельской идиллией, чужим, вроде как при чревовещании, голосом, строгим тоном произнесла по английски:

— У мэм нервная депрессия, доктор распорядился ее ни в коем случае не волновать!

Пароход ожил, тихо шевельнулся под ногами. Лика нервно вздрогнула.

— Спасибо за предупреждение, — также по английски, недружелюбно ответила она.

Этими репликами взаимоотношения молодых женщин определились более, чем всем последующим.

От угощения Анна Леонидовна категорически отказалась.

— Я так нечеловечески устала, — пожаловалась она. — Выпила бы только хорошего, французского вина, но «наш» доктор запретил мне и надо слушаться.

Лика подтвердила, что точно, врачей, хоть иногда и неприятно, надо слушаться.

— Маруся, пойдем посмотрим, что происходит с багажем, — сказал Алеша и к Лике по английски: — Прошу вас, посидите пока с мамой . . . Эх, врачи! Ничего они не знают и ничего не могут, и «наш» тоже, — с горечью добавил он.

Маруся тем временем сбросила свой халатик и оказалась в простеньком, но хорошо сшитом и модном

платьице. Беспристрастно говоря — красивая, хоть на выставку, украиночка. Но Лике показался теперь ее давешний «подсолнечник» грубым, побуревшим и весь в веснушках.

С их уходом начались для Лики по настоящему тяжелые времена.

VII

Вначале все шло благополучно. Лика продолжала занимать больную нейтральными разговорами и украдкой поглядывала на свои часики. Затем, к беде, ей вздумалось снова предложить кофе. Анна Леонидовна замахала руками и неосторожным движением выбила чашку. Происшествие маловажное, но больная восприняла его трагически. Пока нарядная и душистая Лика была занята собиранием осколков и размазыванием газетой липкой жидкости по полу, на койке послышались всхлипывания. Когда же она, наведя относительный порядок, наконец выпрямилась, истерика развернулась в полном объеме.

— Она умирает! — увидя пену на губах, ужаснулась молодая женщина и в панике кинулась из каюты за помощью. В соседних каютах стояли аккуратно заправленные, пустые койки и ничто не шевелилось. Та же картина и в приемной. В это время наверху протяжно и внушительно проревел дважды пароходный гудок.

— Отплываем! — пронизало Лику и она, на подобие подводной лодки, потерявшей управление, но сохранившей плавучесть, рывком, по отвесному трапу, вынеслась на поверхность. По пути она успела еще зацепить и сломать каблук. На палубе было безлюдно, никаких признаков к скорому отплытию. Лика, тяжело дыша, прислонилась к пожарной будке, постояла, посмотрела, мало что видя, вдаль на Гудзон. Потом, сняла свою изуродованную туфлю и, балансируя на одной

ноге, стала ее осматривать. В этой задумчивой позе ее застал Фокин-старший.

Позднее Лика рассказывала отцу:

— Джек приостановился, внимательно посмотрел на меня, на мою туфлю, и не сказав ни слова, марш-маршем двинул вниз, в пароходную преисподнюю, откуда порой слышались страшные звуки. Я немного отдышалась и, униженная и оскорбленная, в одних прозрачных чулках, фактически — босиком, тоже поплелась по железным ступеням, отвратительно холодным и мокрым, в темный трюм. В одиночной каюте, куда я заглянула, стоял в согбенной, напряженной позиции Джек и держал свою руку вытянутой, на лбу у больной. Последняя лежала теперь безмолвно, вытянувшись как не живая. Джек, не оборачиваясь махнул мне, чтобы я убиралась поскорей.

Лика вышла в соседнюю каюту и опустилась там на койку. Никакой жалости к Анне Леонидовне у нее теперь не было, была лишь жалость к себе и глухая тоска по свету и воздуху. Вскоре вышел Фокин и присел на койке напротив. Он был бледен, облизывал пересохшие губы. Довольно долго приходил в себя, молчал. Потом наклонился к молодой женщине, спросил приглушенным голосом:

— Так они и жили? — и сам себе насмешливо ответил: — Так они и жили! .. Не огорчайтесь, Гликерия Николаевна, столь беспредельно. Маруся подыщет вам что-нибудь подходящее на ноги.

Способность к иронии вернулась к нему в первую очередь.

Выехали всей компанией затемно, при зажженных фарах. Лика везла свой деликатный груз с предельной осторожностью. Позади расположились старшие Фокины, они не шевелились, и неизвестно было, живы ли или нет. На переднем сидении, рядом с Ликой, примостились Алеша и Маруся. Алеша до выезда из горо-

да любопытствовал, что-то говорил, затем, когда перевалили мосты и выбрались на широкую дорогу, замолчал, и вскоре, склонив свою буйную голову на плечо молодой женщины, по детски засопел носиком, видно крепко заснул.

Управлять машиной было неудобно, на душе — смутно и тревожно. Чужой мир, мир вчера еще неведомый, со всеми своими интересами, волнениями и страстями обступил Лику, эгоистично требовал к себе внимания. Почтенный Джек, «балабошка» -Алеша, Маруся, больная и несчастная Анна Леонидовна — каждый на свой манер! По своему беспокоен, неустроен и страшен. Чего можно ждать от них в дальнейшем ? !

— Ничего хорошего, — мрачно думала Лика. — Уж, пожалуй, проще был бы старец с его допотопной клюкой, вместе со всеми женками и детьми!

VIII

В одиннадцатом часу ночи Лика благополучно прибыла в собственный двор. Ярко осветив фарами въездную дорожку, мягко затормозила машину. Вылезла, затопталась, разминая затекшие ноги, на месте. В доме не было видно огня, значит отца нет дома. Из темноты вышел и поздоровался Федор Иванович, покорный ей человек.

— Я уже несколько раз заходил вечером. Ни вас, ни Николая Николаевича! — сообщил он. — Куда вы ездили и что привезли?

— Ох, привезла я свое «лыхонько» — вздохнула молодая женщина. — Никогда, Федор Иванович, вы не были так кстати! Только . . . не стойте бессмысленно, тащите в дом чемоданы, шкафы, людей, словом все . . . Мой папка сбежал! Я сейчас пошарю, найду ключ от дверей.

Далеко за полночь, когда вселение и перестановка были закончены, прихромал на стареньком Форде профессор. Лика услыхала пофыркивание его автомобиля и вышла во двор встретить.

— Задержался у батюшки, я ему давно обещал разобрать его коллекцию, — виновато оправдывался старик. — Представь себе, у него оказалась редкая марка, известная под названием Черный Наполеон, он и не знал . . . А ты как, привезла новых жильцов? Что они ? !

— Все в порядке, папочка. И все как ты говорил: дикари, вроде наших индейцев и Жучка при них. Презабавная!

— Да ну! — обрадовался профессор. — Ты мне не верила! Запуганы, жалки, разуты?

— Да, только не они. Я сама запугана и разута . . . Пройдем через кухню, я уступила им весь нижний этаж, сама перебралась к тебе. Наверху я расскажу все подробно.

Подробного рассказа, однако, профессор в тот вечер не услышал. Когда они удобно расположились в кабинете на диване, закурили и профессор сказал:

— Ну, теперь . . .

Лика обняла отца и, неожиданно для самой себя, разрыдалась.

Профессор в смятении застыл на месте, только щурился, недоумевал, почему его храбрая девочка, его «золотце», его жизнь, так расстроилась.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Fremdsprachendruckerei Dr. Peter Belej, München 13